

ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ!

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 45 НОЯБРЬ 1988

ФИРМА
РАБОТАЕТ
НА ПЕРЕСТРОЙКУ

УРОКИ БУХАРИНА

СОВРЕМЕННИК
РЕВОЛЮЦИИ

58-12

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 45 (3198)

5 — 12 НОЯБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1988.

Главный редактор

В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,

В. В. ГЛОТОВ

(ответственный секретарь),

Л. Н. ГУЩИН

(первый заместитель главного редактора),

Н. А. ЗЛОБИН,

В. Д. НИКОЛАЕВ

(заместитель главного редактора),

Ю. В. НИКУЛИН,

А. Г. ПАНЧЕНКО,

С. Н. ФЕДОРОВ,

Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,

В. Б. ЧЕРНОВ,

В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

В. И. Ленин и манифестация. Картина худ. И. Бродского. (1919 г.)

Оформление А. А. КОВАЛЕВА
при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА

Цена подписки на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный)

(095) 943-00-70

Телетайп (внутрисоюзный) 112349

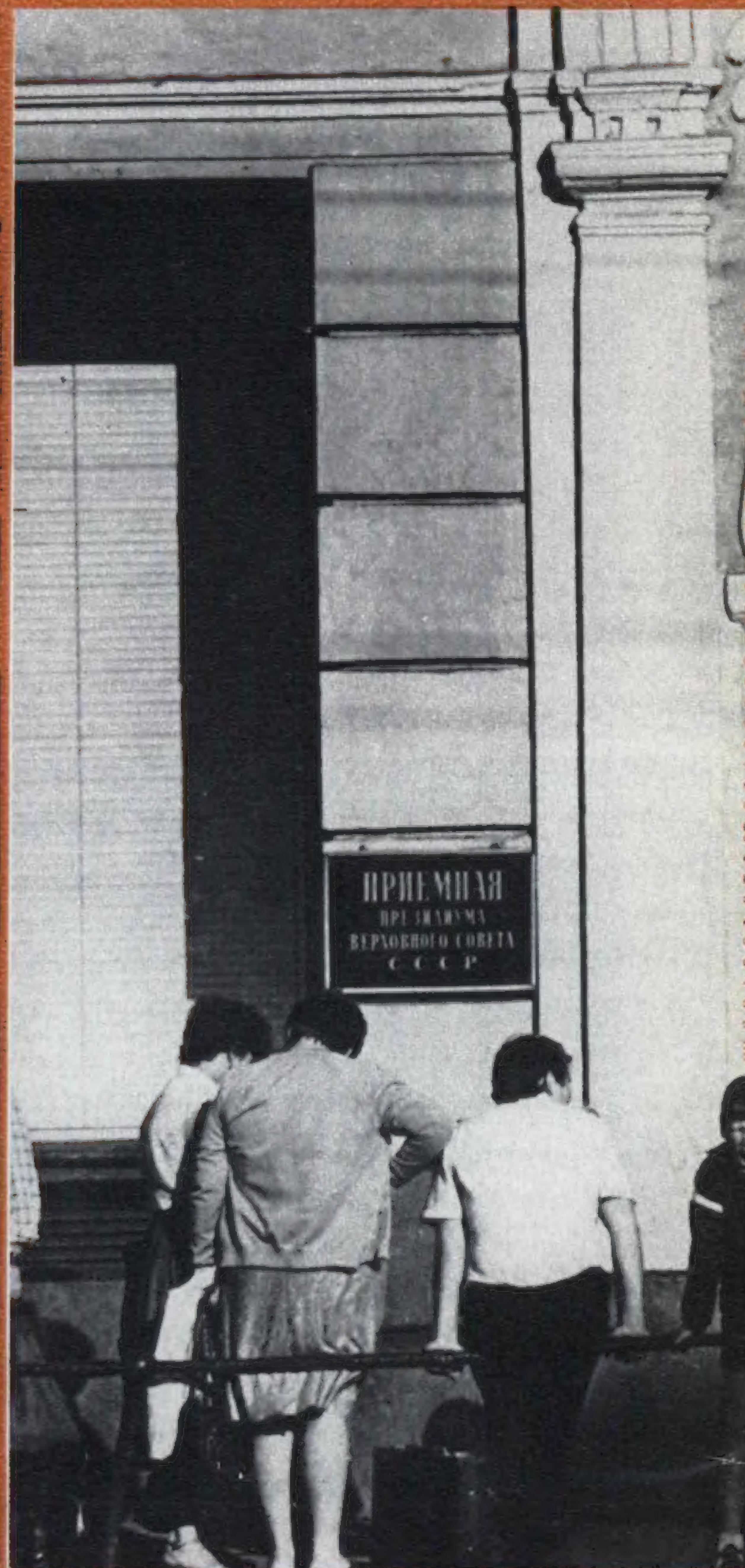
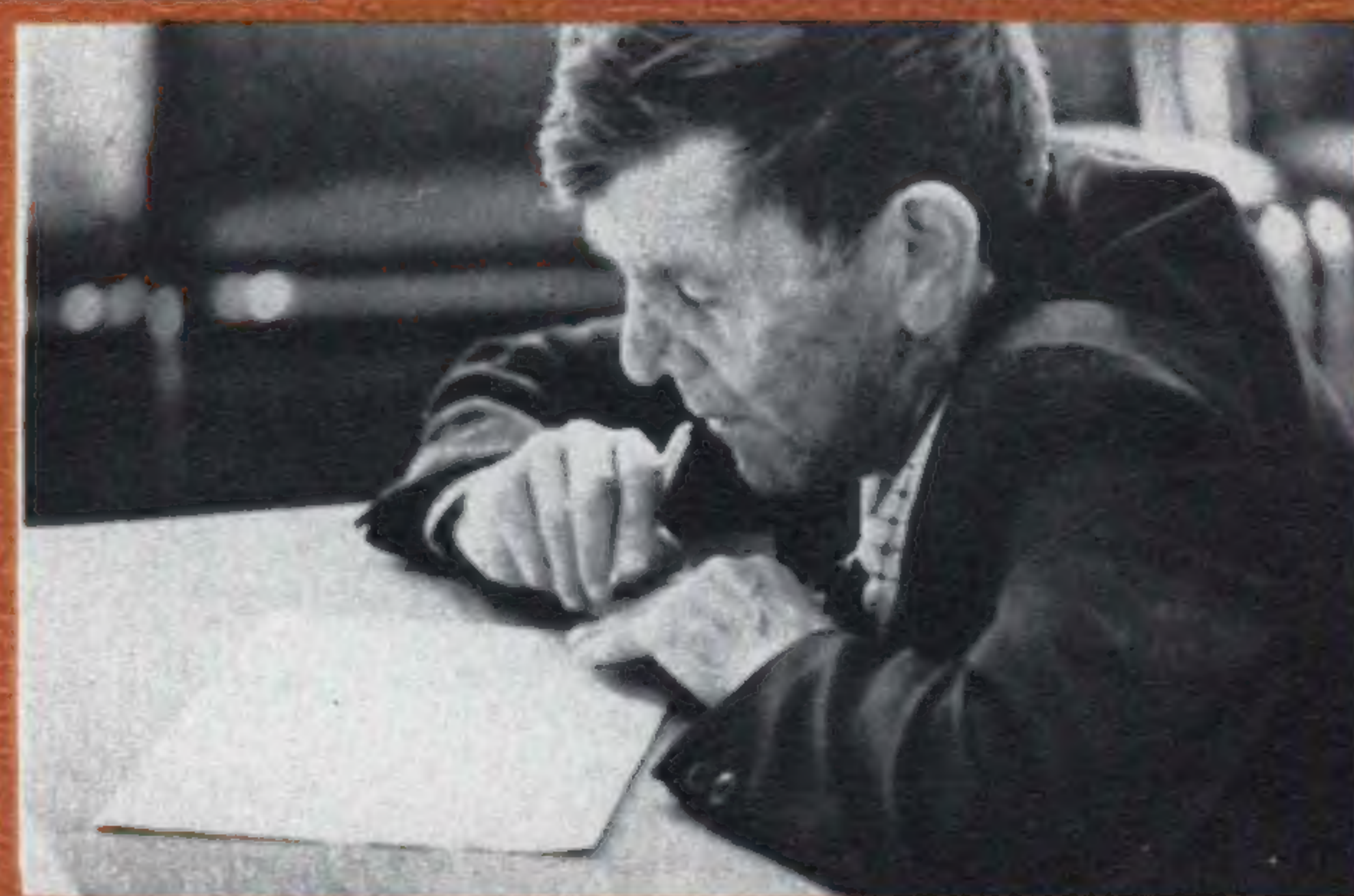
«Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

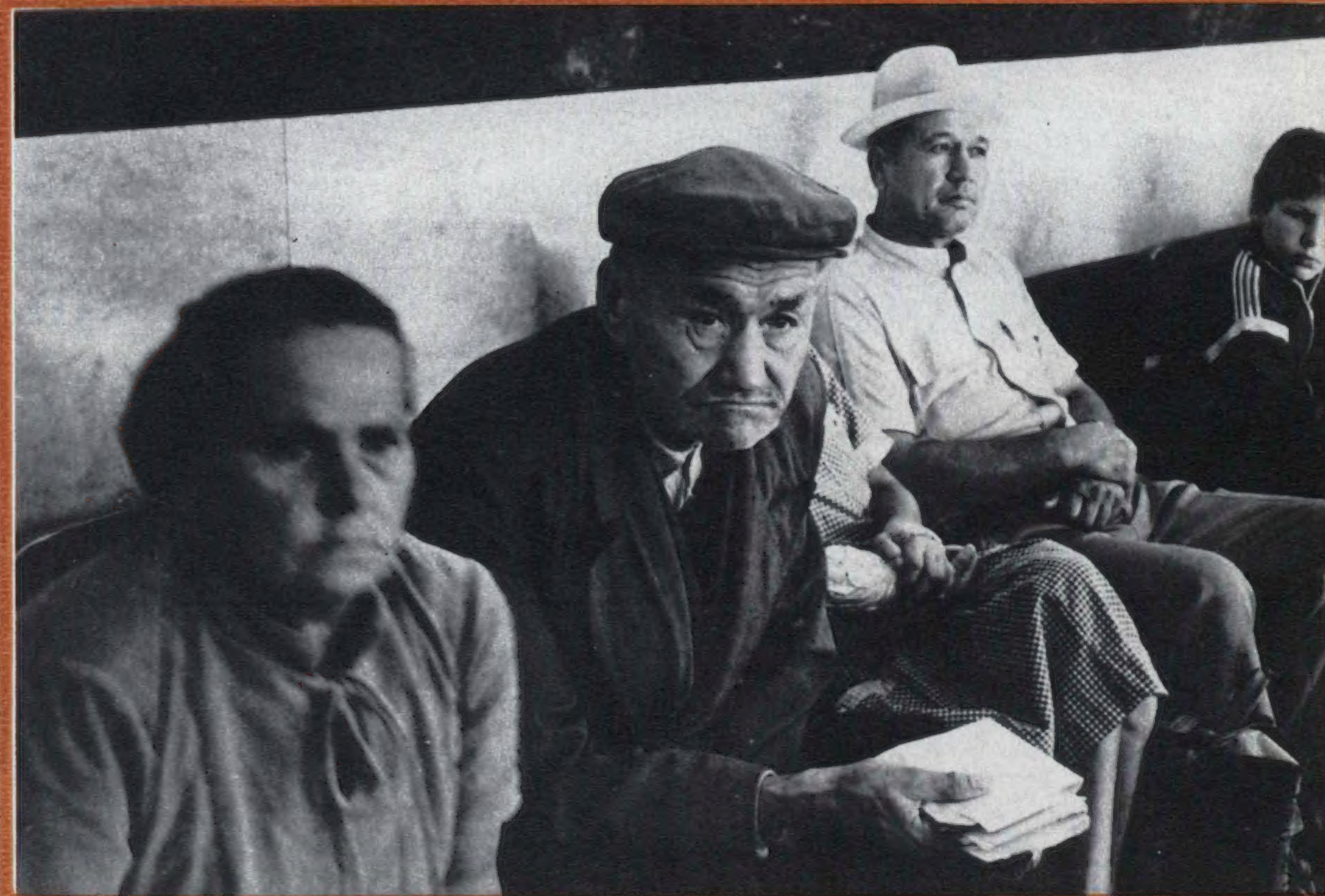
Сдано в набор 17.10.88. Подписано к печати 01.11.88. А 10411. Формат 70 × 108½. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 3140.

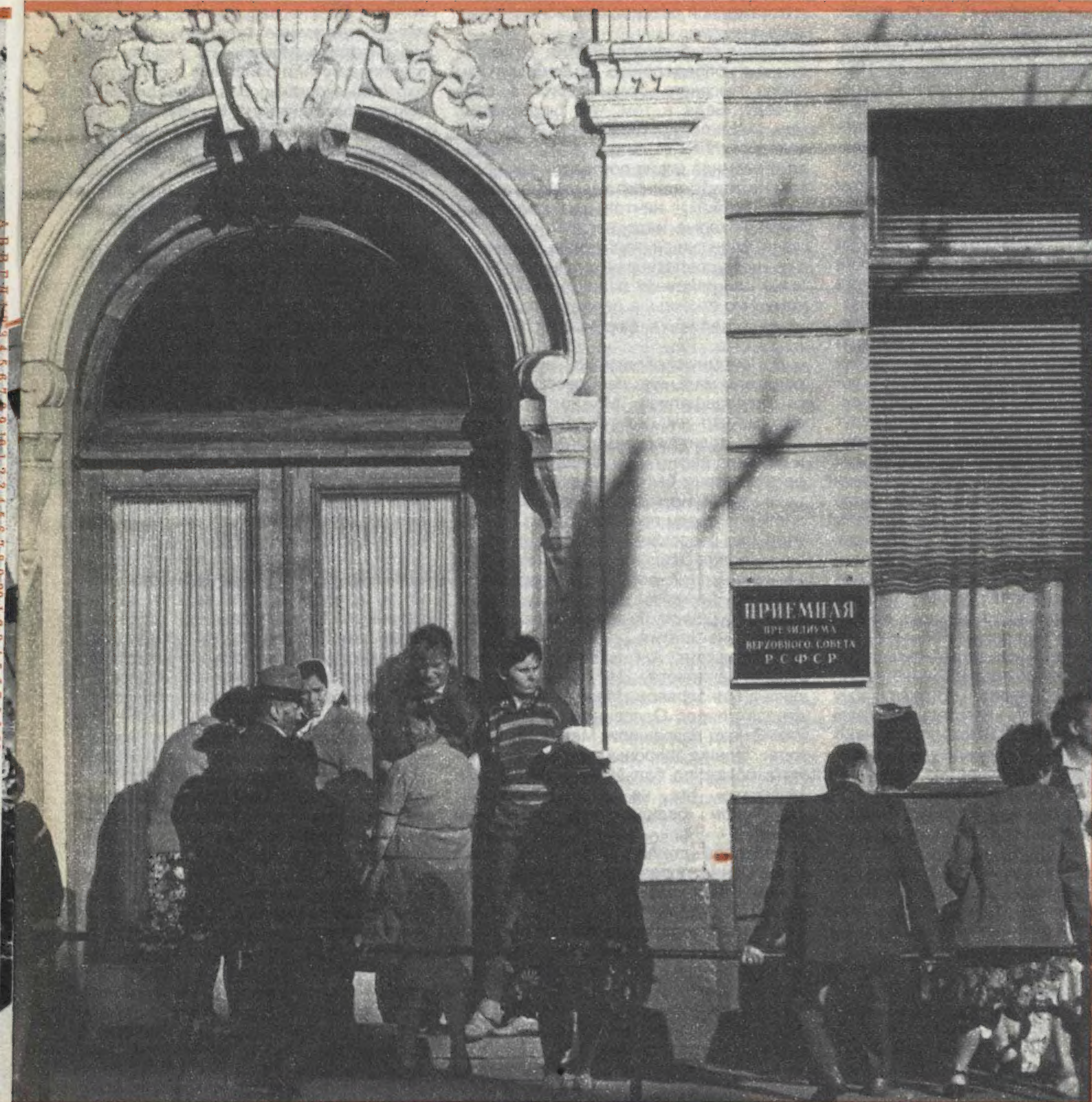
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В.И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

В МО

Наше общество пережило довольно долгий период деклараций и заклинаний относительно власти, которая «принадлежит Советам». Однако на деле Советы нередко были малоактивны, а то и беспомощны. Ныне же, в ходе реформы политической системы, их влияние на жизнь страны начинает возрастать. Советы способны определять многое в судьбах людей. И люди постепенно восстанавливают пошатнувшуюся веру в возможность подлинного народовластия. Не обмануть людские ожидания — к этому сейчас стремятся и работники Приемной Президиума Верховного Совета СССР.

Алла БОССАРТ
Юрий ФЕКЛИСТОВ (фото)

ПОЛНОМОЧНЫ ЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛИ?

Пропускная способность Приемной Президиума Верховного Совета СССР — двести человек в день. Двести единиц горя. Со счастьем сюда не приходят. Почти весь аппарат Приемной — люди бывалые. Работают по двадцать, тридцать, сорок лет. Молодых мне встретилось здесь мало. Работа эта не для молодых. И не для слабонервных. Консультант Приемной принимает в день до двадцати человек. Съезжают люди со всей страны, которые у себя дома, в своих городах и селах, обили уже все пороги. Сюда прибывают за последней надеждой. Многие плачут. Иные кричат и грозятся «найти управу». Есть и скандалисты, профес-

СКВУ ЗА ПРАВДОЙ

сиональные кляузники, душевнобольные — не без этого. С хныкающими, усталыми детьми на руках. Со всеми своими проблемами и претензиями, которые граждане вываливают на консультанта как на представителя власти, той самой управы, которой мы все выискуем в лишениях и обидах наших. От консультанта ждут внимания, сочувствия и практической помощи.

Консультант Приемной — это опытный юрист и аппаратчик, который хорошо ориентируется как в «коридорах власти», так и в законах. Это представитель Президиума Верховного Совета СССР. Он может позвонить в любой горсовет, Совмин, республиканскую прокуратуру или другой высокий орган с поручением — заметьте, не с просьбой, а с поручением разобраться и сообщить. И в то же время консультант — это рядовой работник, от которого зависит не так уж много.

Я вижу, как неприятно цепляют эти слова славных, терпеливых, умных и чрезвычайно добросовестных людей, которые с 9 до 18 ведут ежедневный прием граждан.

Всего полдня кряду я просидела у Людмилы Степановны Казаковой и заработала жестокою головную боль. Это я, наблюдатель. А она? Выслушав каждого (при мне она приняла дюжину), консультант двенадцать раз тянулась к междугородному телефону и ласково говорила в трубку: «Томуля, Гомель»; «Томуля, Маргилан Ферганской»; «Томуля, Донецк»... Снимаю шляпу перед профессионализмом консультанта Казаковой (да и десяти остальных): она знает на память имена-отчества едва ли не всех председателей крупных облисполкомов, мгновенно ориентируется в ситуации. Она воспитала двух приемных детей, и у станка стояла, и в землянке ютилась, знает жизнь, знает людей. Людмила Степановна Казакова — очень привлекательное лицо Советской власти. Но...

Людмила Степановна может позвонить и написать, доложить руководству. Она может направить своего наиболее «острого клиента» на прием: 15 председателей республиканских Президиумов ведут через день прием граждан, по месяцу каждый. Но ведь это и все, что она может. Дают квартиру, увольняют и принимают на работу, строят детские сады и очистные сооружения, заводят уголовные дела, прописывают, делают ремонт «маленькие» начальники на местах, и только они. Те самые, на кого и приезжают бить челом в Москву и попадают к Людмиле Степановне.

В Приемной помнят гражданина, который трижды привозил однотипные жалобы. Три раза в соответствии с проектами местного АПУ на месте его дома (вернее, домов) разворачивали строительство. То дорогу прокладывали аккуратно через жилище, то микрорайон возводили. Только на третий раз удалось Советской власти остановить этот разбой.

Здесь надо заметить, что население и аппарат совершенно по-разному трактуют функции Приемной. Граждане ждут от нее конкретной помощи, «принятия мер». А Владимир Иванович Колесников, заведующий Приемной, подчеркнул и даже записал мне для памяти: «Главное в работе Приемной — решение крупных социальных проблем на основе анализа и обобщения предложений, заявлений и жалоб граждан». Каждые две недели в Верховный Совет направляются обзорные записки, которые образуют как бы анатомический атлас болевых точек страны: тут и сахарная проблема, и экология, и Нагорный Карабах, и классический жилищный вопрос, и алкоголизм, и законность, и страсти трудовых коллективов, и пенсии, а теперь еще и последняя новость дня: подписка... Таким образом, Приемная осуществляет связь центрального органа власти с демосом, чьи проблемы она не столько решает, сколько «берет на контроль».

Такова идея, теория. Но практика исторически складывалась так, что де-

мос доверял Приемной не только проблемы, но и судьбы. И было время, когда консультанты эти судьбы решали — многие и многие судьбы граждан. ...Поток реабилитаций шел до 1959 года. Были созданы Комиссии Верховного Совета СССР по пересмотру дел осужденных за политические, должностные преступления и несовершеннолетних. Членами Комиссий были и работники аппарата Президиума, в том числе и Приемной.

«Полгода мы работали от Тайшета до Братска», — рассказывает Николай Николаевич Казакевич, заведующий сектором информации, а тогда — консультант. — Перед нами прошли десятки тысяч. Я все вспоминаю летчика, осужденного за «восхваление немецкой техники». Когда он столкнулся с производом лагерей, сразу стал готовить побег. Группа «эзков» бежала. Заблудились в тайге, голод. Уже боялся друг друга... По пути убили всадника встречного и съели лошадь. А потом выходят в населенный пункт — прямо в руки милиции. Им добавили срок. Дело сложное. С одной стороны — судим этот летчик был, конечно, незаконно. Я внес предложение, что в этой части его надо признать невиновным, а учитывая, что все последующее произошло как реакция на беззаконие, Комиссия сократила ему срок, чтобы уже через несколько месяцев он вышел на свободу. Отлично помню Бернштейна, его письмо опубликовал «Огонек». Ему вменялась в вину «попытка затопить Приморский край». Тоже докладывал на Комиссии его абсурдное дело, предложил признать полностью невиновным. Помню в деле его фотографию — красивый, с шевелюрой, молодой человек. Большой старик, он, увидев ее, заплакал...

— Но в обычных, не экстремальных обстоятельствах, — добавил Казакевич, — Приемная отнюдь не должна подменять собой ни правовые органы, ни местную администрацию.

Однако именно этого ждет от нее население. И какова бы ни была теория, на практике Приемной приходится не только беспристрастно информировать руководство, но и бороться с бюрократизмом, ленью и глупостью на местах. Насколько эффективно — другой вопрос.

«...ИЗБЕРИ СУДЕЙ ПРАВДИВЫХ...»

Прошли те времена, когда Михаил Иванович Калинин на поезде «Октябрьская революция» (за которым сразу закрепилось уважительное прозвище «Советская власть на колесах») объезжал губернии и толковал с народом о политике, о земле, о новой власти, о войне и мире, выслушивал личные жалобы и просьбы. Недостатка в них, понятно, не было, и из аппарата ВЦИКа вскоре выделилось звено, которое стало заниматься «личными вопросами». 26 апреля 1919 года открылся Секретариат Председателя ВЦИК, состоялся первый прием у Всероссийского старосты на Моховой.

30 декабря 1919 года Ленин издал постановление «Об устранении волокиты». В преамбуле читаем, что граждане, обращаясь прямо в центр через голову местных властей, тоже плодят волокиту, так как центральные органы вместо того чтобы действовать, вынуждены наводить справки.

Такое постановление было не только актом доверия к Советской власти на местах, оно также предполагало четкость и взаимодействие всех частей системы. Но бюрократия распорядилась по-своему.

Не к колесам, а все больше к креслу стали тяготеть многие из тех, кому доверили представлять Советскую власть. А с годами выработались иные принципы управления государством, и вожди перестали рассматривать ткань народной жизни в микроскоп, перестали интересоваться деталями, да, собственно, и самим народом. Микро-

скоп сменился телескопом, причем с искаженной оптикой интенсивно розового стекла.

Приемная бывшего ВЦИКа демократична по определению. Но демократизм столь высокого органа таил в себе и беду. Беда в том, что бюрократия, чем мелкопоместней, тем сановней и недоступней. И, открытая для каждого, Приемная стала погрязать в проблемах не то что личного характера, а в самых мелких, ничтожных проблемах быта, которые надо решать на уровне жэка. Увы, наши заурядные потребности не удовлетворяются на уровнях жэка или районной поликлиники не потому, что сложны, а потому, что, в упор не видя человека, бюрократия бесчеловечна.

В Приемную обратились несчастные родители мальчика из Одессы, больного гидроцефалией. Можно не сомневаться, что уж они-то до Верховного Совета подняли на ноги всю страну, и не было светила, клиники или препарата, которых бы они не знали. В стране водянку мозга не лечат. Но лечат в Италии. Люди просили только одного: чтобы им разрешили поехать к итальянскому профессору, он уже дал согласие на лечение. И вот этого разрешения получить не могли. Почему? А потому. Если все начнут лечиться за границей, валюты не хватит...

Консультант А. Г. Кузьмина доложила по начальству. Начальство связалось с Минздравом. Минздрав ходатайствовал перед Одесским обкомом партии. Выезд разрешили. Мальчика вылечили. Одним здоровым мальчиком стало в обществе больше. Но здорово ли общество, где не видели разницы: мальчиком больше или мальчиком меньше?

Казакова докладывала у зампреда совершенно поразительное дело. (Вел прием Председатель Президиума Верховного Совета Литвы В. С. Астраускас.) Из города Маргилана Ферганской области приехала гражданка Чумакова и, горько плача, поведала, как десять лет не может добиться обмена с четвертого этажа. Сама она инвалид второй группы, дочь — тоже: тахикардия, ходит с трудом, по лестнице подняться не может. На вопрос о лифте женщина сквозь слезы даже улыбнулась. Витаутас Стасевич недоверчиво взглянул на Людмилу Степановну, а затем на гражданку Чумакову. «Я вас правильно понял? Вы хотите обменяться с четвертого этажа на первый? И больше ничего? Для этого вы приехали из Ферганы?» «Из области... Там недалеко...» — еле слышно уточнила женщина. Витаутас Стасевич, отменно вежливый и приветливый, справился с изумлением и, как и всем посетителям, встав, пожал на прощание гражданке Чумаковой руку. «Поезжайте домой. Мы дадим поручение товарищу Нурматову, и, конечно, вам помогут. Тут нет проблем». Только у детей я видела такую волшебную перемену от слез к счастью. Делать людей счастливыми приятно. И, видимо, заместителю Председателя Президиума Верховного Совета СССР легче и приятней, чем маргиланскому мэру Нурматову. Готовить письмо. Слатъ его в горсовет. Или, чтобы пострашнее, даже в Верховный Совет Узбекистана. Оттуда бумага пойдет в область. А область уж даст команду району. Или не даст.

И хотя недавно получен ответ от товарища Нурматова, что просьба Чумаковой будет удовлетворена, в условиях наших бумажных взаимоотношений обещание с легкостью может принять хронический характер. Прецедентов хватает.

«Десяток лет нас принуждали быть посредниками в хищениях у государства крупных сумм денег. А всю мощь преступников мы почувствовали, когда около года назад обратились в Прокуратуру РСФСР с заявлением о фактах хищений и злоупотреблений со стороны директора районной торговли. Прокуратура ЯАССР брала с нас показания о фактах хищений, и все сразу же становилось известно преступнику, ему со-

общали, какие документы нужно уничтожить. Против нас три раза пытались завести уголовное дело. Обо всем этом мы писали в Москву. На защиту преступника встали районные и областные партийные органы. Нас вызвал первый секретарь райкома и показал нам...наше письмо. Сколько бы Москва ни пересылала наши заявления в Якутск, тот будет бездействовать. Районный прокурор прячет глаза: ведь в его руках побывало столько документов по хищениям. Такие ему не по зубам...»

Коллективное заявление из Якутии проверялось Прокуратурой РСФСР. В действиях директора районной торговой конторы состава преступления не найдено. Как один из немногих веских аргументов в пользу этого вывода назван тот факт, что «сам он получение денег категорически отрицает».

Не первый год гуляют из Тамбова в Москву и обратно жалобы жителей села Перикса Покрово-Пригородного сельсовета Тамбовской области. Село относится к двум райисполкомам, которые футболит его друг к другу, не давая средств на благоустройство. В селе нет транспортного сообщения с городом (школа, больница); вода в колодцах непригодна для питья; дома не отапливаются, а уголь гортоп выдает некачественный. Такое положение сохраняется 25 лет. Вот очередной образец трогательного в своей объективности бюрократического творчества, адресованный исполкомом Советского райсовета г. Тамбова (зам. председателя Н. Костин) в Президиум Верховного Совета. «Установлено, что автобусное сообщение с селом Перикса будет открыто после проведения капитального ремонта отдельного участка дороги (когда именно — «секрет фирмы»). — А. Б.)... Строительство водопровода, уличного освещения и газификации квартала не предусматриваются из-за отсутствия денежных средств. В 1989 году планируется открыть библиотеку». Утешительный приз, что ли?

У Приемной Президиума нет возможностей проверять проверяющих. Поэтому в своих ответах инстанции могут бесконечно изощряться в обтекаемости: не указывать ни сроков, ни причин, ни фамилий, ни конкретных мер; наиболее же искусственные просто «не находят» подтверждения фактам.

Имя Георгия Арменаковича Асояна слишком хорошо известно в медицинском мире, чтобы в его случае тоже можно было ограничиться отпиской. Однако Минздрав РСФСР и тут нашел хитроумный ход. В 1973 году Г. А. Асоян был избран по конкурсу на должность заведующего созданной им лабораторией консервации органов при Втором МОЛГМИ имени Пирогова. В 1980 году волевым решением бывшего ректора Лопухина переведен на должность старшего научного сотрудника в лабораторию, не соответствующую профилю его работы. За это время Асояном достигнуты результаты мирового значения в области пересадки почек, и теперь, в самый разгар работы по трансплантации и консервации, видного ученого и единственного автора разрабатываемых изобретений с одобрения Минздрава РСФСР изо всех сил выпихивают на пенсию как работающего не по профилю. Притом, что это сорвет многолетний труд нескольких коллективов, труд государственной важности.

Министр здравоохранения РСФСР А. И. Потапов доложил Президиуму Верховного Совета: «Учитывая важность научных разработок т. Асояна Г. А. по созданию аппарата для консервации внутренних органов... дано указание продлить срок работы т. Асояна Г. А. в должности старшего научного сотрудника до окончания срока действия договора по клинической апробации аппарата...»

А потом? И почему полный сил ученый должен работать как бы из милости «до окончания срока»? Какие сроки у науки?

Административная система приучила к тому, что инициатива наказуема (до

поручения Приемной Минздрав РСФСР никак не реагировал на обращения ученого, Прокуратура — на письма из Якутии, и несть числа бестрепетным райсоветам).

Но если Сталин отучил администрацию действовать самостоятельно, принимать решения, приучил к послушанию, сосредоточив ее внимание на команде, то Брежнев развратил эту публику окончательно, уже и послушания не требуя, — только звезд и оваций. Поэтому, с одной стороны, нынешний бюрократ сохраняет идеальную творческую неподвижность (сталинский тип), с другой же — не пуглив, как сытая ручная курица (тип брежневский), и отнюдь не бросается в гущу жизни после первого кремлевского звонка. Более того, находятся и те, кто именем Верховного Совета даже прикрывает свои махинации. Несколько лет назад некий одесский руководитель получил «вышку» за торговлю квартирами. На суде он ссылаясь на «распоряжения» высшего органа государственной власти о предоставлении внеочередной жилплощади...

Вот такая эволюция.

ОБЩИЙ СЛУЧАЙ ЧАСТНОГО ГОРЯ

Д

а, от порога и до «кабинета № 1», где принимает руководство, с тобой — как с человеком. Имеется даже касса, из которой раньше посетителям часто оказывали материальную помощь. К сожалению, потом, как это водится, граждане стали злоупотреблять, и благотворительность пришлось свести к исключительным случаям. Как и воровство, такая простодушная «дойка» государства — ответ на отношение к так называемому человеческому фактору... Как правило, нас, граждан, клиентов, с трудом терпят везде: в больнице, магазине, ателье, ремонтной конторе... Рукопожатие, улыбка и внимание, которыми не разучились оделять людей сотрудники Приемной, кажутся нам уже гарантией успеха, окрыляют, возвращают к жизни. Интересно бы выяснить, сколько народу в самом деле Приемная в какой-то момент удержала на краю пропасти. И речь о делах посерьезнее, чем история офицерской жены, грозившей консультантам самоубийством из-за того, что за три года до пенсии мужа за пьянку уволили из армии: «Не он, а я, я не расстанусь с армией!» Впрочем, ведь и ее можно понять...

...На креслах в общем зале внизу дремлют дети. Ребятишки постарше слоняются из угла в угол, скукают, маются, но не бегают и не шумят, приученные к присутствию на месте: как правило, их берут с собой повсюду, не с кем оставить. Как вот эту ватагу в пять голов, младший в коляске — очумевшая мать притащила их из Тюмени. Ночевали на вокзале, а с утра — сюда, больше податься некуда. И так до боли жалко этих детей, которые, едва родившись, уже должны вызволять папу из тюрьмы. Скорее всего отец виноват. И скорее всего эта малышня призвана матерью для укрепления позиций. Кто осудит семью в ее бедствии и сиротстве?

Людмила Степановна Казакова укоризненно взглянула на молодую мамашу из Горловки:

— Зачем же с крохой-то? Думаете, мы бы вас без ребенка не выслушали?

— Та у меня дома еще двое. А мужик — инвалид. И хаты — немає. Старика мои со старшими остались, а малое бояться... А жить де — немає.

Муж пострадал в шахте, а его из очереди на квартиру и выкинули. Пенсионер в тридцать лет. Есть разве такой закон, чтоб инвалида по труду с очереди снимать?

Людмила Степановна в отчаянии. Законов никто не знает. Прав своих не ведают поголовно! Конституцию не открывали! Даже учителя — это ее почему-то особенно поражает — даже учи-

теля живут как в лесу. Она ворчит на мамашу и одновременно звонит в Горловку, и щекочет за ушком двухлетнего малыша, косолапо ковыляющего вокруг ее стула: «Куда полез, чиж? Займись-ка вот...» — Лодочку какую-то из бумаги свертела...

— В очереди попробуем вас восстановить, но ордера же мы не даем. Пропишитесь пока у матери. Да, это поможем. Билет есть на самолет? А ночевать где будете?

Ну, хоть так. Ведь с ней, мамой этой взопревшей и ее косолапым дитем, так нигде не разговаривали. Ни в Горловке, ни в Донецке. И не то что так — никак. Они ведь повторяют, как заклинание: никто не хочет слушать, никому не верим. Что, ей-богу, спрашивать. Людмила Степановна: ехали, мол, мимо Киева, почему не зашли в облисполком? Чего заходить? Писала. Вон же у нее куча бланков, и из облисполкома — переадресованные сызнова в райсовет.

Мне не верили мои знакомые, что на прием там, на углу Моховой и Калининского, не надо записываться за месяц. Ходоки стекаются к восьми утра и — куда проще и спокойней, чем в районной поликлинике, — получают в окошке дежурного талончик к консультанту на определенный час этого, текущего дня. И, погуляв по ГУМУ, почти вовремя приглашаются в кабинет.

Тридцать процентов обращений — по жилью. Это к Казаковой. Право, законность, помилования — к Кузьминой. Трудовые конфликты — к Черкасову. Кооперация — к Алехину... Звучит все очень по-деловому, нужно же как-то классифицировать. Но все одиннадцать консультантов и сам заведующий Приемной В. И. Колесников — великие доки и в уголовном праве, и в экологии, и в квартирном вопросе, и в национальном, и опыт их накапливается бесконечно...

ВРЕМЯ И МЕСТО

С

каждым годом поток посетителей и писем прибывает. От десяти тысяч в девятнадцатом до трехсот тысяч в 1987-м. Был резкий спад в годы войны, когда общая беда вытеснила личные. Был резкий подъем в годы реабилитации, после смерти Сталина, когда общая надежда подхлестнула человеческие страсти. В 1953 году очереди в Приемную стояли до Библиотеки имени Ленина. Стояли ночами. Стояли за свободой. Тогда принимали до тысячи человек в день. И хотя «пиковыми» были также 1956 (1 миллион 52 тысячи) и 1987 годы — возникает вопрос: говорит ли прирост обращений о росте социальной активности, как считают в аппарате, или он говорит о чем-нибудь другом тоже?

Между прочим, удивительную вещь я узнала от Н. Н. Казакевича, работающего в Приемной с 1948 года: не только в годы застоя, но и в годы культа в Приемную приходили письма с критикой в адрес вождя. Отчаянные честные головы выражали Верховному Совету свое НЕСОГЛАСИЕ с методами товарища Сталина. Неистребим мятежный дух. А демократическая человечность Приемной срабатывала в своеобразной форме и в те годы расцвета доносительской этики. «Я знаю людей, — вспоминал Казакевич, — которые, чтобы спасти авторов, не давали тогда хода этим письмам...» Это к вопросу о том, что может рядовой чиновник.

Но как и тогда, так и сейчас пишут не рядовым, пишут не в аппарат, не на имя Казаковой или Алехина и даже не на имя Колесникова или Астраускаса. Все пишут исключительно на имя М. С. Горбачева. Даже по поводу проблем, которые можно решить на месте. Проблемой становится само Место. Место и Время.

Бьют челом на председателя исполкома, превратившего город в задымленную свалку. На директора завода, обкрадывающего при хозрасчете рабо-

чих. На председателя, забывшего разницу между колхозниками и крепостными, с «рукой» в районе. На секретаря обкома, наложившего запрет на кооперацию. На сильных. На неприкосновенных.

Поток граждан растет.

МЕЧТЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

М

ы расположились во дворике старого здания МГУ, возле флигеля факультета журналистики. В мою студенческую пору это местечко называлось «психодром»: здесь «психовали» абитуриенты и сдающие сессию. Старое название сгидилось. Разговор, что затеялся здесь ранним летним вечером, после закрытия Приемной, был не из спокойных.

Привела меня сюда библиотекарь Л. Б. из Туркмении. Фамилию на всякий случай не указываю, чтобы ей не наткнуться снова на ядовитую змею среди книг, как уже было однажды.

Л. Б. — народный заседатель. И потому «слишком много знает». Но в отличие от армии народных заседателей, у которых рты на замке, эта лезет на рожон. Она хочет влиять на суд. Она хочет: прекратить взятки; восстановить на работу уволенных за критику; покончить с преступным использованием детского труда на хлопке, где дети гибнут десятками от «заразы убийственной»; искоренить калым; освободить незаконно осужденных; и — апофеоз — покарать всех виновных, имена которых знает. Она, в общем, хочет расправиться с мафией.

Л. Б. добивается приема у «самого главного».

— А о чем мне говорить с этим Черкасовым, с Алехиным этим, с Казаковой! Хватит уже меня к ним посылать! Да я их насказываю, делать ничего просто не желают. Безнравственные бюрократы до костей!

Интересуюсь, о чем эта странная женщина желает говорить с руководителями страны. Не о механизме ли выборов? Не о мафии ли? Да, именно об этом. Перестройка же! Пытаюсь вразумить: «Вы что, не понимаете, что эти вопросы так не решаются? Вы не понимаете, что речь идет не о безнравственных людях, а о системе! Никто, даже Горбачев, не может взять и отменить мафию! Он даже ордер на квартиру дать не может, если квартиры нет!»

Двадцать лет назад, сидя в милых аудиториях этого флигеля, мы конспектировали Ленина, но еще не понимали, что смерть вождя приостановила нас на стадии мечты. Мечты о государстве иного устройства, чем машина для подавления масс. Мечты об инструменте для воплощения социальной справедливости и самоуправления народа. Мечты, обеспеченные программой, принципами, законами развития — но мечты. Приемная Президиума Верховного Совета СССР работает на эту мечту, и потому ей так трудно преодолевать реальность.

...Все мы вышли из гоголевской «Шинели», сказал Достоевский. Нет, реальность в том, что мы еще не вышли из нее. Да и не только из нее. Корни чело-битной глубоки. Иван Грозный учредил Челобитный Приказ и поставил во главе Алексея Адашева: «Слышал Я о твоих добрых делах и теперь взыскал тебя... для... ради помощи души Моей. Поручаю тебе принимать челобитные от бедных и обиженных и разбирать их внимательно. Не бойся сильных и славных... Но... приноси Нам истину, боясь суда Божия. Избери судей правдивых из бояр и вельмож...»

Избери, значит, судей правдивых...

Позже чело-битчики, дерзавшие мимо своих «судей правдивых», мимо своих департаментов сунуться прямо к царю, бывали пороты розгами.

Но, несмотря ни на какие приказы, ходоки шли и шли в центр. Даже самые сирые и обиженные не могут жить без надежды. Такой надеждой, «надежей» всегда был «хороший царь». Вера в него обеспечивалась его... недоступностью. Созданной им же гигантской бюрократической подушкой, выполняющей функцию защиты государства от гражданина. Власть — от человека. Ведь как интересно: меньше всего люди апеллировали к высшей власти в те годы, когда она исповедовала активнейший демократизм: Ленин, Калинин, Бухарин, Бонч-Бруевич... вот ведь один из главных уроков народной власти Советов. К этим урокам возвращает страну политическая реформа, возрождая подлинную инициативу, полномочия и самоуважение народа.

Перемены должны коснуться и деятельности Приемной Президиума Верховного Совета СССР. Ведь все тысячи челобитных адресованы не просто на имя «самого главного начальника». Они — на имя Перестройки, которую ждали, в которую поверили.

ВАЖНЫЕ РЕШЕНИЯ

27—28 октября 1988 года в Москве состоялась одиннадцатая сессия Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва. Депутаты собрались обсудить задачи предстоящего 1989 года — четвертого года пятилетки.

Аплодисментами встретили депутаты и гости товарищей Горбачева М. С., Воротникова В. И., Зайкова Л. Н., Лигачева Е. К., Медведева В. А., Рыжкова Н. И., Слюнькова Н. Н., Чебрикова В. М., Шеварднадзе Э. А., Щербицкого В. В., Яковлева А. Н., Бирюкову А. П., Власова А. В., Лукьянова А. И., Маслюкова Ю. Д., Разумовского Г. П., Соловьева Ю. Ф., Талызина Н. В., Язова Д. Т., Бакланова О. Д.

Совместное заседание палат открыл Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР А. Э. Восс.

Сессия единогласно избрала депутата Воротникова В. И. заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

ВСПОМНИМ И О ЖИВЫХ! ● ГДЕ ДЕШЕВЫЕ ТОВАРЫ? ● ЗАКОН ЕСТЬ ЗАКОН! ●

С высокой трибуны XIX партконференции прозвучали слова о необходимости создания в Москве мемориала жертвам необоснованных репрессий 30—50-х годов. Надеюсь, что на этот раз решение о сооружении такого мемориала будет выполнено. И все же думается, что, обращаясь к памяти погибших, нельзя не вспомнить и о тех, кто еще жив. Кто пережил сталинские лагеря, дожил до реабилитации и кто сегодня, как, может быть, никто другой, с обостренным вниманием следит за процессом возвращения в нашу историю, память народа имен, судеб, событий.

Сегодня в прессе часто поднимается вопрос о том, как относиться к лицам, активно участвовавшим в проведении политики репрессий, и их рядовым исполнителям. Высказываются предложения о привлечении их к жестким мерам ответственности вплоть до уголовной. Рискну высказаться: думается, что, к какому бы мнению ни пришли дискутирующие стороны (я, кстати, не сторонник жестких мер), одно положение мне представляется бесспорным. Оставшиеся в живых жертвы необоснованных репрессий должны иметь условия жизни и быта по меньшей мере не худшие, чем у тех, кто эти репрессии осуществлял. Мне кажется, будет вполне справедливым, если необоснованно пострадавших и полностью реабилитированных приравняют в правах к ветеранам Великой Отечественной войны.

Речь не идет о какой-либо компенсации. Как и чем можно компенсировать гибель семьи, потерю друзей и близких, расстроенное здоровье? Речь о другом. Своим трудом в условиях нормальной жизни мы могли

бы принести обществу пользу несоизмеримо большую, чем та, которую мы приносили в условиях, которые мы не выбирали.

Вынуждена обратиться к примеру из своей жизни. До ареста в 1937 г. и последующего осуждения как жены «изменника Родины» я, закончившая в 1930 г. ЛГУ, работала учителем истории. Освободилась из заключения в 1943 г., до реабилитации в 1956 г. работать по специальности не имела права.

Не берусь гадать, как бы сложилась моя жизнь, не будь страшной трагедии, постигшей нашу страну в 1937—1938 годах, не случись самой пережить арест мужа и годы собственного заключения и последующей жизненной неустроенности, но, если исключить все случайности судьбы, думается, что я могла бы целиком и полностью отдать себя любимой профессии.

Не моя вина в том, что мне не пришлось больше работать в школе и, уйдя на заслуженный отдых, иметь соответствующее пенсионное обеспечение.

Моя судьба далеко не самая плачевная, есть люди, находящиеся в более тяжелом материальном положении.

Уверена, что меры, принимаемые для осуществления великого дела реабилитации жертв необоснованных репрессий 30—50-х годов, будут неполными, если ограничатся данью памяти павшим и оставят без внимания живых.

Н. Г. ПОЙГИНА
Москва

Хотелось бы на страницах вашего журнала выступить по вопросу, который сейчас становится настолько серьезным, что о нем не говорить,

а кричать надо, — вопросу вымывания, исчезновения дешевых товаров. Идет самый настоящий грабеж малоимущих слоев населения: пенсионеров, многодетных семей, инвалидов и тех, кто имеет низкие заработки.

Говорят и пишут об этом вроде и не так уж редко, но результаты-то получаются обратные. Цены растут совершенно бесконтрольно, и у народа создается впечатление, что государству этот рост цен выгоден. Госкомцен успокаивает, что повышения цен нет, а в действительности цены неуклонно растут.

Приведу несколько примеров. Пять или шесть лет тому назад я купил бокал с блюдцем за 1 руб. 35 коп. — сейчас такой бокал стоит 4 руб. 70 коп. Такого же качества, такой же емкости. Ну, а если добавят одну-две золотые полоски, то цена ему уже антикварная — 10, а то и все 17 рублей. Предлагают пенсионеру пить чай из стакана. Можно, конечно, но удобнее все-таки из бокала. Раньше я покупал кеды за 4 руб. 50 коп. Сейчас их чуть-чуть видоизменили, сделали чуток красивее, но цена-то уже 13 рублей. За что? К рубашке пришивают погонычки, фетончик какой-нибудь, и цена ее поднимается наполовину. И так везде и всюду. Не стало дешевых костюмов, брюк, трикотажных изделий. И все это потому, что контроля за ценами нет.

Становится обидно за наше общество, когда узнаешь о существовании органов по контролю за ценами в капиталистических государствах с самыми широкими полномочиями. В государстве же рабочих и крестьян такие органы числятся только на бумаге. В первую очередь контроль за ценами должны осуществлять профсоюзы. В своем вы-

ступлении на XIX партконференции председатель ВЦСПС С. А. Шалаев поднял вопрос о неблагоприятии с ценами. Профсоюзы бьют тревогу, ведь сокращение выпуска дешевых товаров наносит ущерб самым широким слоям населения.

Никто не следит за индексом цен, не публикует их, не требует понижения их или приведения уровня зарплаты к росту цен. А ведь для решения вопроса выпуска дешевых товаров нет никаких преград, это не требует никаких дополнительных затрат, для этого не нужны новые мощности, не нужны новые технологические линии. Нужно только обуздать чересчур рьяных производителей, желающих поправить дела нерентабельного производства только за счет кошелька потребителя.

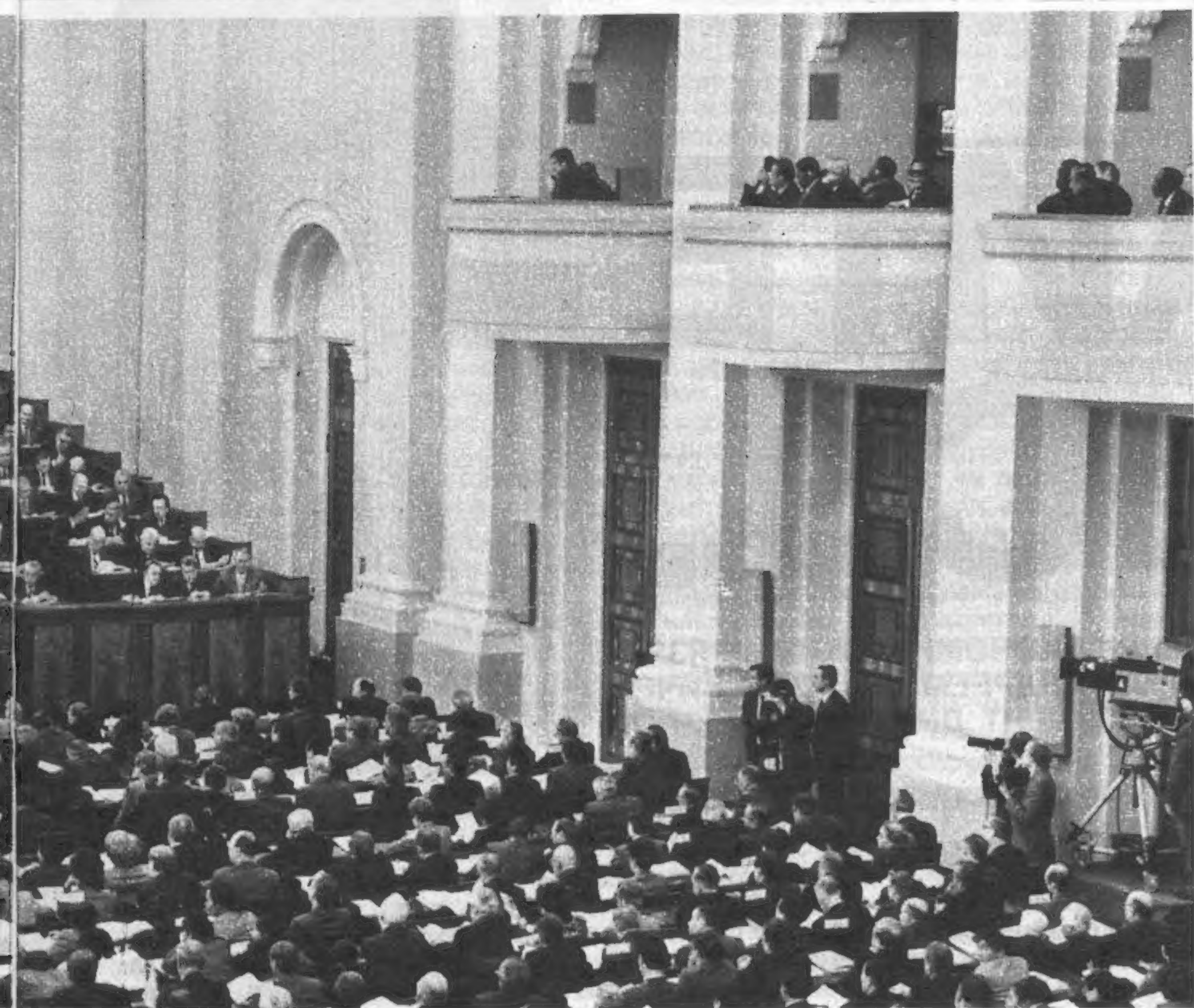
Надеюсь, что совершенствование хозяйственного механизма в целях стимулирования выпуска разнообразных товаров с учетом потребностей групп малообеспеченных людей возымеет, наконец, свое действие.

В. И. ПЕТУХОВ,
член КПСС, пенсионер
Мурманск

Наш комбинат хлебопродуктов пригласил пенсионеров на сезонную работу, на период хлебозаготовок. Я немедленно откликнулся, пошел работать, но совсем забыл, что я пенсионер-колхозник. А это неравнозначно с пенсионером-рабочим или служащим. Если пенсионер-колхозник пришел работать на любое предприятие, кроме колхоза, ему немедленно прекращается выплата пенсии — «сверчок! знай свой шесток!».

Неужели за три года перестройки нельзя устранить этот факт вопиющей социальной несправедливости? Как я понимаю, в самом Законе о пенсиях такого указания нет, это инструкция к нему, так сказать, нормативный акт к закону.

И еще. В период подготовки к празднованию 40-летия Победы было принято решение о 20-процентной надбавке к пенсии участникам Великой Отечественной войны. Эта льгота также не распространяется на пенсионеров-колхозников — участников войны. Это как понимать? Как объяснить это деле-

С докладом о Государственном плане экономического и социального развития СССР на 1989 год и о ходе выполнения плана в 1988 году выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР депутат Маслюков Ю. Д. Затем с докладом о Государственном бюджете СССР на 1989 год и об исполнении бюджета за 1987 год выступил министр финансов СССР депутат Гостев Б. И. Затем выступили президент Академии наук СССР депутат Марчук Г. И. и председатель ВЦСПС депутат Шалаев С. А.

Раздельным голосованием по палатам Верховный Совет СССР единогласно принял Закон о Государственном плане экономического и социального развития СССР на 1989 год с учетом поправок постоянных комиссий обеих палат. Затем раздельным голосованием по палатам депутаты также с учетом поправок постоянных комиссий единогласно утвердили общие суммы доходов и расходов и приняли Закон о Госбюжете на 1989 год.

С докладом «Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР» выступил секретарь Президиума Верховного Совета СССР Ментешавили Т. Н. Были приняты Указы Президиума Верховного Совета СССР о порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР, об обязанностях и правах Внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка.

Утверждены также и другие Указы Президиума Верховного Совета СССР.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и А. ГОСТЕВА

ние участников войны на таких и таких?

Хочу спросить: доживу ли я до того светлого дня, когда буду уравнен в правах с моим соседом — пенсионером-рабочим?

В. И. ЯКУНИН
Армавир

Я являюсь многолетним подписчиком «Огонька» и всегда с огромным удовлетворением читаю на его страницах материалы, посвященные заботам нашей жизни, общественного развития. Позвольте поведать вам свои заботы, вопросы.

Поскольку среди сегодняшних рабочих и служащих нашей страны, как и среди их избранников в сегодняшней состав Верховного Совета СССР, очень мало осталось тех, кому известны Закон СССР «Об отмене налогов с заработной платы рабочих и служащих» от 7 мая 1960 года и Указ Президиума Верховного Совета СССР «О перенесении сроков освобождения рабочих и служащих от налогов с заработной платы» от 22 сентября 1962 года, возникают вопросы и заботы. Вопросы к законодателям. Заботы всех нас.

Как долго рабочим и служащим ждать «особого сообщения»? Почему «в связи с усилением агрессивных прощесов империализма» рабочим и служащим (всем нам) «временно» перенесли сроки освобождения от налогов с заработной платы? Если иметь в виду, что это «временно» продолжается почти четверть века, то не означает ли «временно» до «скончания века»?

Введен подоходный налог был в 1922 году. За прошедшие 66 лет только в 1960 году, и то временно, было признано, что облагать налогом рабочих и служащих не в интересах человеческой (особенно социалистической) морали.

Ожидается реформа цен. Возникают всякие прощескты насчет компенсаций в связи с этим. Совет Министров СССР принимает постановление о введении с 1 ноября 1988 года районных коэффициентов к заработной плате рабочих и служащих предприятий и организаций отдельных районов и областей, обеспечивающих повышение заработной

платы рабочих и служащих «в среднем на 15 процентов». Вот уже два года проводится перетарификация, которая дает прибавку к заработной плате рабочих и служащих не более 3—5 рублей.

Немедленное введение Закона СССР «Об отмене налогов с заработной платы рабочих и служащих» от 7 мая 1960 года не только является истинным проявлением заботы о повышении материального уровня жизни рабочих и служащих, но и ознаменует восстановление поправной справедливости.

В. М. ДАИН,
инженер
Одесса

Зачем Москве столько постовых? Это отнюдь не праздный вопрос. По концентрации сотрудников ГАИ на улицах Москвы, особенно на центральных, наша столица, бесспорно занимает ведущее место в Европе и, пожалуй, в мире. Иногда делается просто жутко, когда на проспекте Калинина или других магистралях видишь огромное скопление милиционеров, отчаянно машущих водителям жезлами: прижмитесь к кромке дороги, пропустите важные (с их точки зрения) машины! При этом стражи порядка почему-то не обращают внимания на факты явного нарушения этими же машинами лимита скорости и других правил дорожного движения. Наглядный пример тому, что правила существуют как бы не для всех!

Видя постовых чуть не на каждом шагу, невольно думаешь, что столица находится на осажденном положении или произошло какое-то чрезвычайное происшествие. Может, зато наши дороги выигрывают в другом — в безопасности? Сопоставьте наши цифры с числом автомобильных аварий в западных странах — и убедитесь, что это, к сожалению, далеко не так.

По моему убеждению, многое в системе ГАИ осталось неизменным с тех лет, когда главным методом воздействия считались репрессии.

Выступая в печати, руководство ГАИ часто говорит о новом стиле работы, инспектора на дорогах, кажется, соревнуются лишь в щедро-

сти на санкции. Помочь растерявшемуся водителю? Снизойти к новичку? Нет, порой кажется, что человек в форме только о том и заботится, чтобы не «уронить» свой приоритет над человеком за рулем... И что не человек важен для сотрудника ГАИ, а марка машины, ее цвет и цифры на номерном знаке.

Недавно у меня произошел такой случай. Я ехал по Рублевскому шоссе. Пошел дождь, я был вынужден остановить машину, чтобы надеть «дворники». А здесь почти всюду, где ни остановишься, — зона действия знака «остановка запрещена». Подходит постовой ГАИ (которых здесь больше, чем машин на дороге), требует документы. Замечу, что абсолютно никому моя машина не мешает, трасса почти пустая. Ситуация очевидная, пытаюсь объяснить, что я просто не мог ехать дальше, но слышу убийственный

ответ: «Это ваша проблема!» Получается, что у ГАИ — «свои» проблемы, а у водителей — «свои»...

Мне скажут: частный случай, исключение. Уверен, что в подобной ситуации ни один полицейский за рубежом не стал бы останавливать машину, пугать высоким штрафом и назидательно поучать, что такое Правила! Боюсь, далеко не каждый работник ГАИ сможет ответить, есть ли в этих Правилах такой пункт — уважение к человеку?

А. НЕКРАСОВ
Москва

Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный
проезд, 14.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Статья следователей по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Т. Гдьяна и Н. Иванова «Противостояние», опубликованная в 26-м номере нашего журнала, вызвала столь широкий читательский и общественно-политический резонанс, что первый секретарь Алтайского крайкома партии Ф. В. Попов не преминул коснуться ее в своем выступлении на XIX партконференции. «Там прямо сказано, — говорил он, — что среди делегатов есть взяточники. В докладе Мандатной комиссии этого нет. А в «Огоньке» у т. Коротича — есть. Так надо сказать здесь нам, делегатам. Надо же иметь предел развязности в этом деле». Вполне естественно, что главный редактор «Огонька» В. Коротич с трибуны XIX партийной конференции был вынужден дать ее участникам необходимые разъяснения.

В тот же день Комитету партийного контроля при ЦК КПСС и Генеральному прокурору СССР было поручено провести тщательнейшую проверку представленных в Президиум XIX партконференции материалов. И вот, спустя почти четыре месяца, стали известны первые ее результаты.

Как сообщил нашему корреспонденту заведующий общим отделом ЦК Компартии Узбекистана К. Таиров, 19 октября состоялось заседание Бюро ЦК КП Узбекистана, заслушавшее вопрос о первом секретаре Бухарского обкома партии Исмаиле Джаббаровом и первом секретаре Самаркандского обкома партии Назире Раджабове — делегатах XIX партконференции. Решением Бюро ЦК Компартии Узбекистана за злоупотребление служебным положением в корыстных целях по прежней работе И. Джаббаров и Н. Раджабов освобождены от занимаемых должностей как скомпрометировавшие себя.

В тот же день они были задержаны работниками Прокуратуры СССР, а затем им было предъявлено обвинение во взяточничестве.

Нам остается лишь добавить, что степень виновности Джаббарова и Раджабова выяснится в ходе следствия и суда.

Кроме этого, Прокуратурой СССР были арестованы бывший первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана И. Усманходжаев и бывший Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР А. Салимов, и им предъявлены аналогичные обвинения.

ДАЙТЕ ОПЕРИТЬСЯ...

С СЕКРЕТАРЕМ СОЮЗА КООПЕРАТОРОВ ПО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИМ СВЯЗЯМ, ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ КООПЕРАТИВА «КРОПОТКИНСКАЯ, 36» АНДРЕЕМ АНАТОЛЬЕВИЧЕМ ФЕДОРОВЫМ БЕСЕДУЕТ НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ДМИТРИЙ БИРЮКОВ

— Андрей Анатольевич, вы давали интервью разным людям. С вами разговаривали доктора наук, философы, экономисты, обществоведы, а я пришел к вам как обыкновенный советский обыватель, и если какие-то мои вопросы покажутся вам обидными, то прошу меня заранее простить. Вы стали министром иностранных дел кооперативного движения. Что это означает? Вы пытаетесь выйти на внешний рынок и что-нибудь купить, как пошутили кавээнщики, или у вас гораздо более серьезные намерения?

— Могу вам сразу же сказать, намерения очень серьезные, да и предложений от западных фирм достаточно. Мы в нашем кооперативе уже сейчас создали компьютерный банк информации, куда заложили предложения свыше пяти тысяч кооперативов и двести предложений от западных фирм. Постараемся их свести. Лично я уверен в том, что чем больше будет создано совместных предприятий с западной технологией, тем лучше будет для страны.

— Я слышал, вы даже в США побывали?

— Да, был в Вашингтоне, Нью-Йорке, в Филадельфии и могу вам сказать, что у меня исчезли последние сомнения относительно желания американских фирм сотрудничать с кооператорами и выйти на советский рынок. Более того, я привез в Москву ряд конкретных предложений. Это создание совместных предприятий по медицине, по выпуску бункеров из нержавеющей стали, по производству сельскохозяйственной продукции и даже по выпуску самокатов. Правда, есть одно «но». Практически все фирмы не хотят вкладывать деньги в то, что в ближайшее время не принесет им валютных поступлений.

Недавно один наш кооператив сообщил, что готов приступить к выпуску альпинистского оборудования из титана. Это предложение очень заинтересовало французскую фирму, специализирующуюся на туризме. Мы постарались помочь им, но меня удивляет, почему такими серьезными вопросами не занимаются государственные внешнеторговые организации. Ведь подобных предложений, которые потенциально могут принести стране огромные доходы в валюте, немало.

— Вы что же, уже и напрямую собирались торговать?

— А почему бы и нет? Правда, здесь есть ряд сложностей. Хотя нам и разрешено выходить на внешний рынок, но только через наши внешнеторговые организации. В Законе о кооперации записано: кооперативы имеют право заниматься внешнеэкономической деятельностью в установленном порядке. А что такое установленный порядок? Он оз-

начает, что я должен обратиться в Совет Министров СССР, Государственную комиссию СССР по внешним экономическим связям за разрешением на право осуществлять экспортно-импортные операции. И это вместо того чтобы продавать лицензии на внешнеэкономическую деятельность, как это делается во всем мире. Что такое лицензия? Предположим, у меня есть миллион долларов...

— А он у вас действительно есть?

— Я же говорю, предположим, и я хочу на него закупить в США компьютеры. Государство говорит — нет. Вы у нас приобретете лицензию только на четыреста тысяч долларов, потому что по тем или иным причинам деньги в этом году должны оставаться в государстве. Мы согласны и начинаем действовать. А сегодня же я вынужден идти в Станкоимпорт или в Разноэкспорт и просить разрешения на подписание контракта. Доходит до курьезов. Полтора месяца назад я купил холодильник у шведской фирмы. Купил прямо с выставки за 50 процентов стоимости.

— Вы все время говорите я: я купил, я продал...

— А вы что, хотите, чтобы я говорил мы? Пашу-то я сам и сам, между прочим, отвечаю. А чтобы произвести эту вроде бы несложную операцию с покупкой холодильников, я должен был сначала получить справку в одной из внешнеэкономических организаций о том, что сделка действительно выгодная. Прихожу в организацию. Там от меня требуют официальное письмо. И хотя до конца выставки остается всего одна неделя, я все же спокоен. Дело простое. Нужно открыть каталог и посмотреть стоимость этих холодильников. Как вы думаете, сколько для этого нужно времени? Мне сообщают, что ответ придет в установленном порядке, то есть в течение месяца. Но ведь выставка закрывается, валюта у меня есть, почему эти холодильники не купить сразу? Они стоят 6 тысяч долларов, а я договорился за три. А мы должны внимательно изучить этот вопрос, сообщают мне. Терпеливо жду месяц, пока мне не ответят, и еще месяц, пока не дадут разрешение на ввоз. Почему? Я ведь заплатил таможенную пошлину.

Такая процедура была бы еще объяснимой, если бы у меня было оборудование, которое предоставило государство. Но ведь валюту я заработал обычным товаром: поросятами, мясом и овощами, которые я покупаю на рынке, приготавливаю и продаю иностранцам. Почему я не могу самостоятельно решать, как, когда и куда расходовать те деньги, которые кооператив официально заработал? Почему на основании

Указа от 30 ноября 1976 года «О сделках с валютными ценностями на территории СССР», заметьте, 1976 года, нам блокируют наши честно заработанные валютные поступления, обещая вернуть их только после того, как будут подведены итоги финансового года? Чьи итоги? Итого кооператива? Так мы подведем их ежедневно. Деньги должны работать. Почему, заключив контракт, мы должны ждать год для того, чтобы оплатить его? Не поэтому ли мы, я имею в виду не только кооперацию, оказываемся сегодня несостоятельными в наших обязательствах?

Мне не понятно, почему кооперативы не имеют права работать с внешним миром напрямую. В случае успеха совместного предприятия государство получает весомую прибыль в валюте, ну а если что-то сорвалось, то государство никакой ответственности за деятельность кооперативов не несет.

— Ну а если капиталисты вас возьмут и надуют?

— Во-первых, можно навести справки через конъюнктурные отделы, а во-вторых, можно просто за свой счет съездить в командировку и на месте посмотреть, что это за фирма. И в этой ситуации вся ответственность будет лежать на кооперативе. Провели плохую разведку — прогорели. Государство же не потеряет ни копейки. Пожалуйста, конкретный пример. Ко мне обращается французская фирма с предложением создать совместный ресторан. Они дают полмиллиона франков. Мы — четыреста тысяч рублей и обслуживающий персонал. Создаем совместное предприятие. Предположим, французская фирма становится банкротом. В результате наш кооператив теряет свои деньги, а государство же от этого не страдает.

— Ну хорошо, допустим, что все это так и обстоит. Но, как говорят в Одессе, что я, обыватель, буду иметь от вашей работы напрямую?

— Вот это, на мой взгляд, самый важный вопрос. Это всем дает прямую выгоду. Если сегодня с американской фирмой «Николс» мы наладим цех и начнем пришивать подметки к их обуви, то пятьдесят процентов продукции фирма заберет себе, а пятьдесят процентов останутся в Советском Союзе. Отчисления от прибыли государству составляют 58 процентов, и наш потребитель не прогадает. Не буду вам рассказывать, какая сейчас ситуация с обувью, могу лишь добавить, что стоимость одной пары совместной продукции была бы не выше 30 рублей.

А пока у кооператоров масса проблем. Одна из самых острых, на мой взгляд, — отсутствие оборудования. Купить необходимые станки, холодильники с высокой производительностью

у нас в стране практически невозможно. Остается только один выход — закупать на валюту, полученную в обмен за свою продукцию и услуги. А как это сделать, если правом работать за наличную валюту обладает только один кооператив, на Кропоткинской, что, кстати, является вчерашним днем во всем мире, где в основном действуют кредитные карточки «Америкен экспресс», «Виза», «Дайнерс Клуб» и другие. Да и то, мы тут недавно обратились с просьбой в Государственную комиссию по внешнеэкономическим связям предоставить нам право напрямую сотрудничать с зарубежными партнерами. Ждали ответа, а затем... А затем по старой схеме вместо ответа нас проверил Минфин и, не найдя никаких нарушений, заявил, что все же наш кооператив не имеет права работать за наличную валюту на основании Указа 1976 года, хотя разрешение на это уже дали Моссовет и Внешэкономбанк, которые сделали первый шаг.

А ведь я до сих пор не слышал достаточно аргументированного объяснения, почему тридцать или сто кооперативов да и предприятия госсектора, имеющие конкурентоспособную продукцию и услуги, не могут зарабатывать валюту? В случае успеха выиграет кооператив, государство и, конечно же, покупатель. Ведь высокая производительность труда — прямой путь к снижению стоимости товара.

— Но когда это будет?

— Не торопитесь. Нужно и терпение иметь. Без него и дело с места не сдвинется. О чем говорить, если еще сегодня возможности наших кооператоров до конца не используются! Да и вообще само слово «кооператив» сразу же вызывает ассоциацию с шашлыками, лыжными шапочками и бешеными ценами, а это в корне неправильно, и от такого представления нужно освободиться, и чем скорее, тем лучше.

Прошло всего полтора года с начала нашей деятельности, а население уже воспринимает все кооперативное враждебно. Почему? Потому что у нас нет оптовых баз и кооперативы общественного питания сталкиваются с озлобленным народом в магазинах, покупая, кстати, то, что нам разрешено, — сахар, масло, кофе. Я не могу понять, зачем нас сталкивать лбами с людьми в очередях? Не могу понять, зачем кооператоров собирали на Рижском рынке? Неужели больше нигде работать? Ведь половина магазинов пустует, товара нет. Складывается такое впечатление, что нас специально выгнали на Рижский рынок, чтобы показать тех, кто продает портки, и сказать: вы хотели рынок? Вот вам Хитров рынок, и вот вам ваши кооперативы. И как результат такой ситуации письма, которые красноречи-

во свидетельствуют о настроении людей.

— **Представляю, что вам пишут.**

— Нет, не представляете. Пишут, что нас надо в карьеры. Что нас надо расстрелять. Что мы дискредитируем Советскую власть... Люди не виноваты. Ведь за полтора года практически ни одно издание подробно не рассказало о кооперативном движении. Дают статьи двух видов: какие мы молодцы или почему такие безобразно высокие цены. Мы пытаемся проанализировать ситуацию. Встречались с экономистами — Шмелевым и Абалкиным, с социологами и психологами, а сегодня у нас есть уже обобщенный опыт. Нынешние отношения между нами и госсектором, между госсектором и потребителем заводят нас в еще больший тупик. Я вообще считаю, что кооператорам нужно отдать всю сферу обслуживания, оставив у государства только те области, в которых кооперативы просто не потянут. За пеной, которая поднялась на волне кооперативного движения, нужно видеть реальную перспективу.

— **Перспектива перспективой, но цены-то в кооперативах — зашкаливают?**

— Странно, но о кооператорах сегодня судят по ценам на шашлыки по 2—2,50 за порцию. Торгуют, ну и пусть торгуют. А где же государственный лоток, с которого должны продавать шашлыки по 80 копеек и сбивать цену? Вот это был бы экономический подход. На деле же происходит нечто парадоксальное. У меня создается впечатление, что с появлением кооперативов гайки в госсекторе не только не раскрутили, но, по-моему, закрутили еще больше. Я в торговле не новичок, проработал 23 года. Встречаюсь с директорами трестов и ресторанов. Они жалуются, что их задавили нормативными инструкциями и всевозможными документами и поэтому для них сегодня кооператор не конкурент, как должно быть, а враг. Они об этом сегодня говорят прямо: вам разрешают все, а нам ничего. Скажите мне — нормальна ли такая ситуация? Мне кажется, ненормальна. Она специально придумана людьми, которые хотят так или иначе скомпрометировать кооперативное движение.

— **По-вашему, так целый заговор...**

— Я постоянно встречаюсь с коллегами из госсектора, так что я в курсе дела. Арендные формы не идут. Люди готовы взять в аренду кафе, ателье, но боятся, потому что существует огромный контролирующий аппарат. Зачем напрягаться, думать, расходовать силы, если через каждые 15 минут проверка по выполнению многочисленных нормативов и инструкций. Да лучше получать 160, а остальное наворовать. Старая схема.

Мое мнение — пока госсектор не будет раскрепощен, кооперативы сделать ничего не смогут. А пока отношение к кооперативам как со стороны потребителя, так и со стороны их коллег в госсекторе будет, мягко говоря, отрицательным. И еще, на мой взгляд, опасно то, что старая порочная психология воровства, выращенная в прокрустовом ложе госсектора, прорывается теперь и в кооперативы. Кстати, ее воздействие мы чувствуем уже сейчас. За время работы нашего ресторана мы выгнали 27 человек. За воровство, обшеты, обвес и просто обман. И дело здесь не в зарплате, а именно в психологии.

— **27 человек? Но вы же их не с улицы брали?**

— Именно с улицы. К нам приходят люди, и мы проверяем их месяц или два. Мне абсолютно все равно кому платить 500—600 рублей.

— **Вы оперируете какими-то фантастическими цифрами. Не скрою, что они у меня вызывают раздражение.**

— Потому что вы отделяете работу от зарплаты. Мне нужен конечный результат, чтобы человек не просто получал, а именно зарабатывал эти 500—600 рублей, трудясь по 15 часов. Пришла ко мне студентка. 23 года,

осталась одна с ребенком. В ногах валялась, просила взять хоть на 150 рублей. Взяли. Через четыре месяца стала вместе с чаевыми получать 400 рублей. А еще через полмесяца обшчитала клиентов на 7 и на 10 рублей. Выгнали. Другой случай. Приходят ко мне две студентки, молоденькие девочки. Вот, говорят, оканчиваем институт, а после что — 130 или 150 рз и полный рабочий день? Вы, говорят, гостиницу строить собираетесь, может быть, возьмете? Я спросил, а кем вы хотите работать? Кем угодно, говорят, горничной, дежурной. Я согласился, только посоветовал особо не настраиваться, поскольку дело это далекого будущего. Поблагодарили, и вдруг одна из девочек говорит: Андрей Анатольевич, если мы у вас работать будем, то ваша жена, дети и вы, конечно, будете шмотками полностью упакованы. Она даже не спросила, какая у нее будет зарплата. А ведь я знаю, что девочка из интеллигентной, далекой от торговли семьи, но уже заранее настроена на то, чтобы сдернуть джинсы с фирмача и загнать. Это уже, к сожалению, воровская психология. Тут поможет, как мне кажется, только безработица.

— **Ну вот, и до безработицы доказались.**

— Если вас смущает слово «безработица», называйте это как угодно. Пусть это будет группа людей, временно ожидающих работу. До тех пор, пока я не буду знать, что если меня выгонят, то я уже не смогу устроиться на приличное место, ничего в корне не изменится. Ведь сегодня мы выгоняем человека, а он немедленно устраивается и, кстати, ничуть не хуже. С кадрами ведь очень тяжело. У меня работали официанты, серьезные профессиональные ребята, платили им по 500 рублей, а с чаевыми у них набиралось около семисот. Чаевые у нас в кооперативе узаконены, раз тебя отблагодарили, значит, ты хорошо обслужил, то есть заработал эти деньги. Официанты прдержались две недели, а потом сказали — все. Я спрашиваю: почему? А один из них говорит: «Когда в Интуристе работал, без полсотни в день не уходил. У меня там три столика, здесь десять и работа с семи часов утра. Здесь — 700 и вкалывать, там работа не бей лежачего. Что выгодней?» Я очень не хочу, чтобы со временем мы превратились в обычное общепитовское предприятие с большими ценами. Выход только один: раскрепостить госсектор — сферу услуг и торговлю, чтобы создалась нормальная конкуренция.

— **Что, значит, все, достигли предела, уже и помощь от государства хотите получить?**

— Конечно. Мы же не имеем той ко-

лоссальной силы, которой обладает сегодня государственный сектор. Он монополист и не хочет утрачивать свою монополию. Но одно дело, если монополия достигается работой, а другое — когда в борьбе прибегают к откровенному давлению в виде разного рода нормативных актов.

— **Налоги не нравятся?**

— Налогообложение сегодня не главное. Вот Госкомцен СССР принял постановление от 31 августа 1988 года «О некоторых вопросах ценообразования в связи с введением в действие Закона СССР «О кооперации в СССР». Из этого документа следует, что цены в кооперативах нужно контролировать. Сейчас создается новая служба, где правоохранительные органы, объединившись вместе с финансовыми налоговыми инспекциями, будут контролировать кооперативы. Как вы думаете, к чему это приведет? Я вам сразу же отвечу — к новому витку негативной экономики.

Контролировать кооперативы должны три инстанции: банк, финансово-налоговая инспекция, санитарная служба и потребитель — придет или не придет, купит или не купит. А в Законе «О кооперации» уже заложено, что контролем могут заниматься народный контроль и государственные службы, при которых создаются кооперативы. А это значит, тресты столовых, главное управление питания, Министерство торговли, ОБХСС. А ведь это именно те организации, которые, кстати, и приложили руку к тому, что сфера обслуживания дошла до сегодняшнего состояния.

Получается парадокс. Вместо того, чтобы вытягивать госсектор до уровня кооперации, нас пытаются превратить в подобие Центросоюза.

— **А что ж молчали, когда принимался Закон?**

— Мы не молчали. Дважды были в Совете Министров. Но все, что предложили, в Закон не вошло. Конечно, я понимаю, что основное недовольство вокруг кооперативов связано с ценами. Говорят, что не нужны кооперативы, в которых дорого. Но ведь кооперативы, в которых дешево, просто не могут существовать в такой ситуации.

— **Если не может быть дешевых кооперативов, зачем же они нужны?**

— В том-то и дело, что могут быть. Если государственное сырье, станки будут продаваться по тем же ценам, что покупает и государство. Сегодня для кооператоров придумали систему коэффициентов. Оборудование и станки идут с коэффициентом один к двум. «КамАЗ», который нужен тем или иным кооперативам, теперь стоит 70 тысяч рублей, в то время когда государственным предприятиям он обходится в 24

тысячи. Естественно, это не может не отразиться на цене продукции, в результате чего страдает покупатель.

Ну хорошо, пускай будет коэффициент, но разумный, взятый не с потолка. И тогда мы сможем говорить о ценах. Сегодня же мы начинаем с цены, а многие кардинальные, на мой взгляд, проблемы, как, например, оптовые базы, бездействие Центросоюза, который может помочь обеспечить кооперативы сырьем, мы оставляем на потом. Я глубоко убежден, что нас, кооператоров, которые работают в общественном питании, надо вытаскивать из государственных магазинов. Я предложил отдать кооператорам полупустые рынки, такие, как Даниловский, Усачевский, и работать там с восьми часов вечера до четырех утра. Это будут настоящие оптовые рынки, как в Венгрии, куда придут колхозники, частники, совхозы. Ответ на мое предложение пока не получен.

— **Мне непонятно: у вас еще внутри страны проблем невпроворот, а вы уже в Европу собрались?**

— Да, собрались, потому что мы действительно хотим работать серьезно и с полной отдачей. Что же касается укрепления наших тылов, то эти процессы взаимосвязаны. Без выхода на внешний рынок, без осуществления новых, самых дерзких проектов не может быть кооперации, да и не нужна она хилая, кустарная.

А сейчас мне иногда кажется, что чиновникам ничего не нужно, кроме пустых магазинов и убыточных колхозов. Какой-то заколдованный круг. С одной стороны, люди не хотят работать, потому что на деньги практически нечего купить. С другой стороны, мы обращаемся к чиновникам и предлагаем вариант создания целого сельскохозяйственного комплекса, чтобы дать народу продукты и дефицитный товар. Нам говорят: очень хорошо, но все наши предложения уходят, как елочные игрушки в вату.

Я хочу, чтобы нас не рассматривали как врагов, потому что главная наша цель сегодня — это в условиях настоящего соревнования реанимировать торговлю и сферу услуг, довести ее до мирового уровня.

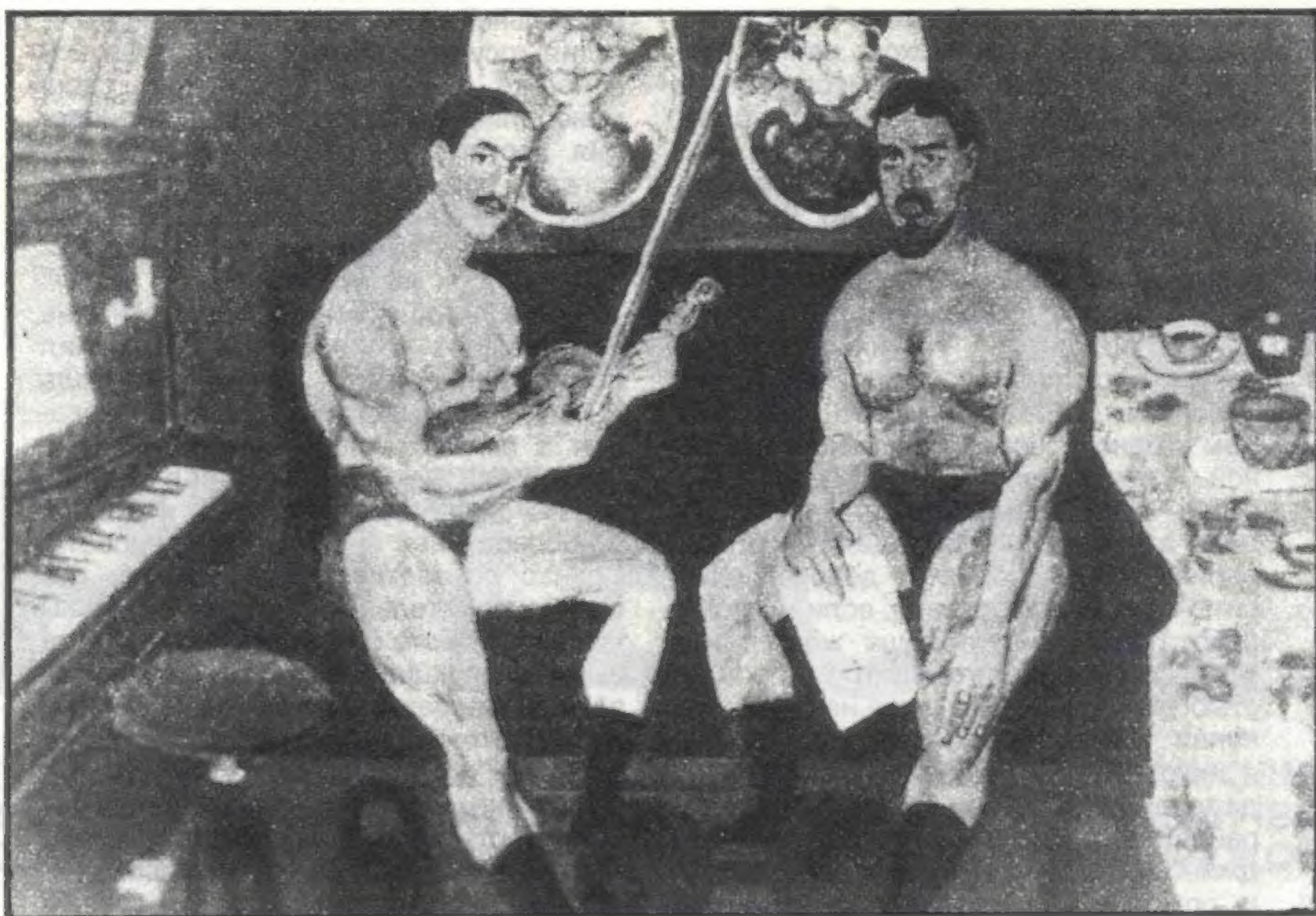
От редакции: В то время, пока готовился материал, мы получили информацию, что Внешэкономбанк запретил принимать от кооператива «Кропоткинская, 36» наличную валюту в соответствии с поручением Государственной комиссии СССР по внешним экономическим связям от 6 октября 1988 года.

Фото Игоря ГАВРИЛОВА

1881—1944

ИЛЬЯ ИВАНОВИЧ МАШКОВ

1876—1956

ПЕТР ПЕТРОВИЧ КОНЧАЛОВСКИЙ

В конце 1910 года на первой выставке «Бубнового валета» среди множества картин, возбуждавших яростное улюлюканье обывателей, снисходительные улыбки мэтров и восторженные приветствия левой художественной молодежи, выделялся большой холст Машкова. На нем была воспроизведена поистине удивительная сцена: двое довольно молодых, атлетически сложенных мужчин в спортивных трусиках позируют художнику. На полу у их ног — гантели — модный предмет спортивной цивилизации начала XX века. В руках одного — скрипка, а за спиной — раскрытое пианино, на крышке которого — в рядок стоящие книги: Библия, монография о Сезанне и другие фолианты с широкими корешками, свидетельствующие об интеллектуальных интересах новоявленных Геркулесов. Эти люди, соблюдающие, наверное, все предписания модной в то время гимнастической системы Мюллера и одновременно готовые после музицирования погрузиться в постижение самых глубоких тайн жизни и искусства, — Кончаловский и Машков, верные друзья, замечательные живописцы, создавшие вместе с Ларионовым, Гончаровой, Лентуловым, Фальком, Куприным, Рождественским знаменитое объединение «Бубновый валет», которому суждено было сыграть столь существенную роль в художественной жизни России начала XX столетия.

В двойном портрете Кончаловского и Машкова воплотились многие творческие принципы художников «Бубнового валета». Не принимая программ своих предшественников и современников, публично глумясь над всем отжившим, над мещанскими вкусами обывателей, они умели и любили дразнить публику. Но отрицание и эпатаж соседствовали с утверждением и созиданием. Здесь «бубновые валеты» выступали подлинными новаторами и открывателями. Они создавали новую традицию, которая коренилась в изобразительном фольклоре, в примитиве, в народном искусстве. При этом предпочтение отдавалось городским фольклорным формам. Первые выставки общества приобретали характер неких игрищ. Перед входом вывешивались специально сделанные афиши, напоминавшие уличные вывески. Экспозиция устраивалась по шпалерному принципу: между картинами на стене не оставалось свободного места, они подгонялись друг к другу. Художники словно соревновались в изобретении все новых приемов и способов вызвать удивление публики и приобщиться к простонародным представлениям о красоте.

Кроме национального примитива, был и другой источник, к которому обращались «бубновые валеты». В своем стремлении окончательно освободить живопись от несвойственных ей наслоений — поверхностной литературности, измельчания форм, стилизаторства, — вернуть ей способность пользоваться именно ей присущими средствами — цветом, линией, ритмом — русские живописцы обращались

СОБРАНИЕ
РУССКОЙ
ЖИВОПИСИ

XX
ВЕК

к современному им опыту западноевропейских художников, преимущественно французских. На первом месте здесь оказался Поль Сезанн, ставший чуть ли не вдохновителем нового движения. Живописцев «Бубнового валета» даже называли «московскими сезаннистами», хотя влиянием великого француза дело вовсе не ограничивалось. Москвичей интересовали фовисты, и особенно Матисс, кубисты (классики этого направления — Пикассо и Брак — выступали на выставках объединения). При этом русские живописцы совершенно по-своему перетолковывали достижения всех этих новых направлений французского искусства. Они «прикладывали» к строгим системам сезаннизма и кубизма «фольклорный декоративизм», подчас воспринимали язык новых французских художественных систем как прием, которым они пользовались для достижения собственных целей.

В общей концепции бубнововалетской живописи впервые в истории русского искусства большое место занял натюрморт — жанр, который почти никогда не был популярен среди русских живописцев. Интерес к предмету, к его массе, объему, вылепленному цветом, стал причиной этих новых увлечений. Каждый предмет получал право сообщать о существенных сторонах мира. Вещи приобретали в глазах художников ценность не из-за смысловых особенностей, а в меру своих пластических качеств. Своеобразная апология предмета определила то влияние,

которое оказал натюрморт на другие живописные жанры — портрет и пейзаж; они приобрели оттенок «натюрмортности». Сама картина начинала восприниматься как вещь — не просто как кусок реального мира. Эта «вещность» живописного произведения и предмет как мотив изображения как бы шли навстречу друг другу.

Для П. П. Кончаловского, сумевшего соединить в своем творчестве ярко выраженное стихийное начало, столь свойственное всем мастерам его круга, с разумным использованием системы, выработанной коллективными усилиями, живопись — в ее «определенном» варианте — была формой жизнедеятельности. Когда его спрашивали, что он считает главным в живописи, он отвечал: «Живопись!» Ему нравилось не только перевоплощать натуру в живописные образы, но месить краску, класть ее жирными мазками и нащепками на поверхность холста.

Кончаловский был немного старше своих товарищей по объединению. Видимо, он долго искал себя и ждал своего времени. Он учился в Академии художеств в Петербурге, был неудовлетворен своим учением, а позже даже сжег большинство своих картин, созданных в это время. Потом он отправился в Париж. В возникших там в конце 1900-х годов произведениях заметно влияние Ван Гога, позволившее русскому мастеру с места в карьер выразить свой активный темперамент. Еще более ярко проявился этот темперамент в 1910 году в картинах и портретах, написанных в Испании, куда Кончаловский отправился вместе со своим тестем, знаменитым историческим живописцем В. И. Суриковым. Испанские работы стали началом истинного Кончаловского. Сама Испания, мотивы и сюжеты, которые он мог там найти, провоцировали экспрессию и примитивизм. Художник охотно обратился к сюжету «Боя быков», создав разные варианты этой композиции и поставивший стихией своей живописи передать сущность увиденного. В главном «большом» варианте картины кукольные фигуры быка и торeadора резкостью как бы застывшего движения и выразительностью цветовых пятен заставляют поверить в опасность и кровавость этой азартной, смертоносной игры.

В том же 1910 году возник портрет Г. Б. Якулова — одно из самых замечательных произведений раннего Кончаловского. Модель подходила для тех целей, которые преследовал художник. Как писал он сам, ему хотелось противопоставить «излюбленной многими художниками милевидности, причесанности и прилизанности портрета то, что считалось, по общему мнению, безобразным, а на самом деле было чрезвычайно красивым. Показать хотелось красоту и живописную мощь этого мнимого безобразия, показать самый характер Якулова». Знаменитый живописец и театральный художник Якулов в портрете Кончаловского напоминает восточного фантанга и гуляку и предстает перед зрителем человеком оригинальным. Его поза, жест рук, задранная вверх нога, обутая в мощную туфлю, сабли и пистолеты, висят

П. П. КОНЧАЛОВСКИЙ.
ПОРТРЕТ Г. Б. ЯКУЛОВА. 1910.

ХУДОЖНИК И ЕГО СЕМЬЯ. 1911.

щие за спиной на стене, застывшая улыбка, заставляющая вспомнить какого-то архаического истукана,— все свидетельствует о стремлении Кончаловского к остроте характеристики. Это как бы концепция позднего Серова, но переиначенная, примитивизированная. Не случайно Серов, увидевший портрет Якулова на выставке, в ответ на прямой вопрос автора, нравится ли ему этот портрет, ответил вдвойне утвердительно: «Очень нравится». Серов, который обычно был строг и суров в своих оценках, на этот раз спрятал сердитые ноты, какими мог бы воспользоваться строгий учитель, чтобы приструнить разбаловавшегося ученика.

В работах 1910 года Кончаловский еще не ищет воплощения пространственно-пластической концепции — он разворачивает фигуры и предметы по плоскости, заостряет рисунок, создает линиями активный ритм. Но вскоре эта острота и стремление к гипертрофии смягчаются, и появляется склонность к трехмерности, к ее передаче с помощью сезанновских приемов. Тогда-то и возникает особый интерес к натюрморту. Но черты сезаннизма и скромного, самого первоначального кубизма художник истолковывает совершенно своеобразно. Примером этого своеобразия может служить «Натюрморт. Поднос и зеленая картонка» (1912). Предметы, стоящие на

Продолжение на вкл. 3

НАТЮРМОРТ. 1911.

Алексей ФАТЬЯНОВ

1919—1959

Русский румяный богатырь, пришедший с Владимирщины, «добрый молодец эстрады», как писал о нем слегка иронично и нежно Ярослав Смеляков. Самородный дар Фатьянова-песенника был таков, что слова иногда казались народными. «Из-за вас, моя черешня, ссорюсь я с приятелем. До чего же климат здешний на любовь влиятелен». «На солнечной поляночке, дугою выгнув бровь, парнишка на тальяночке играет про любовь». Самая знаменитая песня на слова Фатьянова «Соловьи». Фатьянов горестно переживал, что в Москве не хотели издавать книгу его стихов. Ему так и не удалось поддержать в руках собственную московскую книжку.

СОЛОВЬИ

Пришла и к нам на фронт весна.
Ребятам стало не до сна —
Не потому, что пушки бьют,
А потому, что вновь поют,
Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,

Пусть солдаты немного поспят.
Но что война для соловья!
У соловья ведь жизнь своя.
Не спит солдат, припомнив дом
И сад зеленый над прудом,
Где соловьи всю ночь поют,
А в доме том солдата ждут.

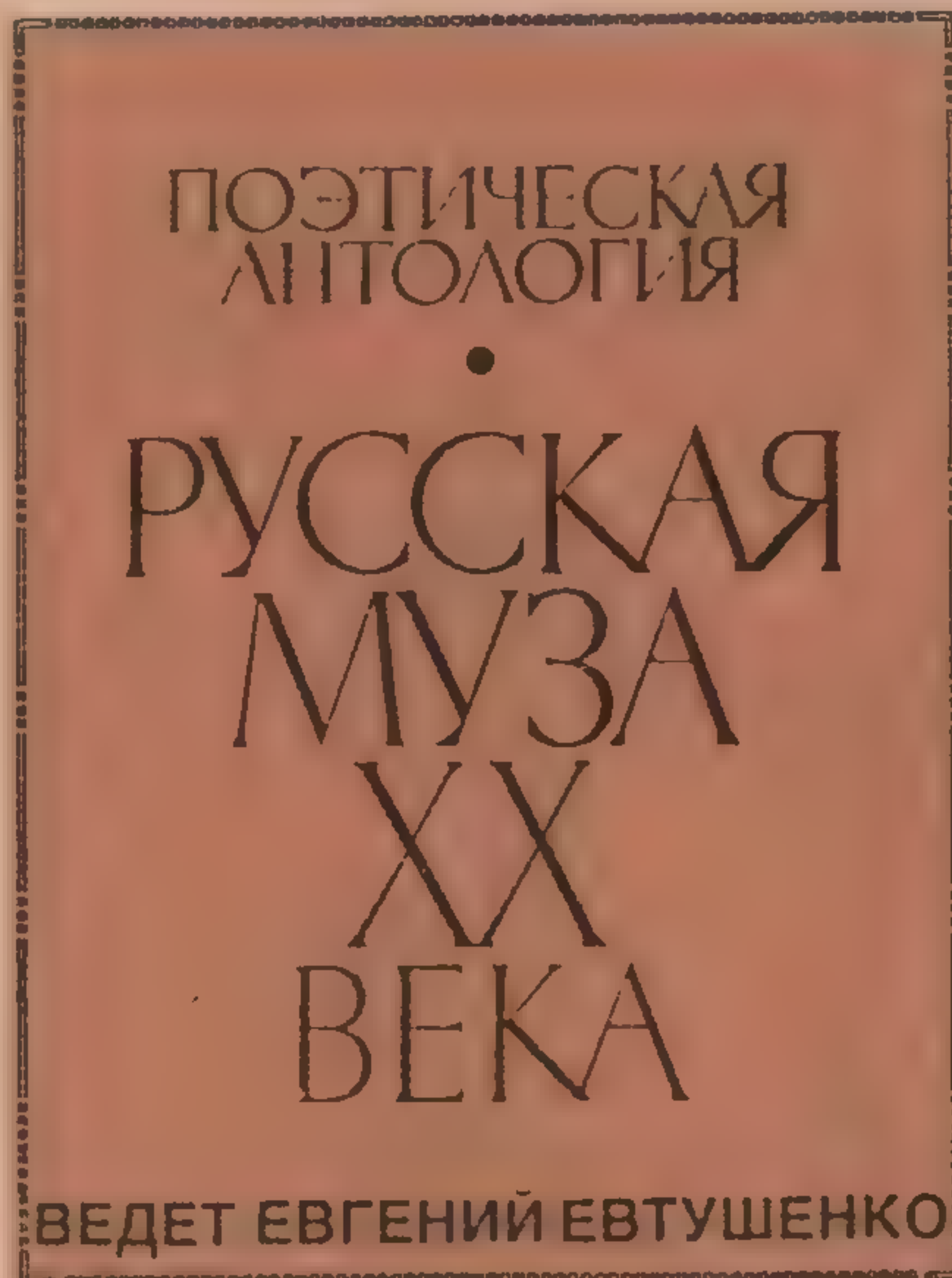
Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,

Пусть солдаты немного поспят.
А завтра снова будет бой —
Уж так назначено судьбой,
Чтоб нам уйти, не долюбив,
От наших жен, от наших нив.
Но с каждым шагом в том бою
Нам ближе дом в родном краю.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,

Пусть солдаты немного поспят...
Пусть ребята немного поспят...

1942

Михаил ИСАКОВСКИЙ

1900—1973

Родился в бедняцкой крестьянской семье на Смоленщине. Начал печататься еще в 1914 году в московской газете «Новь». В 1927 году в Москве вышла книжка «Провода в соломее», одобренная Горьким. Вот что являлось главным содержанием поэзии Исаковского того периода по определению Литературной энциклопедии 1966 года: «Еще до коллективизации Исаковский выразил стремление трудового крестьянства покончить с единоличным хозяйством, с трудной жизнью на собственном клочке земли. «Конечно, и Исаковскому, и другим певцам молодого колхозного строя было трудно предсказать, что в восьмидесятых крестьяне будут хвататься за хотя бы крошечный кусочек именно собственной земли. Но это еще в двадцатых годах сумел предугадать, пожалуй, лишь Андрей Платонов. Некоторые литературные максималисты обвиняют Исаковского в нарочитой слепоте к бедам тогдашней деревни, в ярмарочной лубочности, в лакировке. Думаю, что все было гораздо сложнее. Настолько хотелось новой сказочной жизни, что, казалось, если создашь ее в стихах, то она превратится в реальность. Лучшие песни Исаковского действительно стали частью реальности (как, например, знаменитая «Катюша», ставшая любимой песней не только нашего народа, но даже итальянских партизан). Моя мама пела на фронте чудесную песню на слова Исаковского «В лесу прифронтовом». Искренние стихи Исаковского о Сталине с высекаю-

щими слезы строками: «Мы так вам верили, товарищ Сталин, как, может быть, не верили себе», с пародоксально высказанной правдивостью выразили трагедию народа, действительно поверившего Сталину больше, чем самому себе, чем собственному сердцу. Официальная критика всячески пыталась навести на Исаковского «хрестоматийный глянец». Однако он со свойственной ему скромностью труженика чурался славословий. Вырвавшись из той золоченой рамки, куда пытались его втиснуть, Исаковский создал классический шедевр «Враги сожгли родную хату», где от последних строк с трагической загадкой внутри безотчетно сжимается сердце.

ПРОЩАНИЕ

Дан приказ: ему — на запад,
Ей — в другую сторону...
Уходили комсомольцы
На гражданскую войну.

Уходили, расставались,
Покидая тихий край.
«Ты мне что-нибудь, родная,
На прощанье пожелай...»

И родная отвечала:
«Я желаю всей душой,
Если смерти, то мгновенной,
Если раны — небольшой.

А всего сильнее желаю
Я тебе, товарищ мой,
Чтоб со скорою победой
Возвратился ты домой».

Он пожал подруге руку,
Глянул в девичье лицо:
«А еще тебя прошу я:
Напиши мне письмецо».

«Но куда же напишу я?
Как я твой узнаю путь?»
«Все равно, — сказал он тихо, —
Напиши... куда-нибудь!»

ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай,
Прасковья.

Героя — мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол, —

Свой день, свой праздник
возвращения
К тебе я праздновать пришел...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только теплый летний ветер
Траву могильную качал.

Вздыхнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой:

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

1945

Владимир АГАТОВ

1901—1967

Автор двух знаменитейших во время войны песен из кинофильма «Два бойца», где играли такие блистательные актеры, как Марк Бернес и Борис Андреев. Бернес, исполнивший роль одессита Аркадия Дзюбина, виртуозно спел стилизацию Агатова «Шаланды, полные кефали». Фильм «Два бойца» я смотрел в своем детстве на станции Зима, наверное, раз двадцать. Эта лукавая озорная песня была неожиданным подарком судьбы среди крови, голода, разрухи. Улыбка помогает в страданиях больше, чем жалобы и слезы.

* * *

Шаланды, полные кефали,
в Одессу Костя приводил,
и все биндюжники вставали,
когда в пивную он входил.
Я вам не скажу за всю Одессу —
вся Одесса очень велика,
но и Молдаванка, и Пересыпь
уважает Костю-морняка.
Рыбачка Соня как-то в мае,
Направив к берегу баркас,
ему сказала: «Я вас знаю,
но так вас вижу в первый раз».
Тогда, достав «Казбеку» пачку,
сказал ей Костя с холодком:
«Вы — интересная чудака,
но дело, видите, не в том...»
Фонтан черемухой покрылся.
Бульвар Французский весь в цвету.
«Наш Костя, кажется,

влюбился...» —

кричали грузчики в порту.
Об этой новости неделю
в порту шумели рыбаки.
На свадьбу грузчики надели
со страшным скрипом башмаки.
Я вам не скажу за всю Одессу —
вся Одесса очень велика.
День и ночь гуляла вся Пересыпь
на веселой свадьбе моряка.

РЕТРОФОТОВЕРНИСАЖ

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В ЛИЦО ИСТОРИИ

В дни работы
V Всероссийского
съезда Советов.
Москва, 1918 г.

В. И. Ленин
разрезает ленту,
открывая
мемориальную доску
борцам Октябрьской
революции
на Красной
площади.
Москва, 7 ноября 1918 г.

Эти фотографии очень стары. Эти люди бессмертны. В вихре сменяющихся лиц, в круговороте впечатлений мы не должны забывать о Первых. Не только помнить Ленина — начало начал, но и ленинцев, но и всех свидетелей, сотворцов, современников Революции. Сегодня многих из них нет в живых, но великое их дело продолжает изменять жизнь человечества к лучшему.

Наша Перестройка соединяет времена — первые дни Революции и день нынешний. Давайте еще раз взглянемся в Первых; они очень на нас надеялись, они жили и умерли во имя нашего с ними общего дела. Ленинский Октябрь продолжается, и в осмыслении его опыта — залог надежности избираемого пути.

В. И. Ленин
произносит речь
на I Всероссийском съезде
по просвещению.
Москва, 1918 г.

Продотряд отправляется
в деревню. 1918 г.

Первомайская демонстрация
на Красной площади.
Москва. 1918 г.
Государственный архив
кинофото документов.

С. Есенин на открытии
памятника А. В. Кольцову.
Москва, 1918 г.

НЕОДОЛИМОСТЬ ИСТИНЫ

РАМПА

Мария ДЕМЕНТЬЕВА

БЕСЕДА С МИХАИЛОМ ШАТРОВЫМ

— Почему вы постоянно возвращаетесь к осмыслению революции?

— Для того, чтобы понять: кто мы? где находимся? куда ли идем? Я убежден, что ответы на эти сегодняшние вопросы, да и на многие другие лежат в нашей истории.

Впервые я это почувствовал в 56-м году после XX съезда партии. Мне было тогда 24 года, и я, и мои сверстники, и люди других поколений мучились: как же могло случиться все то, что случилось? К сожалению, убедительного ответа не было. Как я понимаю сейчас, его и не могло тогда быть. Уровень развития общественной мысли был страшно низок, ленинские методы безжалостного анализа социальных язв только прокламировались, но не использовались, шок и оцепенение, охватившие наших историков и политологов, рождали у многих из них только одну мысль: «а вдруг это наваждение? А вдруг это завтра кончится?» Убедительных ответов, повторяю, не было. Между тем цепная реакция работы мысли началась — и в этом одно из важнейших исторических значений доклада Н. С. Хрущева на XX съезде. Началась мучительная дорога к XXVII съезду партии, первый и самый трудный шаг на которой сделал Хрущев; никогда бы нам не забывать об этом!

Мое творчество, пьесы моего «политического театра» — посильное участие в этой работе мысли, не более того. Написал я за тридцать лет сравнительно мало: пьес, входящих в мой цикл «Драмы революции», всего семь — «Шестое июля», «Большевики», «Синие кони на красной траве», «Так побе-

дим!», «Брестский мир», «Диктатура совети», «Дальше, дальше, дальше...» — и четыре телефильма «Штрихи к портрету», где главную роль играет М. Ульянов.

Но разве найдены все ответы, разве не звучат новые вопросы, разве не появились новые возможности для углубления разговора?

Вот уже полтора года два-три раза в неделю я выступаю перед массовыми аудиториями — рабочими, студенческими, научными, обществами «книголюбов», школьниками, учителями. Это тяжелая, изнурительная двух-трехчасовая работа, когда приходится отвечать на самые разнообразные сложнейшие вопросы слушателей. У меня хранятся тысячи записок с вопросами, они как верный барометр настроений, чутко улавливающий отклонения, пристрастия, оттенки и оттенки общественного сознания.

Давайте возьмем несколько типичных записок, полученных мною на последней встрече 2 октября 1988 года в Ленинграде в зале «Октябрьский».

«Каково ваше мнение о выступлении тов. Е. К. Лигачева на XIX партконференции?»

«Почему, на ваш взгляд, так жестоко тормозится перестройка, какие именно слои нашего общества составляют основное сопротивление перестройке?»

«Сталинизм — это закономерность или случайность?»

«Уважаемый товарищ Шатров! В зале сидят боевики «Памяти» в черных рубашках — вам не страшно? Как мы в Ленинграде дошли до штурмовиков?»

«Прошу сказать, как вы относитесь к произведению Авторханова?»

«Стоит ли так акцентировать внимание на проблемах 37-го и других годов, когда то, что происходит в настоящее время, нас волнует гораздо больше? Имеется в виду то, что в стране не все так гладко, как это нам преподносится прессой?»

«Из великого А. Куприна: «В России каждый жид — прирожденный русский

литератор». Это ведь про вас, Маршак-Шатров».

«Мы начинаем проходить историю СССР и изучаем ее в основном по вашим пьесам. Через 3 года нам сдавать экзамен в институт. Успеете ли вы к этому времени дописать всю историю СССР?»

«Вы правильно говорите, что надо изучить феномен сталинизма: откуда, каким образом и куда? Только вместо «сталинизма» необходимо поставить — «ленинщина».

Стоп. Вот об этом я хочу поговорить более подробно. Записки, подобные последней, с недавних пор перестали быть единичными. Все чаще и чаще встречаются люди, убежденные, что фраза Сталина — «Я всего лишь верный ученик Ленина» — точно отражает суть дела. Пока идет спор, когда началось отступление от ленинского плана строительства социализма — в 24-м или в 29-м году, в некоторых головах прочно осела другая дата — катастрофа России началась 25 октября 1917 года.

Да, такие настроения есть. Как нам это не неприятно, но мы должны слышать то, что говорят, должны признать то, что есть.

Я не собираюсь сейчас спорить, заниматься опровержением подобных мыслей и настроений — я это делал и буду делать в своих пьесах и фильмах. Я хочу привлечь внимание всех своих единомышленников, всех, кому пепел оболганной, преданной и расстрелянной Сталиным Октябрьской революции постоянно стучит в сердце, — хочу привлечь их внимание к серьезной и грозной опасности, разъедающей души людей. Хочу, чтобы все мы, прежде чем искать факты и аргументы для ответа, глубоко и серьезно задумались над генезисом этих настроений.

Нисколько не претендуя на полноту и всеохватность, скажу о том, что представляется главным мне.

Ну, во-первых, неудовлетворение результатами, для меня — неудовлетворение результатами отступления от ленинской концепции социализма. Это неудовольствие подчас вызывает ностальгию по прошлому, которое, конечно же, предстает в искаженном, идеализированном виде.

Обожествление, иконизация Ленина.

С помощью лжи и ретуши создание рождественской сказки о революции, иконизация революции.

И создание, таким образом, собственными руками обстановки наибольшего благоприятствования для идейных противников Октября.

Хорошо известна ленинская мысль о том, что нет лучшего способа убить политического деятеля, чем превратить его в икону. В этом смысле жертва Сталина № 1 — В. И. Ленин.

Шло обожествление вождя с параллельным выхолащиванием его идейного наследия. Метод выхолащивания был простой и убогий: бралась цитата в отрыве от времени и пространства и возводилась в ранг истины. Все преступления 30-х годов — и организованный голод, и форменная гражданская война против своей партии и народа, развязанная Сталиным, да и многое другое — все было осеяно якобы ленинским знаменем. Любовь, уважение к Ленину эксплуатировались постоянно. Продолжалась эта практика и у нас на глазах совсем недавно. Страна двигалась к пропасти, но движение это шло «ленинским курсом» — так называлось собрание сочинений Л. И. Брежнева.

В иконизацию Ленина внесло свою лепту и искусство. Появился образ Ленина, разрешенный Сталиным, устраивающий его, во многих работах, за редким исключением, в основе своей сталиноподобный. И искусство включилось в одобрение и освящение ленинским именем грязных дел, творимых вокруг. Примеры? За ними далеко ходить не надо. На процессе Бухарина Вышинский обвиняет его в соучастии в эсеровских покушениях на Ленина, тут же появляются киноиллюстрация и рассуждения на тему «лес рубят — щепки летят».

На экране 1918 год. Дзержинский допрашивает английского разведчика Локкарта и задает ему сакраментальный вопрос: «А теперь расскажите о ваших связях с Троцким...» По логике авторов Дзержинский уже в 18-м году знал о связях Троцкого с английской разведкой. Но вот вопрос — почему же он умер в 26-м году, так ничего и не поведав об этом партии, — авторов, судя по всему, не заботило...

Но давайте отойдем на короткое время от искусства. Метод «цитатничества», которым так мастерски владел Сталин, возвращается сегодня к нам в работах некоторых литераторов... В поисках истоков находят, допустим, одно высказывание Ленина о крестьянстве, произнесенное в начале века, и тут же прокладывают прямую линию к сталинской коллективизации, сознательно напрочь забывая все, что говорил Ленин потом, лишая его права на поиск, на развитие. Находят телеграмму о беспощадном подавлении кулацкого восстания в годы гражданской войны и пытаются сделать ее теоретическим

обоснованием террора, развязанного в 30-х годах. Мыслимо ли это? Мыслимо, если помнить, из какой школы мы вышли...

Как реакция на иконизацию, обоже-ствление задающиеся многочисленные вопросы «А были ли у Ленина ошибки?» показывают, как мало и редко читают Ленина, ибо это сложнейшая работа души и мысли; как часто предпочитают интерпретаторов, в трудах которых, как правило, содержится вывод, почти полностью отсутствует путь к этому выводу, путь, полный поисков, сомнений, самокритики, самоотрицания, — все то, что характеризует живую работу мысли. Все это есть у Ленина.

Оболганный, извращенный Ленин может вызывать отторжение — с этим приходится согласиться.

Нечто подобное творили и с Октябрьской революцией и гражданской войной как в научной, так и в художественной литературе за редким исключением, например, «Тихого Дона» Шолохова.

Сталинская группа, узурпировавшая власть в 1929 году, нуждавшаяся в идеологическом прикрытии. Была взращена целая плеяда идеологических лакеев, которые не останавливались ни перед чем: белое превращалось в черное, и наоборот, герои во врагов, правда в ложь и т. д. Вершиной на этом пути стал «Краткий курс», остановивший развитие общественного сознания почти на полвека. В результате история революции и гражданской войны — сладкая идиллия, рождественская сказка, в которой всегда побеждают красные. Сколько серьезнейших вопросов до сих пор не прояснены для широкой общественности и остаются без ответа! Зададим лишь несколько. Октябрьская революция — это заговор большевиков или глубокое народное движение, которое возглавили большевики? Но тысячи диссертаций, защищенные нашими историками, на темы «Подготовка и проведение Октябрьской революции», «Ленин — вождь и организатор Октября» и т. д., льют воду на мельницу концепции большевистского заговора. Не стоит ли здесь дойти до сути стихийного народного движения 17-го года, выросшего из глубочайшего общенационального политического кризиса? Каковы предпосылки Октября — только экономические или в первую очередь политические? Почему революция не остановилась на Феврале — из-за большевиков или потому, что лозунги и требования Февральской революции не были удовлетворены. Какая альтернатива существовала 25-го Октября — большевики или Временное правительство? Кровавый, черносотенный, фашистский (выражаясь сегодняшним языком) переворот генералов («вторая корниловщина») или социалистическая революция? Существовали ли экстремистские тенденции в русском революционном движении? Отношение к меньшевикам и эсерам — только как к врагам? Но как быть с мыслью Ленина о том, что соглашение, договоренность большевиков с меньшевиками и эсерами до революции избавила бы страну от гражданской войны? Много говорим о «красном терроре» и молчим о «белом». Молчим о цене революции и гражданской войны. Не исследован вопрос «Октябрь и мировая революция», а ведь ставка большевиков на мировую революцию, их прогноз не оправдался. Октябрь и термидор — разве эта проблема не существовала? Интеллигенция и революция — разве не проблема, если смотреть на нее не через розовые очки.

Нет, революция — это не рождественская сказочка, это нередко кровавая драма, в которой каждое действие вызывало противодействие контрреволюции и наоборот. А разве не было ошибок, непоследовательных шагов, да просто глупостей? Косметическая ретушь, накладываемая на лицо революции, оскорбляет революцию и

отталкивает от нее своей ложью. Затратив миллионы человеко-часов на изучение Революции в школах, вузах, системе политпросвещения, мы своими умолчаниями, примитивизмом изображения политической борьбы, своей ложью, скажем прямо, сами толкаем интересующегося, мыслящего человека к иным источникам.

Иные источники... Мастерское переплетение правдивой информации, скрываемой нами, с полуправдой и просто неправдой... Впрочем, что ж на это сетовать — то, что наши противники враждебны Ленину и революции, — это закон борьбы...

А вот то, что мы это сделали сами, — тут спокойным остаться уж никак нельзя. Единственный выход — и в исторической научной литературе, и в художественной — предложить людям неотретушированный образ Ленина, живой образ Революции — потенциал, заложенный в них, далеко не исчерпан, правда мыслей, чаяний, нравственных критериев — только она одна способна защитить дорожки нам идеалы.

Здесь не могу не сказать о русском писателе А. И. Солженицыне. Мало кто из наших писателей сделал столько для отторжения сталинизма, сколько он. И «Один день Ивана Денисовича», и «Раковый корпус», и «В круге первом», и «Матренин двор», и другие рассказы — все это будило совесть, сознание, общественную мысль. Но парадокс, с моей точки зрения, заключается в том, что убежденный антисталинизм одних питается приверженностью идеям Октябрьской революции, антисталинизм же других — резким неприятием Октября. Знакомство с рядом других произведений Солженицына (некоторые тенденциозные страницы «Архипелага ГУЛАГа», зачеркивающие Ленина, повесть «Ленин в Цюрихе», «Красное колесо», выступления в печати) позволяет мне сделать вполне определенный вывод для самого себя: Александр Исаевич Солженицын не принимает Октябрьской революции и большевизма как течения революционной мысли, является их убежденным и открытым противником. Отдавая должное его вкладу в избавление нашей страны от кошмара сталинизма, я в то же время считаю себя столь же открытым и убежденным его противником в этом вопросе.

А. И. Солженицын — сложное явление нашей общественной жизни, для многих его имя окружено ореолом антисталинской направленности его первых книг, и в среде эмиграции отношение к нему далеко не однозначное... Но, во всяком случае, для меня ясно одно: с его пером надо сражаться пером, иные способы недопустимы, ведут к обратным результатам, в конечном счете к той самой записке — вместо «сталинщины» — «ленинщина».

Что делать? Что противопоставить? Правду. Это слишком общий ответ. Как? Не кажется ли вам, что сегодня антисталинская тема начинается в чем-то двигаться по кругу, не проникая в глубины, начинает девальвироваться? Плодотворен ли путь публикации писем «за» и «против»? Кого из людей, не желающих и слышать и видеть, можно в чем-то переубедить? И старшее ли поколение — предмет наших забот? Убежден, что пример бывшего прокурора Шеховцова, подавшего в суд на Адамовича и «Советскую культуру», кое-кто захочет повторить. Добьемся ли мы на этом пути успеха, получив еще один отказ в возбуждении дела... Как пойти глубже и дальше?

А что, если...

Суда над Сталиным быть не может. Но есть замечательная возможность, вспомнив о международном опыте, породить и в нашей стране такую форму, как общественно-политические слушания. Давайте 5 марта 1989 года откроем в Москве в Колонном зале Дома союзов общественно-политические слушания:

«Сталинщина: откуда, каким образом, куда ведет?» (название, естественно, может быть значительно лучше).

Давайте найдем в стране человек 15 с безупречной репутацией, людей совести, мысли, пригласим их на сцену Колонного зала, и пусть в течение двух-трех недель перед нами (и с помощью ТВ и прессы перед всей страной) выступят крупнейшие ученые из нашей страны и из-за рубежа со своими аргументами и выводами, пусть досконально и публично будет исследована проблема «прямой линии» (между Лениным, Октябрем и Сталиным прямая линия, одно — следствие другого), пусть выступят свидетели защиты — и кто ходил в атаку с именем Сталина и не может этого забыть; и те, кто считает, что при Сталине снижались цены и жить становилось все лучше и лучше; и некоторые авторы писем, опубликованных в «Огоньке», — Каракозов, тот же Шеховцов и другие. Давайте публично послушаем эти свидетельские показания. Давайте послушаем ученых, рабочих, интеллигентов, крестьян. Это будет школа революции и контрреволюции. Мы не должны выносить приговора, решения — сами слушания высветят проблему. Помните, это кажется у Гете: «Говорят, что между двумя противоположными мнениями лежит истина. Нет, между ними лежит проблема». И это действительно так. Публичное, на всю страну, освещение проблемы поможет нам многое понять и от чего-то отказаться. Сейчас я сформулировал это предложение в общих чертах. Но я предлагаю «Огоньку», «Знамени», «Новому миру», «Московским новостям», «Дружбе народов» и всем, кто захочет, обсудить это предложение, создать оргкомитет и начать серьезную подготовку. «Огоньку» предлагаю возглавить это начинание.

Я убежден, что сам факт проведения подобных слушаний, причем максимально демократически — никого нельзя лишить права высказаться, — имел бы величайшее значение для очищения нашего общества, для покаяния.

Покаяние может быть словом, а может быть делом. Последнее неизмеримо ценнее. Первым человеком в нашей партии, совершившим покаяние делом, был Никита Сергеевич Хрущев. Когда-нибудь я напишу об этом человеке. Пройдут годы, уйдут в прошлое многие крайности и несообразности, но люди — убежден — всегда будут помнить человека, совершившего гражданский и человеческий подвиг на трибуне XX съезда. Он бросил вызов сталинщине, он был первым. Он отрекся от страха. И попытка, пусть непоследовательная, первого возврата к Ленину и ленинизму будет навечно связана с его именем.

Сегодня мы являемся свидетелями мощного последовательного поворота партии к социализму в ленинском понимании. Мы свидетели происходящего, многое не можем оценить как следует, нам все кажется мало, слишком медленно, а между тем пропасть, отделяющая нас от вчерашнего дня, все увеличивается и увеличивается, может быть, не так быстро, но, во всяком случае, последовательно. И, если хотите, это тоже покаяние делом.

Нелепая идея, что можно не нести ответственности за все, что происходило в стране, что можно было где-то от этой ответственности спрятаться... Когда нам говорят, что в годы застоя кто-то строил социализм, а страна тем временем катилась к кризису, получили распространение злоупотребление властью, коррупция, взяточничество, на самом верху происходило нравственное разложение, над партией нависла грозная опасность, то мне остается только недоуменно развести руками: какой же социализм вы строили? Социализм в отдельной взятой области? И можно ли, строя социализм в этой области, не чувствовать свою ответственность за

происходящее и в Москве, и в Ташкенте, и в Баку...

Опять игра словами, манипуляция понятиями. Никто с себя ответственности не снимет. Конечно, мера ответственности у всех разная, но стремление покончить с прошлым — вот что может объединить всех нас. И чем энергичнее, последовательнее сражаешься ты за перестройку, только этим и измеряется твое действительное покаяние, покаяние делом.

Итак, общественно-политические чтения, которые через понимание приведут нас к отказу от стереотипов и очищению.

— Но я слышала, есть и личные мотивы...

— Да, личный мотив есть. Я из семьи, причастной к революции. Это мое счастье, и почти полвека это было моей трагедией. Дух революции всегда был в нашем доме, хотя сам дом с 1937 года стал сиротским — погибли очень многие. И если первый член моей семьи был реабилитирован в 1956 году, то последний — Алексей Иванович Рыков — несколько месяцев назад. Теперь далеко не каждый может себе представить, что такое быть в те годы родственником одного из лидеров оппозиции. Тем не менее мать, пока она была на свободе, воспитывала в нас с братом чувство величайшего уважения к униженным и оскорбленным. Моя двоюродная сестра — дочь Алексея Ивановича Рыкова — перед каждым съездом партии, начиная с XXI, писала обращения в президиум съезда о невиновности отца. И неизменно в самой грубой форме получала отказы. Мы договаривались с ней (она почти на двадцать лет старше меня), что в случае если она не дожидется, не доживет, эстафету приму я и завещаю эту святую обязанность своей дочери. Откровенно говоря, не думал, что доживу...

Несколько дней тому назад я узнал правду о смерти своего отца. Мы всегда знали, что он погиб в заключении в 1944 году. И вот передо мной газета из Архангельска «Правда Севера», статья «Черный смерч». Отец был арестован 2 марта 1937 года и через месяц расстрелян. В справке, присланной из прокуратуры и заверенной государственной печатью, черным по белому указана дата смерти — 1944. Зачем? Теперь ясно: «разбрасывали» даты гибели репрессированных по любым годам для того, чтобы не пришлось слишком много на 37-й год.

Ужас того, что я узнал теперь, заключается в том, что мать в то время была со мной и братом в Архангельске — отец там строил завод, — и ее до конца мая 1937 года вызывали на допросы и, обещая, что примут от нее передачу для отца, заставляли говорить... А отца уже давно не было в живых. Ему было 37 лет, он был большевик, участвовал в революции, в гражданской войне, в Архангельске руководил строительством целлюлозного комбината, отдавая этому всего себя. Склоняю голову перед поколением отца, перед делами их рук.

Из этой же статьи я узнал, что отца пытали, он не выдержал пыток и подписал показания против себя... Могу ли я за это кинуть в него камень? Никогда. Потому что не знаю, как бы сам вел себя в таких обстоятельствах — у разных людей разные возможности. Так что за это бы не мог — ни в него, ни в кого другого...

Вчитываясь в телеграмму Сталина о допустимости пыток, которую обнародовал в 1956 году Н. С. Хрущев в своем докладе XX съезду (в 56-м году я неоднократно был «читчиком» этого доклада на собраниях и тогда же выписал потрепанный документ в свой дневник).

«ЦК ВКП(б) поясняет, что применение методов физического воздействия в практике НКВД, начиная с 1937 года, было разрешено ЦК ВКП(б)». Известно,

что все буржуазные разведки применяют методы физического воздействия против представителей социалистического пролетариата и притом применяют эти методы в самой отвратительной форме. Возникает вопрос — почему социалистические органы государственной безопасности должны быть более гуманны по отношению к бешеным агентам буржуазии и заклятым врагам рабочего класса и колхозников?

ЦК ВКП(б) считает, что методы физического воздействия должны как исключение применяться по отношению к известным и отъявленным врагам народа и рассматриваться в этом случае как допустимый и правильный метод.

20 января 1939 г.

Нет слов для комментариев.

Да, за то, что не выдержали многие страшных пыток, — камень не брошу. А вот за то, что позволили с собой сделать, что позволили сделать со страной и партией, за то, что еще в конце 20-х годов встали на колени перед одним человеком, утратили понимание партии как выразительницы коренных интересов народа и высочайших идеалов революции — вот это все принять невозможно. И в этом тоже надо разобраться. Как и когда возник такой порядок, когда двести миллионов хозяев должны были вставать при одном лишь упоминании имени слуги народа?

— Как вы считаете: был ли Сталин неизбежен? Можно ли культ личности относить к объективным законам развития социализма?

— Сталин займет в истории XX века огромное место. Как и Гитлер, он наложил на этот век мрачный отпечаток... Гитлеру я не удивляюсь. Но Сталин — человек, который был в рядах коммунистического движения и поставил под вопрос вообще существование этого движения, — величайший преступник. Коммунистическое движение, конечно, будет существовать. Но из кризиса, который оно переживает благодаря преступлениям этого человека, мы до сих пор не можем выйти.

Были ли мы обречены на сталинизм? Я абсолютно убежден: все, что происходит в истории, — результат причудливого соединения, игры объективных тенденций и субъективных факторов. У нас сегодня часто пишут, что есть закономерность, необходимость исторического процесса, который не зависит от воли и желания исторических лиц, и, таким образом, выходит, что мы были обречены на сталинизм. Я думаю, мы вообще неправильно используем марксистское понятие закономерности исторического процесса. Марксизм распространяет его на широкие, огромные исторические пласты. Когда же мы пытаемся эту закономерность использовать на маленьком отрезке времени, в 10—20 лет, получается подчас смешно. Одно дело говорить о закономерности смены феодализма капитализмом, и другое — о закономерности единоличной диктатуры. Это примитивный, упрощенный подход. Цель подобного подхода — вывести из-под суда истории Сталина и других лиц, связанных с его преступлениями. Есть замечательное выражение английского политического деятеля Питта: «Необходимость — отговорка тиранов и религия рабов».

Другая крайность: все объяснять только чертами характера, демонизмом личности. Но объективные факторы действительно существуют. Однако Ленин не хуже нас учитывал и понимал их. Он видел и отсталость России, и непрочность демократических традиций в ее истории. И путь к социализму (работы 22—23-х годов) был для него путем демократического развития, а Сталин сделал наоборот: укреплялась антидемократическая военно-коммунистическая структура. И за этот выбор, который отнюдь не был обусловлен негативными и объективными факторами —

им можно и нужно было противостоять! — за этот выбор полную ответственность несут Сталин и другие члены ЦК. И то, что Сталину в 29-м году удалось сокрушить своих идейных противников, не снимает с них ответственности. Поражение не избавляет от ответственности — слишком велика была ставка, слишком тяжелыми оказались последствия. Точка зрения, что виноват один Сталин, неверна. Мы говорим: «Сталин», чтобы не называть еще несколько сот фамилий из тех «верхов», которые пошли за ним. Впрочем, это все мои предварительные соображения, потому что «слушания», как я надеюсь, у нас впереди.

— Как вы считаете, почему литература и искусство, всегда бывшие в России совестью народа, не смогли поставить мощный барьер сталинскому тоталитаризму?

— Да потому, что барьер успели поставить перед ними. И перед тем, кто работал в двадцатые годы, и позже. И все-таки литература существовала, несмотря ни на какие барьеры, делала свое дело: «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Я этот барьер чувствовал все тридцать лет, что работаю в литературе. Все мои пьесы из политического театра, я их называю «Драмы революции»: и «Шестое июля», и «Большевики», и «Синие кони», и «Так победим!» — все, кроме последней, «Дальше, дальше, дальше...», были запрещены. Почему? Потому что в этих пьесах я все время продирался к реальной истории, к живому Ленину. Но это власть предержащим не было нужно. Отсюда мой почти 30-летний конфликт с бывшими руководителями Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, отсюда же и дружба со многими рядовыми сотрудниками этого института, многими историками. Наряду с неприятием моих пьес, часто встречал и поддержку, особенно среди некоторых ответственных работников ЦК: сегодняшний день зарождался во вчерашнем.

— Каковы ваши прогнозы — как будет складываться судьба Октября дальше? Если бы вас попросили написать пьесу о будущем, какой бы она стала?

— Я думаю, судьба Октября находится в прямой связи и зависимости от успехов перестройки. Для меня это связано напрямую. Провал сегодня привел бы нас к засилью самой черной реакции. Для меня ясно, что силы, которые поддерживают экстремистов «Памяти», хотя бы гнев и возмущение общест-венности были отвлечены от тех, кто привел страну на грань кризиса, в сторону шовинизма и антисемитизма. Так делалось в истории не раз. Михаил Сергеевич Горбачев недавно сказал, что пока еще нет гарантий необратимости. И мы хорошо видим — действительно, гарантий необратимости нет. Я гадать не хочу. Всегда все зависит от соотношения сил на каждом этапе развития борьбы. Соотношение сил после тридцатого сентября в определенной степени изменилось. Я думаю, что ставка на обновление, на приход новых людей из словесных деклараций переросла в дело. ЦК показал пример всем, пример очень важный. И мы должны ощутить свою ответственность еще глубже. Но если процесс, который идет сверху, не будет поддержан снизу, ничего не получится. Поэтому так важно обновление. И в партии, и повсеместно.

А пьесу о будущем я писать не буду. Пусть это делают другие.

— У нас любят отделять революцию от всей истории страны. Как, по-вашему, сростается история в одно целое?

— Революция наша выросла из корней прошлого, из незавершенности, несостоятельности многих процессов, которые происходили в XIX веке, из глубочайшего национального кризиса. Поэтому революция неотторжима от всей

предыдущей и всей последующей истории. Делать вид, что все началось с 17-го года, — ошибка. Все надо рассматривать последовательно, в своих связях. И если сегодня мы будем откладывать решение проблемы, то это лишь усложнит нашу жизнь, и когда-нибудь придется за это расплачиваться. Я думаю, что нерешенность определенных проблем к 17-му году многое обострила, и отсюда, на мой взгляд, эксцессы революции, которые мы сегодня не одобряем и о которых говорим с сожалением.

— В своей пьесе «Большевики» вы оправдываете террор. В «Диктатуре совести» отчетливо слышится призыв к гуманизму. Эволюционируют ли ваши взгляды?

— Я никогда не оправдывал террор. Я пытался объяснить, почему пришлось пойти на него. С каким нежеланием, с каким грузом ответственности принимали это решение большевики. В спектакле мы с Олегом Ефремовым попробовали всерьез поговорить о красном терроре, имея в виду и возможность его вырождения, как это случилось в 30-х годах. В основе пьесы все время лежала гуманистическая мысль: как этот террор не нужен революции, не подходит ей. И в то же время мы прекрасно знаем, что революция, если она не может себя защитить, ничего не стоит. Тогда это интеллигентская болтовня. Это была страшная, вынужденная, ответная мера, которую мы сегодня во всей полноте понять, а потому и принять не можем. Наш гуманизм протестует против нее. И правильно. Но еще Блок предупреждал нас от ошибки: за гримасами революции не увидеть ее величия.

Вообще многое в нашей жизни выросло из крови и трагедии гражданской войны. Ленин это как никто понимал. Не случайно он, по словам Бухарина, поставил задачу превратить партию из «партии гражданской войны» в «партию гражданского мира». А что было сделано на самом деле? Время сознательно «убитых», растоптанных возможностей...

— Есть ли, на ваш взгляд, надежда на долгожительство ваших пьес? Не исчезнет ли к ним интерес, когда исторические документы будут преданы широкой гласности, время сделает многие проблемы не столь острыми? Изменится ли ваша драматургия?

— Пьесы мои не публикация документов. Это все-таки попытка разговаривать со своим поколением в жанре драмы.

Я участвую своими пьесами в политической борьбе, меня это занимает в первую очередь — стремление выговориться, выразить себя, мысли своего поколения. Хотя понимаю, что красота вечна, у меня по этому поводу никакого тщеславия, самообмана нет. Будущее все поставит на свои места... Повлиять на его приговор нам не дано. Можно только честно делать свое дело.

Сейчас некоторые критики обвиняют меня в том, что я вместо одного культа создаю другой. Я никогда его не создавал и стремлюсь рассказывать о живом Ленине, как я его понимаю, о драме этого человека. И относиться мы должны к нему так же, как он относился к Марксу, — с величайшим уважением, с любовью, но отдавая себе отчет в том, что что-то устарело, что-то надо развивать, что-то не подтвердилось. То есть как к живому процессу, не догматично. Ленин говорил, что он не может терпеть хулы против Маркса. У меня такое же отношение к Ленину. Но те высоты, которые предлагал Ленин, методы решения проблем — нам до них тянуться и тянуться. Тот нравственный климат, который существовал тогда в партии, его потрясающее умение всех людей поворачивать к делу самой лучшей стороной. И Сталина до 1921 года

он умел поворачивать его сильными сторонами — организаторскими способностями и т. п., хотя, я думаю, все же поздно разглядел его суть.

— Какова сценическая судьба пьесы «Дальше, дальше, дальше...»?

— Поставило ее сейчас 12 театров в стране, ставят за рубежом. Причина, по которым не поставили во МХАТе и БДТ?.. Как только пьеса была написана, оба руководителя этих театров заявили, что пьеса им нравится, будут ставить. Потом передумали. В театре бывает и не такое. Во всяком случае, история эта несколько не повлияла на мое отношение к этим двум выдающимся деятелям нашего театра, один из которых является моим близким личным другом.

— Один из критиков сказал однажды, что вы монополизировали ленинскую тему. Как вы относитесь к такой оценке? Не беспокоит ли вас, что разрабатываете эту тему, по сути, вы один?

— Насчет монополии. Я только могу посоветовать критику заглянуть в словарь, чтобы понять, что «монополия» означает — всем, кроме себя, не дать хода, подавить конкурентов, обречь их на банкротство.

А я как раз очень жалею, что работаю один. Конкуренция во благо всем. Мое одиночество, думаю, определено простыми вещами. Для молодежи это пример тридцатилетних гонений, которым я подвергался со своими пьесами. Было все: и попытка исключить меня из партии, и ошельмовать пьесу «Так победим!» в сусловские времена была запрещена решением Секретариата ЦК партии. Для одного человека это слишком много, и вряд ли кто захочет испытать то же.

А ленинская тема все эти годы продолжала разрабатываться, на разрешенном уровне, в виде «галочной» драматургии. Все же лучшее в ней запрещалось Институтом марксизма-ленинизма. А то, что никого не трогало, существовало и приводило к дискредитации темы.

Для меня ленинская тема — дело жизни. И я буду продолжать этим заниматься. Недавно меня наконец допустили в архив Института марксизма-ленинизма в фонд Сталина. До этого я всегда работал только на основании того, что было опубликовано до 27-го года у нас — это огромное количество литературы, и изданного за рубежом нашей страны. Были и беседы с людьми, заговорившими после 56-го года, — с Е. Д. Стасовой, с Г. И. Петровским, с Л. А. Фотиной, с А. И. Микояном, с З. Г. Орджоникидзе, с Н. С. Хрущевым. Хочу написать пьесу — историю смерти Ленина. Его последней борьбы. Пьеса будет называться «Отречение». Это история 23-го года, рассказанная через происходящее в кабинете Сталина. Ленина в пьесе не будет, он останется за сценой. И мы будем знать, какую неистовую борьбу он, больной, вел для того, чтобы не допустить трагического развития событий, которые он предвидел, как никто другой. Хочу рассказать о том, как отреклись от Владимира Ильича многие его соратники, не отдавая себе отчета, может быть, в том, что делают. Это проблема не только политическая, но и общечеловеческая. Сейчас я весь занят и полон этим. Здесь, мне кажется, я и нащупал очень много ниточек, которые идут в сегодняшний день и в будущий.

Знаю, что пьесы мои воспринимаются не однозначно. Меня это не волнует. Я познал и счастье взаимопонимания, и ненависть идейного или эстетического отторжения. Важно другое. Много лет тому назад я сделал свой выбор, и годы убедили меня, что он верен. Я могу ошибаться, заблуждаться, но не врать. Ибо делу, которому я служу, ложь не нужна. Только Правда, Правда и еще раз Правда.

Вокруг творчества Михаила Шатрова всегда кипят страсти. У него есть яростные сторонники и не менее яростные противники. Одни его превозносят за остроту и правду, другие его называют «гением протокола»...

Димитрий КЛЕНСКИЙ
Юрий ФЕКЛИСТОВ (фото)

В ПОДЗЕМНЫХ КАРСТОВЫХ ПРОЕМАХ УНИКАЛЬНОЙ ПАНДИВЕРЕСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ СОСРЕДОТОЧЕНА ЧЕТВЕРТЬ ЗАПАСОВ ПРЕСНОЙ ВОДЫ ЭСТОНИИ. ЗДЕСЬ ИСТОКИ 93 РЕЧЕК И РЕК. ТУТ, НА ВИДУ ВСЕЙ РЕСПУБЛИКИ, БЕРЕТ НАЧАЛО И НОВАЯ ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА НА СЕЛЕ — ЕДИНСТВЕННАЯ ПОКА В ЭСТОНИИ АГРОПРОМЫШЛЕННАЯ ФИРМА «ПАНДИВЕРЕ». В НЕЕ ВОШЛИ ЧЕТЫРЕ КОЛХОЗА И НЕБОЛЬШОЙ ЦЕХ РАЙОННОГО МОЛОЧНОГО КОМБИНАТА.

ВЕРА В «ПА»

АНДИВЕРЕ»

Если не индустриальный пейзаж, то стекло и бетон, сверкающие никелевые трубопроводы мы ожидали увидеть в избытке. Было все, но понемножку. Оборудование не обязательно новенькое или импортное, много бывшего в употреблении. За шиком тут не гонятся. Не впечатляла масштабами центральная усадьба — Вайке-Маарья. Генеральный директор фирмы Борис Гавронский сказал: «Гигантомания погубила бы». И напомнил о создаваемом в этом же, Раквереском районе громадном мясокомбинате. Финские строители, сооружающие машину, говорят, что в их стране ничего подобного не воздвигали. Позже в Госагропроме республики признались, что с новостройкой и впрямь переборщили. Вспомнилась и реплика остроумного руководителя фирмы, дипломированного ветеринара: «Страшен не яд, а доза».

ДОЗА ПО ГАВРОНСКОМУ

В первый же вечер мы прогуливались по поселку. Что ж, можно в Эстонии увидеть и более эффектную застройку. Есть тут, правда, улица с особняками самых модных серий. Дома и приусадебные участки ухожены, многие без забора. Цветы обязательны, газоны «вылизаны» косилкой на «аглицкий манер». Тут самый строгий судья — соседи. Много легковых автомобилей. Они не роскошь — детей в школу доставить надо, съездить в райцентр и в театр. Последнее для эстонского крестьянина стало так же обыденно, как в прошлом посещение церкви.

В общем, люди живут с достатком. Убедились в этом, посетив местный музей, спортивную базу, где и тир, и крытые площадки для игры в бадминтон и волейбол, а еще... теннисный корт. Рядом — конное поле. А центр отдыха? Спальный корпус, обязательная баня, банкетный зал с камином, уютный бар. Отдыхайте в свое удовольствие, празднуйте свадьбы и дни рождения! Нет очереди в детсад.

По труду и отдыху, говорят. А работа такая, что и перекурить некогда. На сто гектаров обрабатываемой земли здесь производят мяса и молока в несколько раз больше, чем в среднем по стране. Привыкли брать по пятьдесят центнеров зерна на круг. Традиционно высокая дисциплина труда и особенно технологическая. Никто никого не уговаривает. Пример требовательности? Доярка, набоившая по итогам года от закрепленной группы меньше всего молока, автоматически увольняется. На ее место всегда есть претенденты, надо только выдержать конкурс.

К тому же научно-полевой полигон по улучшению семян столовых сортов картофеля, проектная группа, форелевое хозяйство, карьер по добыче мела — всего не опишешь. И все в соответствии с потребностями, в разумных пределах, без помпы. Цель одна — отправить на стол потребителя продукцию без потерь и высокого качества.

Не забывают при этом и о своих. В месячном «пайке» работника фирмы шесть килограммов мяса на выбор — свинина, говядина или бройлер, как правило, в парном виде. По килограмму полукопченой колбасы и сыра, набор мясных консервов и три десятка яиц. Все, разумеется, собственного производства. Это без учета магазина потребительской кооперации, в котором, кстати, нарасхват пирожки, выпекаемые полуавтоматами фирмы. О молоке здесь не говорят, его всегда в досталь, надо по пять с половиной тысяч килограммов на корову. «Могли бы и увеличить, но затраты, а значит, и себестоимость возрастут», — заметил главный зоотехник Юри Сиймер.

— Даже качество хлеба научились на расстоянии улучшать, — пошутил тракторист Хейкки Кийк, — в райцентре выпекали плохой, с завозом были проблемы. Тогда наша фирма решила взять дело в свои руки. Заела горожан гордость, стали исправляться...

КТО У РУЛЯ?

Но каково было наше недоумение, когда выяснилось, что за исключением молочного цеха все увиденное уже многие годы действовало в колхозе «Вяйке-Маарья», ставшем базовым хозяйством «Пандивере».

— Когда крестьянину не мешают вести дело грамотно и прибыльно, — поясняет Борис Гавронский, — то тогда он сам все выращенное перерабатывает и продает.

Еще после войны в Эстонии повсюду действовали многочисленные пункты переработки молока с небольшими маслобойнями — знаменитые «мейеры». Существовали и разные кооперативные объединения по первичной заготовке сельскохозяйственной продукции и сырья. Их ликвидировали, посчитав, что централизация производства животноводческой продукции имеет больше вы-

год. Сильно тут забежали вперед. Само село постоянно опровергало эту непреложную для административно-бюрократической системы управления схему. Цена ее известна — пустые прилавки. Так-то оно так, но кое-кому удавалось ниспровергать догмы и в застойные времена.

Среди них был и Борис Гавронский, виновник скандала, разгоревшегося лет пять назад.

Вместе с тремя специалистами засеял и Гавронский свой личный приусадебный участок укропом. Для ухода за посевами, уборки зелени заказывали трактор, оплачивали услуги по счету. Как все в колхозе. Весь урожай сдали потребкооперации. Выручка получилась солидной. Пошли «сигналы». Выступила газета, другая. Включились следователи. Но криминала не обнаружили. Все было по закону. «Дело» закрыли. Председатель перечислил заработанные три тысячи в казну. Такова была цена ЧП и уступка общественному мнению. Не берусь до конца оправдывать Гавронского, тем более по меркам нравственности тех лет. Но понять его, объяснить ситуацию нужно. Тем более что теперь не редкость, когда пресса прославляет руководителей, которые берут на откорм бычков или входят в небольшой кооператив.

Чего скрывать, деньги нужны были председателю одного из богатейших колхозов республики для постройки. Что же тут зазорного? А личные доходы у него одного порядка с механизатором или дояркой. Метастаз уравниловки! Во всей этой укропной истории доля вины лежит и на государстве, ему краснеть, что хозяйственники экстракласса должны «дорабатывать» на приусадебном участке. Примечательно, что в последние годы стало мало охотников занимать руководящее кресло.

Хорошо, что перестройка наступила. Ей нужны неутомимые и самолюбивые люди, которые способны тянуть воз, выходя на местах огрехи несовершенного хозяйственного механизма, пробиваться сквозь стены благодушия. Прошедший через все тернии застоя, не раз за свою двадцатилетнюю карьеру председателя колхоза битый, Гавронский не утратил жадности к настоящему делу.

Льнут к нему единомышленники. Встретил среди них и старого знакомого — Эрвина Саннамеза. При ликвидации Министерства мясо-молочной промышленности первый заместитель министра попал под сокращение — пенсионный возраст. Полтора года канцелярщины выдержал Саннамез в Госагропроме. Но куда податься? А тут фирму «Пандивере» создали. Живое, результативное дело пришлось Эрвину Иоханнесовичу по душе. И нет ему цены, заместителю генерального директора, знающему отрасль вдоль и поперек.

В «команду Гавронского» входит и Пеэтер Альби, председатель колхоза «Вао». Приютили его здесь еще до отмены судимости, которая сделала Альби чуть ли не «героем года». Приговор отменили после выступлений местной прессы и «Литературной газеты». Привлекли Пеэтера к уголовной ответственности за то, что взял на себя смелость (другие отказались) подписать счета, согласно которым за уборку камней с поля заплатили в два раза больше, чем по устаревшим, мизерным расценкам. Кстати, «щедрая» переплата оказалась в десять раз меньше прибылей от роста урожайности — экспертизу провели специалисты.

А тогда, три года назад, верх взяли перестраховщики, силы застоя. И что примечательно: так они ненавидят инициативных и самостоятельно мыслящих, что пользуются любым поводом, только бы смять непокорных. Вот и с Альби. Нарушение было чисто административное, но дело завели уголовное. Так и от преуспевающего Гавронского захотели избавиться. Но другие времена, другие ветры дуют нынче. На сельском сходке один колхозник сказал,

что «никогда не стеснялся критиковать председателя по делу, но если вопрос стоит принципиально, то он двумя руками за Гавронского».

Сколько таких хозяйственников-«камикадзе» сошло со сцены за долгие годы застоя! О них в Эстонии снят документально-публицистический фильм, имеющий на селе колоссальный успех. Ордена, а то и Звезда Героя уживаются в их биографиях с выговорами и приговорами. Здоровье, жизнь фактически без семьи — дом для многих был лишь спальней — все это не в счет. Никого это особенно не волновало.

Не надо быть наивным: немало и сегодня подножек на пути нового. Мой знакомый юрист ухмыляется: «Только захотеть, любого хозяйственника на селе можно запросто привлечь за «нарушение» или «превышение». Все еще наказуема инициатива, барахтается она в путях инструкции».

Где же выход? В агропромышленной фирме?

ЗЕМЛЯ НЕ СТЕРПИТ ГЛУПОСТИ

Соединение в одних руках и производства продукции, и ее переработки, и реализации кажется неизбежным. Сколько овощей и фруктов погибает из-за ведомственного разрыва цепочки поле — завод — магазин! Тем не менее последние десятилетия крестьянин был всего лишь поставщиком сырья для государственных мясо-молочных комбинатов, реально никак не влияя на цены, качество и ассортимент продукции. Конечно, была и забота государства. Волнами набегали на деревню специализация и кооперация, МТС и Сельхозтехника, мелиорация и химизация. Были у них свои плюсы. Но всегда что-то не сходилось — забывали о «дозе». И если редкие, образцово-показательные хозяйства выигрывали, то остальные все равно надолго оставались в долгах. В целом производство росло. Но за счет огромных затрат. Швырялись ресурсами, вынуждены были: успех любой ценой! А это оттого, что неэффективным было производство, не тот был хозяйственный механизм, система экономических интересов не срабатывала. Странное дело, но мы всегда торопились обогнать время и в результате жили интересами одного дня. К глобальным проблемам подходили нахрапом, упрощенно, с одинаковой меркой ко всем и во всем. Но еще древние римляне говорили, что земля терпит все, кроме глупости. Им вторят эстонцы: «Обманешь землю один раз, она тебя — девять».

Кажется, мы стали понимать, что приказами урожай не вырастить. Сегодня в Эстонии узаконены самые разные формы ведения хозяйства. Одинаково в почете и традиционные колхозы-совхозы, и фермеры, владеющие арендованной или собственной землей, и сельские кооперативные объединения, и разные формы подряда. И... наконец, агропромышленная фирма. В последнее время все чаще в республике совхозы реорганизуются в колхозы — больше в них демократии, гибкости, разворотливости. Так поступили и с тремя совхозами «Вао», «Трийги» и «Симуна», вошедшими в состав фирмы «Пандивере». Получает развитие фермерство, к концу 2000 года фермеров будет, по оценкам ученых, несколько тысяч. Такое разнообразие форм не должно пугать. Оно учитывает реальную, а не мнимую или навязываемую экономическую ситуацию.

Как смотрится в этом смысле фирма «Пандивере»? Она ведь, по существу, давно уже существовала. Просто сегодня она получила официальную «прописку», и теперь другим не придется ловчить, как Гавронскому. Элементы агропромышленной фирмы можно встретить и в других районах Эстонии. Время покажет, как быстро будет повторен опыт «Пандивере». Зато сегодня пристально следят за тем, как живаются в структуре фирмы, то есть всего перерабатывающего комплекса колхоза «Вяйке-

Маарья», его партнеры — вчерашние соседние хозяйства.

В «Пандивере» подсчитали, что когда сама фирма всю свою курятину в магазины поставляет, то более трети птицы идет по первой категории упитанности. А пока в хозяйствах — в шесть раз меньше. Вот и вся арифметика. В фирме знают, что новая ситуация обещает им в год восемьсот тысяч рублей прибыли.

К «Пандивере» приглашаются еще и потому, что она имеет свое лицо. Скажем, заменитая фирма «Кубань» характерна гигантскими масштабами. Свообразна и знаменитая латвийская «Адажи», во многом специализированная, например, на переработке картофеля. Есть и другие варианты, учитывающие региональные особенности. И главное, пожалуй, что их отличает от эстонского варианта, так это обеспечение фондами. Но на всех таких ресурсах еще не хватает. «Пандивере» более других приспособлена к нуждам и возможностям сегодняшнего массового производства и более универсальна, во всяком случае, в пределах Прибалтики и Нечерноземной зоны РСФСР. Эта фирма показывает, как можно и нужно работать уже сегодня. Причем многим.

— Если другие фирмы появились, образно говоря, по инициативе «сверху», — считает Борис Гавронский, — то наша возникла сама собой, ее вытолкнула «снизу» сама жизнь.

ТРОЕ «ПРОТИВ» ОДНОГО

Почти всем индустриальным потенциалом фирмы сегодня располагает базовое хозяйство «Вяйке-Маарья». И его председатель, он же генеральный директор «Пандивере» не скрывает, что он видит главную цель фирмы в увеличении валового производства продукции в присоединившихся хозяйствах.

Гавронский прекрасно понимает, что председатели колхозов — люди самолюбивые, и они вовсе не собираются навсегда оставаться поставщиками молока и мяса для «заводов Гавронского». Каждый «капитан» стремится к цели по-разному, и их соперничество уже дало плоды. Так в «Симуна» за прошлый год средний надой от коровы вырос на 532 килограмма, в «Трийги» — на 521 и в «Вао» — на 2631. Эта тенденция сохраняется. И по другим показателям то же — привесы на откорме скота растут стабильно, затраты кормов снижаются. Больше доходы хозяйства — солиднее и зарплата. В «Симуна» доярки начали полтора года назад со ста рублей в месяц, теперь получка в четыре раза выше.

— Прежде чем требовать с подчиненных, руководители позаботились о создании условий для них, — замечает Пеэтер Альби, председатель колхоза «Вао», — и в этом нам помогла агрофирма. Весь прошлый год, например, бригада дорожников колхоза «Вяйке-Маарья» асфальтировала дороги, ведущие к фермам и силосным траншеям, не у себя, а у нас, в хозяйствах-компаньонах. По итогам первого же года совместной деятельности на текущем счету всех примкнувших к «Вяйке-Маарья» колхозов денег стало у кого в два, а у кого в пять раз больше.

Никакого чуда тут нет. Для начала богатое базовое хозяйство погасило все долги партнеров — более миллиона рублей в местном отделении Агропромбанка. Нет, долг, конечно, все равно платёжом красен — возвращать его придется фирме, ее финансово-расчетному центру. Зато расквитаться разрешено на льготных условиях — «свои» не берут процентов, даже за долгосрочную ссуду.

Раньше как было? Попал в картотеку банка, о кредитах не мечтай. Теперь иначе: совет фирмы волен решать сам, кому и когда сколько денег отчислить, он не связан жесткими банковскими правилами, часто совсем не учитывающими сезонную специфику аграриев. Не календарный год (а если засуха, как нынче?) должен быть основой сделок

с банком, а как минимум три года. Особенно щедр «свой» банк в кредитах на строительство. «Трийги» только в этом году заняла 635 тысяч рублей. Но на ветер денег не бросают. Рубль должен окупиться. Да и помнят четко: берешь в долг чужие деньги — возвращаешь свои, берешь на время — отдаешь навсегда. Такой подход воспитывает чувство хозяина.

ОВЧИНКА СТОИТ ВЫДЕЛКИ

Стало возможным решать и много производственных проблем, которые всегда откладываются в слабых хозяйствах из-за отсутствия свободных средств. Среди таких «хвостов» — использование органических удобрений. Необработанная органика не столько удобряет почву, сколько «сжигает» ее.

В «Пандивере» круто меняют ситуацию. Требования охраны окружающей среды тоже поджимают. На удивление быстро строится система очистки фросовых вод промышленной зоны. Фирма объявила республиканский конкурс на лучший экологический проект защиты округи, учредила солидные премии.

Но, наверстывая упущенное, смотрят и вперед. Когда год назад Гавронский узнал, что закупочные цены на реализуемый государству скот, в частности овец, солидно увеличиваются, сразу навел справки о состоянии овцеводства в Эстонии. Через полгода он был в Госагропроме республики и излагал свой план — организовать завод по переработке и массовому выпуску шерсти, разных изделий из овчины.

Но в кабинетах Госагропрома он не нашел горячей поддержки. Парировали тем, что из эстонской овчины толком ничего не изготовить, не говоря уж про дубленку. Заело это Гавронского: прознал, что это отговорка, — не он один, оказывается, замыслил такое. И «включив четвертую скорость», снова обошел всех. Организовал командировку в Болгарию, сам своими глазами хотел все посмотреть. Прихватил с собой сто овечьих шкур, из которых изготовили тапочки, куртки, полушубки, дубленки, перчатки. Когда живо заинтересовавшиеся проектом болгарские друзья все это привезли летом в «Вяйке-Маарья», Гавронский снова на прием к чиновнику в Госагропроме напросился. Разумеется, с образцами пришел. Убедил.

В «Пандивере» разворачиваются. На курсы повышения квалификации в Венгрии сумели «пропихнуть» коммерческого директора Антса Лезметса. Экономисты стали изучать перспективы овцеводства — болгарские коллеги почитали оптимальным производство, рассчитанное на забой до 300 тысяч овец в год. Поспешают здесь не торопясь. Прокручивают разные варианты. Болгарская сторона может приступить к проектированию. А дальше? Либо будет заключен компенсационный договор, либо выиграет предложение советско-болгарского Института кредитования...

Во куда Гавронского занесло! Рассказывает обо всем этом разгоряченно, глаза блестят от азарта: его дело, его масштаб! Он забыл уже про «копейки», которые фирма добывает поставками за рубеж типовых, так называемых европоддонов из древесины, заготавливаемой на старенькой лесопилке.

Расставаясь, я спросил, между прочим: «Что важнее: экономический механизм или опытные хозяйственники?»

— Механизм, — дружно ответили молодые коллеги Гавронского.

— ...Доза, — лукаво заметил «генеральный».

Борис Моисеевич, склонный в неофициальной обстановке пошутить, на этот раз не балагурил.

Георгий ВАЙНЕР
Леонид СЛОВИН

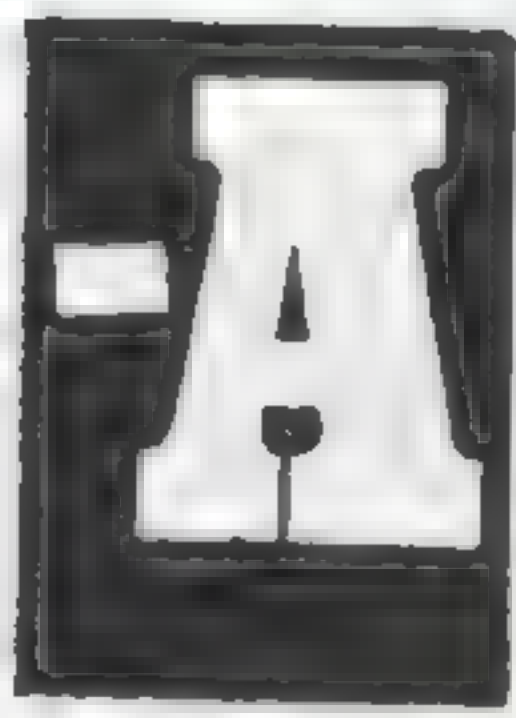
НА ТЕМНОЙ СТОРОНЕ ЛУНЫ

Повесть

Рисунки
Валерия КАРАСЕВА

«...Рост народонаселения и его концентрация привели к появлению поистине сонма бездомных собак. Часть их живет в городах, кормясь на свалках, у мусорных ящиков или выпрашивая пищу около магазинов, столовых, больниц. Другая же часть вернулась к жизни предков, переселилась в леса и полностью порвала дружбу с человеком. Эти собаки стали настоящими дикими животными. Борьба с ними крайне трудна, так как они прекрасно знают «повадки» человека, умеют его избегать и извлекать пользу из соседства с ним. Да человеку порой и невдомек, что встретил он в лесу не собаку, а дикое животное, оборотня. Одичавшие собаки исключительно молчаливы, скрытны и жестоки. На охоте, преследуя жертву, они никогда не подают голоса...»

Из беседы с профессором-зоологом
Ю. С. Богоявленским.

нарбай! — Халматов постучал в ворота.

Было еще рано, но зной, горячий и плотный, как верблюжий войлок, уже наваливался на кишлак. Во дворе у колонки кто-то набирал воду. Тугая струя из крана била в край дребезжащего ведра.

— Иду...

Створки заскрипели. Маджидов — молодежало-осанистый, несмотря на жару, уже был в костюме, в шляпе — видимо, собирался на работу. С «Лады», только что вымытой, переливающейся искристыми брызгами, стекала вода. Сверкающая машина в створе ворот казалась витринной принадлежностью автомагазина.

— Заходите! Как ваше здоровье? Как доехали? — Анарбай посторонился, пропуская Туру, потом обернулся к шоферу Халматова, Алику, — и вас тоже прошу, заходите, пожалуйста...

Во дворе уже снова хозяйка. Пахло свежими лепешками.

— Сюда... — пригласил Анарбай.

Халматов скинул туфли, в носках шагнул через порог. Вдоль длинной стены тускло отсвечивала стеклами полированная секция — все полки ее были заставлены расписными фарфоровыми чайниками и пиалами, среди которых заливчато мерцал голубизной и злотом гжельский самовар. Другие стены были завешаны коврами.

— Спасибо, что вы нашли время нас навестить... — поклонился Анарбай.

— Как вы поживаете?.. Как здоровье?

Халматов Анарбая видел лишь раз и то очень недолго. Но заочно Тура был знаком с ним довольно хорошо.

Маджидов был признан потерпевшим. Юридически. А вообще-то он работал в райпотребсоюзе заместителем председателя.

Сидели на ковре, подложив ноги под себя. Анарбай раскрыл высокую, под потолок, аккуратно сложенную стопу цветных одеял «курпачи», подал каждому.

— Дома никого не оставляете после того случая? — поинтересовался Тура.

— Да нет. Уммат-то сидит! Признался.

— Я знаю.

— И ущерб возместили. Четыре тысячи. Машину думаем менять. Вот и пригодится...

Жена Маджидова неслышно внесла чайник с пиалами, лепешки. Поклонившись, так же бесшумно вышла.

— Как все это происходило?

— Меня вызвал начальник Мубекского райотдела Гапуров Равшан. — Анарбай не спеша налил в пиалу, снова перелил в чайник, потом опять разлил по пиалам и подал каждому. — Уммат уже сидел у него в кабинете...

— Вы раньше не видели Уммата?

— Нет. Только потом понял, что это он и есть... Следователь принес деньги. В конверте. Вместе с протоколом.

— Как вам объяснили?

— Ну, деньги доставил брат Уммата. Он что-то искал в доме, на балахане и их нашел, принес в милицию. Гапуров при мне спросил: «Будете возмещать ущерб, нанесенный Маджидову?» Уммат тихо так сказал: «Да...». «Не слышу!» — крикнул Гапуров. — «Да! Теперь слышно?». «Теперь слышу. Пиши расписку, Маджидов...» — Это он мне сказал. Я написал.

— Всё?

— Да. — Анарбай взглянул удивленно.

— А про шприц? Про бинт?

Шприц, поломанный медицинский шприц, обнаруженный на месте кражи в доме Анарбая. На стенках шприца экспертиза нашла следы опиума. Анарбай и Уммат одинаково единодушно на допросах заявили, что не имеют к нему отношения. Кусок грязного бинта с корочкой запекшейся крови... Ни у того, ни у другого на теле не оказалось ни повреждений, ни ссадин. Даже самых пустячных. Главное — и группа крови не совпала...

— Про шприц, про бинт разговора не было.

— Не с неба же они свалились... — сказал тихо Халматов. — Кто-то же принес их во двор?!

Настоявшийся зеленый чай был чуточку терпок, жена Маджидова не пожалела заварки. Анарбай провел рукой по груди:

— Клянусь — это не мой шприц. У нас в доме дряни этой никогда не бывало...

Снова появилась хозяйка — с овощами, с кислым молоком, движения ее были уверенны, хоть и неслышны.

— Может, останетесь на вечер? — предложил Анарбай. — Жена плов сделает, сегодня пятница...

— Спасибо, — поблагодарил Тура. — Вряд ли смогу...

Сюда, в Урчашму, можно было попасть с трех сторон.

Из областного центра, от Мубека, дорогой, которой приехал он, Халматов.

С запада, из тупика Дарваза, малонаселенного, горного в основном района с постоянным контингентом жителей.

С юга, через хребет, как вор-домушник Уммат по кличке «Рыба», «Балык».

Одна из этих дорог была тайной тропой опиума. Неведомо, где начиналась, известно, где кончалась. В руках Туры был обрывок этой тропы, отрезок дороги — от Урчашмы до Ашхабада.

— Езжай к чайхане. — Тура сел в машину. — Знаешь где? В Центре, недалеко от пруда. Увидишь.

Дорога шла вдоль ручья — сая, — врезавшегося глубоко в грунт; по другую сторону тянулись дувалы.

Человек, которого Халматов хотел встретить, в пятницу мог наверняка оказаться в чайхане с другими стариками, собиравшимися в мечеть. Он был пенсионер, жил с дочерью и внуками. Дни коротал по-стариковски.

...Ночью Туре позвонил из Ташкента начальник уголовного розыска Силантьев:

— Я получил шифровку из Ашхабада. Они сняли группу — тридцать восемь килограммов...

— Ого! — Тура присвистнул.

— Арестованные концов не имеют, но утверждают: «Яблоки...» понимаешь... «Яблоки» идут через Мубек, от вас. В Мубеке перевалочная база. С машин на железную дорогу... Когда-то, Тура, гнойник этот лопнет! И нам тогда до конца жизни не отмыться... У тебя подвешена та кража со шприцем...

— Кража вещей у Маджидова, в Урчашме.

— Что там?

— Я как раз собирался туда. Хотел кое-кого повидать.

— Не откладывай, — попросил Силантьев.

— Пожалуй, я прямо сейчас туда поеду...

О ЧЕМ ПИСАЛИ ГАЗЕТЫ В ИЮЛЕ:

«Здравствуй, огонь Олимпиады! Молдавское село Лушены. Здесь утром эстафета олимпийского огня ступила на советскую землю...»

Под чинарами, на жестких квадратных «кроватях», поджав ноги, сидели старики в синих чалмах. В ожидании дневного намаза пили чай. Дальше, за чайханой, белело здание почтового отделения.

— Здесь? — спросил шофер.

— Да. Не гони, пылью людей засыплешь...

Шофер осторожно подвел машину ближе, затормозил.

— Мне с вами, ака?

— Необязательно.

— Я тогда зайду в универсам.

У почтового отделения на заборе висел громадный ручной работы ковер. Хозяин взглянул на Туру, подумал, что тот хочет спросить о цене. Но Тура прошел внутрь, к телефону-автомату.

— Это я, Халматов. Паку уж я не стал звонить. Что у вас там?

— У нас все спокойно,— объявил дежурный.— Генерал уехал в обком. Хотите соединю вас с полковником Назраткуловым?

Назраткулов был заместителем начальника управления по кадрам. С того дня, как он патетически крикнул Туре: «не уважаешь меня, уважай мое кресло!», Халматов старательно избегал всяких контактов с ним.

— Не надо. Передай Паку, что я звонил.

— Хоп.

Тура прошел под платаны, он уже увидел Тулкуна Азимова, правда, без синей чалмы. Бывший милиционер неспешно разговаривал с другими стариками. Тура направился к ним.

— Ассалом алайкум...

— Ва алайкум ассалом...

Ему налили чай. Старики следили за ним.

Тулкун заметно постарел с тех пор, как они виделись в последний раз. Азимов ушел на пенсию поздно — лет сорок выслуги накопил.

— Как здоровье дочери? Как внуки?

— Все хорошо, слава богу. Как Надежда Андреевна? — Тулкун называл русскую жену Туры подчеркнуто почтительно, чтобы не показалось, будто он его брак не одобряет. — Как сын?

— Спасибо, все хорошо.

Разговоры разговариваем, чай пьем, внимательно смотрят старики, прислушиваются, сами спрашивают. Ну, как тут к Тулкуну с вопросами нужными подлезешь?

Теперь, когда Уммат признался в краже у Маджидова, можно считать, что наркотик попал в квартиру Анарбая с юга, через хребет, вместе с Умматом. Скорее всего тянется тайная тропа опия оттуда. Надо только убедиться, что этот случай со шприцем — единственный на этой заокраинной спокойной земле. Старики в чайхане обсуждают все новости, они знают всё. И, следовательно, Тулкун тоже. Вперед остальных. Он хоть и старый, но он сорок лет милиционером был. Это не проходит бесследно.

Азимов понимающе следил за Турой, больше молчал.

— Пенсию колхозникам повысят с будущего года,— сообщил Тура.— А бывшим фронтовикам вообще много льгот будет...

Он достал из кармана газету, встал и подошел к бывшему счетоводу Фирутддину — признанному грамотею.

Стариковский интерес переключился с Туры на Фирутддина, и пока он стал читать громко и с выражением постановление, Халматов быстро шепнул Тулкуну:

— Как дела, Тулкун-ака?

— Тишина,— кивнул Азимов.— Молодежь, бывает, поспорит между собой, но старики у нас еще в почете. Прикрикнут...

— Заваривают? — Тура имел в виду чай — кукнар.

— Редко. Если у кого-то сохранился... Большая редкость.

— Через хребет много машин идет? — беззвучно спрашивал он.

— С юга? Сейчас чаще начинают ездить...

Тура кивнул — выходит, не одного Уммата потянуло сюда...

— Есть у меня одна зацепка,— лениво заметил Азимов.— Ходил я тут в степь. Смотрю — следы: легковая машина проходила. И несколько раз...

— На юг?

— На Дарвазу! Думается, «Волга»...

— Действительно новость... Давно проходила легковая?

— Недавно. В этом месяце...

Старики не смогли завладеть Турой — приветствуемый людьми, к нему уже пробирались высокий голубоглазый узбек — начальник Урчашинского райотдела.

— Мне говорят, Тура-ака приехал! А я не верю! Первым делом, говорю, он бы ко мне зашел, к другу... Тура Халматович, почему обижаете?..

Тура поднялся навстречу. Не хотелось, чтобы сослуживцы видели его рядом с Азимовым. И не надо старика беспокоить. Тем более что главное уже известно — кто-то гоняет машину на Дарвазу в обход постов ГАИ. Интересно, выставляют ли урчашиинцы круглосуточный пост у «Золотого моста»... По дислокации должен быть...

Церемонно поздоровались, обменялись вопросами о здоровье — личном, семьи, близких, общем благополучии.

— Уммат еще у вас в изоляторе? — спросил Тура, когда стало удобным заговорить о деле. Следовательно, привозивший обвиняемого на место, оставил его в Урчашие в ожидании конвоя.

— Здесь он. Нужен тебе?

— Хотел ему сказать несколько слов.

ИЗ ИЮЛЬСКИХ ГАЗЕТ:

«В столичном аэропорту «Шереметьево-2» совершил посадку воздушный лайнер, на борту которого — группа туристов из Испании, одна из первых, прибывших на Олимпиаду...»

Пак вздохнул облегченно; издали показались тополя кафе «Чиройли», зеленое пятно в ржавом мареве. Рано или поздно даже самой утомительной дороге приходит конец, сказал себе назидательно Большой Кореец.

Он затормозил, приткнулся к обочине под дерево. Здесь уже стояло несколько машин. Тени едва хватало на то, чтоб чуточку рассеять зной. Рядом под деревом притулился на сизом пятнышке тени «жигуль»-шестерка. Большой Кореец уже видел эту машину — «жигуль» со свистом обошел его у Седьмого магистрального канала. Судя по номерам, «жигуль» прикатил чуть ли не из Навои — хозяин спешил не зря, еще далекий путь предстоял.

Кореец запер «Москвич», спустился с дороги. Сразу за шоссе начинался мутный глинистый пруд, подхваченный к самому кафе. Вода коричневатая, густая, даже на вид казалась горячей. Удивительно, что бойцы общепита не подают ее в виде какао.

По мосткам Кореец прошел под навес к столикам. Жаркая парная духота. Несколько посетителей за столиками сидели тихо, вяло ковыряли в тарелках, лениво переговаривались, равнодушно посмотрели на вновь прибывшего. Кореец направился в дальний угол, выбрал столик у самой воды.

— Обедать будете? — официантке в грязноватом халате он явно не понравился, но почему-то она решила, что, пожалуй, не стоит его заставлять ждать.

— Обязательно,— кивнул Большой Кореец.— Чем кормите?

— Лагманы, мостова.

— Мостову. Хлеб. Минеральной воды три бутылки. Откроете сразу.

— Может, сто грамм?

Он щелкнул языком, помотал головой.

— Нет, так нет.— Она вернулась к стойке, передала заказ повару, предупредила: — Поаккуратнее! Взгляни, видишь — в углу огромный кореец? Мне кажется, я его видела в Мубеке в милиции...

Вернулась она с лепешкой, с бутылками минеральной воды.

Кореец налил в стакан минералки, бросил туда же щепотку соли, медленными глотками выпил, прищурив и без того узкие щелочки глаз, и со стороны нельзя было понять, жмурится он от удовольствия или не спеша разглядывает посетителей кафе.

Откуда-то из глубины кафе пахло дымком, во внутреннем дворе шашлычник колдовал над мангалом. Дым тянулся к воде. Мутная поверхность пруда пузырилась — в водоеме водились сазаны, всеядные водяные хрюшки, они стаями кидались на лепешки, которые бросали им посетители.

Кореец уже обжился на своем месте, обвел взглядом столики. Два старика в наманганских тюбетейках, в противоположном углу муж и жена — пенсионеры, видимо, автолюбители. Через два столика сидел выходец из Ирана, их много жило в этих краях.

На шоссе заурчал автомобиль, шум мотора приближался, по звуку Кореец определил «Волгу». Машина свернула с дороги, проехала вход в кафе и остановилась у задних дверей кухни.

Кореец наклонился ближе к столу, сунув правую руку под пиджак. У него было сейчас бесстрастное лицо Будды, терпеливо ждущего свой обед. Из-за кухни донесся хриплый клич приехавшего:

— Э-э, Ходжа! Ходжа!

Голос по-прежнему невидимого повара лениво ответил:

— Чего орешь, как ишак? Слышу, слышу... Иду...

В проем между чинарами, навесом и дверью кухни Кореец видел запыленный багажник серой «Волги». Потом в этот просматриваемый квадрат неторопливо вплыл повар и появился здоровенный усатый мужик, хлопнулись ладонями, побили друг друга по плечам.

— Привез?

— Привез.

Кореец сомкнул щелки глаз, понимая, что сейчас ему слух нужнее зрения.

— Сколько?

— Шесть.

— Что так мало? — разочарованно протянул повар.

— Больше не было. Они живые...

— Слушай, ты совсем без головы? Зачем мне живые? Я крови боюсь... — усмехнулся повар.

Щелкнул замок багажника, взрывом выплеснулось

из-под крышки дружное напуганное кудахтанье, усач выволок за шею белоснежную курицу. Она ошалело била крыльями, обреченно сипела.

Кореец еле заметно улыбнулся, расслабился. А усач достал большой складной нож на пружине и коротким взмахом отсек курице голову. Курица не упала на землю — она словно весь свой короткий век недоптицы ждала этого мгновения, чтобы взлететь в последний миг своей иссякающей уже жизни. Без головы, с быющей из обрубка шеи струйкой крови — мертвая курица летала. Махала белыми кургузыми крыльями в крутом спиральном пролете над замусоренным кухонным двориком. Она еще не успела опуститься, как усач выхватил из багажника следящую и отсек ей голову, швырнул в сторону, и та помчалась навстречу первой, столкнулась и рухнула на землю, а их уже догоняла третья, сшиблась грудью, летели по воздуху белые перья и комки крови...

Они летели, бежали, сталкивались, падали, вскакивали в последний раз, затихали, не зная, что они уже все умерли.

Официантка крикнула усачу:

— Ты бы детей постеснялся! Зачем им видеть?..

Кореец тряхнул головой, сбрасывая с себя наваждение, — зрелище было отвратительное и гипнотизирующее одновременно. Надо посмотреть номер машины, подумал Кореец, он не сомневался, что куры ворованные.

— Пусть привыкают! — засмеялся усач. — А то растут они сейчас очень нежные.

— Простите, у вас не занято? — услышал Кореец, повернулся и увидел рядом со столиком парня в голубой куртке.

Куртка была модная, со спущенными плечами. И бананистые брюки. Сумка на длинном ремне через плечо. Н-да, пропустил он его, не заметил, как тот вошел в зал. И пока Кореец внимательно рассматривал парня, тот наклонился ближе и спросил:

— Ваша фамилия Пак?

— Да, я и есть Андрей Пак, — кивнул Большой Кореец. — Садись...

Кореец механически взглянул на табло часов — 14.21. Парень, не торопясь, уселся на стул, аккуратно снял с плеча и положил осторожно на пол свою сумку. Движения у него были плавные, но точные. Текучая гибкая пластика лентя.

Женщина, сидевшая с иранцем, пухлая, черная, с бойкими блудливыми глазами, с интересом смотрела на парня.

— Ну и жара! — сказал парень и покосился на женщину.

— Градусов сорок, не меньше. — Пак подвинул одну из раскупоренных бутылок с минеральной. — Берите.

— Не откажусь. Всю дорогу пью.

— Зря, между прочим. Так ты что от меня хотел?..

— О чем разговор пойдет, начальник? — развязно-весело спросил Уммат, входя в кабинет.

— О шприце, — равнодушно-спокойно сообщил Тура. — И о бинте.

— Следовательно знает, что ты меня вызвал?

— Нет. Мне не надо разрешения следователя. Я говорю с тобой как начальник областного уголовного розыска.

— А я числюсь за следователем. — Уммат был дважды судим и знал правила твердо. — Буду давать показания только ему. И в протокол, — добавил он, подумав.

Глядя на его быстрые, остро поблескивающие глазки, Тура подумал, что они знают цену всему, их нельзя удивить или заставить поверить. Ему, Халматову, во всяком случае, это не удалось. А он разговаривать с людьми умел. И потому было удивительно, что начальник райотдела Равшан Гапуров сумел не только убедить Уммата признаться в краже, но и уговорить возместить причиненный Маджидову ущерб.

— Я хочу спросить тебя, где ты купил шприц? — спросил Тура.

Глухо гудели и бились в стекло мухи, огромные и неторопливо-наглые, как воронье. По землистому лицу Уммата текли мутные капельки пота.

— Начальник, вам, по-моему, этот вонючий шприц важнее, чем раскрытая и возмещенная кража. Так, что ли, понимать?

— Да. Интересует он меня.

— Я же вам еще раньше говорил: не мой это шприц! — закричал Уммат, судорожно затягиваясь сигаретой. — Я его тысячу лет не видел и видеть не собираюсь. Говорил вам?

— Да. Но тогда ты и про кражу у Маджидова говорил то же.

— Кража — другое дело. Я вор. Моё дело — брать. У вас есть хобби?

— Да, — кивнул Тура.

— Какое?

— Ловлю людей с медицинскими шприцами.

— Не мой. Точно говорю. Вот интересные люди!

Говоришь им правду — не верят. Врешь — верят! Не мой шприц!

Уммат покачал головой и с рвущейся из глотки, как свист, яростью прошептал:

— Как я вас всех, мусоров проклятых, ненавижу! Всю вашу подлечную породу! Ненавижу, — повторил он. — Противен ты мне!

Тура вздохнул:

— А ты мне очень нравишься. Ты мне очень приятен, Уммат...

В дежурке раздался какой-то шум. Кто-то с топотом пробежал по коридору, слышались громкие, будто испуганные голоса.

— Что это? — подняв голову, прислушался Уммат.

— Халматов здесь? Где Халматов? Быстрее!.. — крикнули за стеной.

Рывком дверь распахнулась, на пороге стоял начальник райотдела:

— Вас к телефону. Срочно. Отсюда говорить нельзя, поднимитесь ко мне. Я побуду с ним... Такое дело...

Халматов уже бежал вверх к телефону.

ИЗ ГАЗЕТ:

«Старты увидит вся планета. Открылся Центр электронной прессы...»

— Я приехал издалека, — сказал парень.

— Догадываюсь, — кивнул Большой Кореец.

— У вас нет времени... — почти неслышно проговорил парень.

— Да? А у тебя есть?

Парень бессильно пожал плечами:

— Наверное, и у меня его нет. Поэтому я позвонил и поехал сюда...

— А почему сюда?

— Здесь меня никто не знает. И надеюсь, что вас тоже. Вы свое слово сдержите? — спросил парень, и Кореец увидел, что у него на глазах выступили слезы.

— Не знаю, я ничего не могу обещать авансом. Все зависит от того, что ты мне расскажешь. — Лицо Пака было неподвижно.

Из внутреннего дворика вышел под навес посетитель. Он нес в одной руке несколько шампуров с шашлыками, в другой — тарелку с лепешками, накрытыми салфеткой. Пучок шампуров походил на букет коричнево-золотистых мясных гладиолусов.

«Лучше было бы попросить шашлык, — подумал Кореец. — Кто мог знать, что шашлычник так быстро раскопчет свой мангал? Ладно, надо парню хотя бы заказать...»

Человек с шампурами обошел столик, за которым сонно млея иранец со своей пухлой быстроглазой подружкой, поставил на столешницу тарелку, свалил грудой шашлыки и обернулся в поисках стула.

И оказался лицом к лицу с Корейцем — метра три их разделяло.

Авторучка с пляшущим счетом времени, текущая по подбородку парня минералка. Дремлющий иранец, тяжелая золотая подкова в низком вырезе платья его подруги. Лицо человека с шампурами напротив — полузабытое и все равно очень знакомое, лицо острое и смуглое, как перекаленный топор — все это мелькало перед глазами Пака, сливаясь в протяжный и пронзительный визг надвигающейся опасности, крик вплотную подступившей беды.

Он сунул руку под пиджак, рифленая рукоятка пистолета мгновенно, привычно легла в ладонь. Но Большой Кореец сидел.

А тот стоял. И уже скинул с тарелки салфетку, под которой лежал на сливочно-розовой поджаристой лепешке «макаров».

И счет на секунды — более быстрые, чем те, что насакала электронная ручка, — был против Пака. Потому что стрелять сидя он не мог: прямо по линии огня перед ним были парень в куртке — он-то скорее всего и привел за собой убийцу, еще дальше — беспечный иранец и оцепеневшая от ужаса девка.

«Какие отчужденные лица у убийц», — успел подумать Кореец и стремительно опрокинулся назад, поднимая коленями на себя столик. Хрупкий пластмассовый щит, ничтожная преграда, отчаянная попытка Корейца выиграть хоть две секунды. Расчет на чудо. Надежда на судьбу. Мечта о спасении. Мольба о жизни. Об уходящем чуде жизни. Господи, как давешние куры. Безнадежный полет без головы... Чудес не бывает...

Пуля вошла Корейцу в грудь еще до того, как он завершил свой отчаянный кульбит, подкинула в воздухе и тяжело швырнула на доски настила.

Он уже не слышал грохота выстрела, как и своего отчаянного горлового крика:

— А-а-и-и! А-а-и-и!..

И еще крик его не стих, как тупую, душную немоту в кафе разрубили еще два выстрела — убийца стрелял в спину парня, зажавшего от ужаса голову руками. Парень ватно ткнулся лицом в ноги лежащего Пака, коротко захрипел и умер. На голубовато-серой,

застиранной джинсовке мгновенно проступили два черно-красных пятна.

Никто из посетителей и не пробовал шевельнуться.

Убийца взял с тарелки лепешку, надкусил ее, проглотил кусок, бросил лепешку в воду и пошел к выходу.

Когда он проходил по мосткам, в пруду что-то громко плюхнуло, булькнуло — не то рыба плеснула, не то упало что-то — никто из сидевших под навесом даже не обернулся.

Через минуту на шоссе послышался шум отъезжавшей от «Чиройли» машины.

ИЗ ГАЗЕТ:

«Отъезд товарища Л. И. Брежнева из Москвы. Из Москвы на отдых отбыл Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев...»

Ехали быстро. Через ветровик в машину врывалась струя воздуха, горячая и плотная. Мчались с сумасшедшей скоростью по привычке — нужды в этом никакой не было, ничего изменить уже было невозможно. А специалистов в кафе «Чиройли» и без них теперь предостаточно.

— Давай-давай... — приказал Тура, скрипнув зубами.

Фигурки с кетменами всплывали и тонули в междурядьях волн, будто усталые пловцы в полосе прибоя. Оставалась лишь горячая, плоская до самого горизонта лепешка земли да бесконечные линии электропередач, расчертившие небо геометрическими штрихами во всех направлениях под немыслимыми острыми углами друг к другу.

— А все-таки хорошо, что мы не вернули двигатель, товарищ подполковник, — заметил неожиданно Алику тоном, в котором слышалось плохо скрытое торжество. — Разве на старом мы бы держали такую скорость?

— Как не вернули? — повернулся к нему Тура.

— Завгар сказал: «Пока поезди...»

Тура помолчал, судорожно вздохнул, как всхлипнул, — с ним такое случалось, когда он сдерживал в себе взрывной всплеск гнева, очень медленно спросил:

— Ты начальнику «Мубекирмонтажа» намекал, конечно, что это я прошу движок?

— Да упаси бог! — заерзал Алику. — Мне Фархад, водитель Назраткулова, сказал, что у них там, в тресте на складе, есть неработающий электрогенератор с новым движком...

— Это я знаю! — отрезал Тура.

— Ну да, я и сказал начальнику «Мубекирмонтажа», что пока, мол, валяется исправное оборудование без дела, хорошо бы для государственного интереса снять движок, пока его не украли. Нам, пока фонды не спустили, без хорошего движка на оперативной машине — хоть стой, хоть падай...

— Да слышал я всю эту галиматью! — крикнул Тура, передразнил: — «Пока валяется... пока не украли... пока поезди...» Я же тебе приказал вернуть?

— Не успел, товарищ подполковник. — Шофер Алику явно не понимал, какие серьезные последствия могли произойти из его ловкости. — И то сказать: если б я себе взял. А то на государственную машину! Со старым двигателем мы бы сейчас, знаете, где были?.. Да и о вас я заботился, Тура Халматович! Начальник розыска области, а ездите на какой-то лохматке!..

— Завтра чтоб двигатель был в тресте!

— Слушаюсь!..

Мубек объехали стороной, сэкономили километров двадцать.

«Почему Пак не сидел у меня в кабинете, в управлении, как договаривались, а помчался в кафе «Чиройли» — «Красивый»? За шестьдесят с лишним километров от Мубека, почти на границе с соседней республикой?! Дежурный не мог ничего об этом сказать...»

Иногда мысли Туры без видимой связи перескакивали на разговор с Тулкуном Азимовым.

Конечно, могли ехать и «дальнобойщики»...

Так называли здесь шоферов, ворушащих не только рулем, но и большими деньгами на дальних рейсах с ранними фруктами. Вместе с жуликами — руководителями автохозяйств и продажными инспекторами дорожно-патрульной службы ГАИ, с незаполненными бланками путевок и толстым рублем в кармане, вертели они крутые дела. Короли кривой дороги...

Только незачем им ехать на Дарвазу. Путь «дальнобойщиков» из Дарвазы! Мимо «Золотого моста»...

Про «Золотой мост» через сбросовый оросительный канал в двадцати километрах от Дарвазы, где находился пост ГАИ, ходили легенды. Поговаривали, будто «дальнобойщики» редко переезжали его по одному, а собирались пять-шесть машин к ночи поближе, вручали кому-то из гаишников пятьсот —

шестьсот рублей, и тот «проводил» караван по мосту. Неизвестно только, кто давал и кто брал.

«Дальнобойщики» не ходят на легковых. Невыгодно. Нет, не левые фрукты возили по беспутью мимо Урчашмы.

Ехали быстро. Вот-вот должен был появиться Седьмой магистральный канал, а там до «Чиройли» было уже рукой подать.

«...Что могло привести Пака в «Чиройли»? Я точно знаю, что это кафе никогда у нас не фигурировало...» — Халматов думал как розыскник. Он по-другому и думать-то не умел.

Пак был его заместителем, одним из сотрудников, таким, как он сам, Тура, как другие, кто подписался жить странной этой, опасной жизнью и был специально подготовлен к ней и обучен.

И тут Тура вдруг впервые подумал о Большом Корейце — огромном молодом мужике, безнадежно смелом и бесконечно хитром, в которого, разорвав кровеносные сосуды, нервы и мышцы, всадили несколько часов назад заряд свинца.

— О-о-о!.. — вырвалось у него громко. — О-у-о!..

И стон этот был страшен, как хрип подраненного тигра.

— Вам плохо, ака? — обернулся к нему Алику, на сердце у которого было легко: всеми правдами и неправдами он решил сохранить новый двигатель, ни в коем случае не отдавать «Мубекирмонтажу».

— Давай-давай, — очнувшись от воспоминаний о Паке, как от обморока, сказал Тура. — Гони во всю мочь...

Тура еще издали увидел сиренево-синюю мигающую круговорот тревожных огней — обочины шоссе были заняты машинами с номерными знаками Мубека. Колонна, в которой двигалась «Волга» Халматова, шла между ними в узком коридоре, заполненном запахами горячего железа, краски, бензина. Водители снижали скорость, чтобы все лучше увидеть и запомнить, не обращая внимания на нетерпеливые окрики и энергичные отмашки инспекторов Госавтоинспекции.

— Проезжайте! Проезжайте, не задерживайте!.. — крикнул один из инспекторов Тура, заметив, что его шофер собирается припарковаться. — А-а... — Узнав Туру, он махнул рукой.

— Сюда, — показал Халматов, не обращая внимания на инспектора.

Машину удалось поставить только в самом конце стоянки, над прудом. Напротив, под деревом, Халматов увидел машину Пака. «Москвич» стоял у самой обочины. Все места кругом были заняты транспортом, сбоку, рядом, стояла патрульная машина ГАИ. «...Пак не поставил бы машину бочком, если бы место это рядом было свободным, — сразу заметил Халматов. — Патрульная машина стоит на месте другой, рядом с которой парковался Пак. Та машина ушла...»

— Тура Халматович!..

К нему подошел начальник райотдела Равшан Гапуров — «Чингизид», как его иногда называли за глаза, — тяжелый, без шеи, медлительный, слегка косивший черным красивым глазом. От этого у Гапурова был всегда сонный вид — прекрасный камуфляж для деятельного, властно-резкого, очень умного милиционера. Тура всегда помнил об этом — когда-то они котировались оба на должность начальника областного уголовного розыска. Тогда Эргашев предпочел Туру. Оба об этом никогда не забывали, хотя и не соперничали открыто.

Халматов перебил его:

— Пак жив?

— Жив. Генерал добился вертолета, их сразу отправили, — обстоятельно, как всегда, принялся объяснять Гапуров. — Но парень этот, с Корейцем который был, — тот сразу умер. Личность пока не установлена. А Пак сейчас в Мубеке, в областной больнице...

— Как его состояние?

— Очень тяжелое, — вздохнул Равшан.

— Гильзы нашли? Из чего он стрелял? — допытывался Тура.

— Преступник стрелял из «макаровского». Нашли две гильзы. Я направил их с нарочным в Ташкент, пусть проверят по гильзотеке. Может, когда-нибудь пройдут по какому-то делу.

— Третьей нет?

— Пока нет. Может, в пруду.

— Если не обнаружит металлоискатель, нужно спустить воду...

Продолжение следует.

НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД В ОТДЕЛЕ ПРОПАГАНДЫ ЦК КОМПАРТИИ АЗЕРБАЙДЖАНА Я НАЗВАЛ ФАМИЛИЮ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА С РЕДКИМ СОЧЕТАНИЕМ — АКАДЕМИК АН АЗССР, ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА(!) И ПОИНТЕРЕСОВАЛСЯ НЕ ОПЕЧАТКА ЛИ ЭТО? ОЧЕВИДНО, ИМЕЛСЯ В ВИДУ ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА? СОБЕСЕДНИКИ МОИ ПОЧЕМУ-ТО, СЛЕГКА ВЗДРОГНУВ, НАПРЯЖЕННО ПЕРЕГЛЯНУЛИСЬ И ВЯЛО ПОДТВЕРДИЛИ: НЕТ, НЕ ОПЕЧАТКА. ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, ЕСТЬ ТАКОЙ, НО... КАНДИДАТУРА, СКАЗАЛИ МНЕ, СОВЕРШЕННО НЕ ГОДИТСЯ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ.

АКАДЕМИК БУНИЯТОВ:

«МОЛЧАТЬ НЕ ПРИУЧЕН!»

Ну, академик... Но ведь так... Слабоват. Ну, Герой... Но ведь тоже, не то чтоб уж очень... Характер — хуже некуда, журналистов, кстати, на дух не переносит, вообще ведет себя вызывающе, одним словом, фигура одиозная, абсолютно неподходящая для солидного издания.

Эта поразительная характеристика академика, Героя Советского Союза из уст ответственных товарищей звучала прямо-таки сногшибающе. А тут еще я, на беду, поинтересовался специально этого человека. Да тоже, ответили мне, сам не знает, чего хочет: то сейсмологией занимается, то вдруг ни с того ни с сего книжку по восточной медицине написал, то с астрономами спорить берется. Разброд и шатание сплошное...

Потрясенный нарисованным портретом, я покинул красивое здание, немедленно раздобыл телефон, а заодно и следующие сведения: Герой Советского Союза, бывший командир штрафной роты Пятой ударной армии, в недавнем прошлом — директор Института востоковедения АН АЗССР, академик Зия Мусаевич Бунятлов действительно является автором ряда серьезных работ по восточной медицине, астрономии, сейсмологии и некоторым другим областям знания. Впрочем, все это написано им, так сказать, в порядке увле-

чения, в свободное от основной работы время (!). Так кто же он — академик Бунятлов, с которым мне так горячо не советовали встречаться «высокие официальные лица» в тогдашнем ЦК Компартии Азербайджана?

— Я историк. А история, как легко понять, своеобразная энциклопедия человеческой жизни — это и культура, и наука, и нравственность, и философия, и обычаи. Конечно, есть высококлассные специалисты-историки в какой-то одной, узкой области исторического знания, но и они, по сути, энциклопедисты. А я вообще — человек увлекающийся, и если, скажем, я набрел в какой-то древней рукописи на интересную проблему, забытое открытие, меня это начинает мучить и не отпускает до тех пор, пока не освоюсь в этой области настолько, чтобы иметь право на собственное мнение. Вот, например, сейсмология. В древних арабских трактатах я нашел довольно много разных рецептов предсказания землетрясений. Ну и написал об этом. Както пригласили меня на конгресс востоковедов в Японию. Я приехал, выступил в секции «Человек и природа». Журналисты спрашивают с подначкой: когда, мол, будет землетрясение, можете сказать? Пока, отвечаю, я здесь, — живите спокойно. Уеду, ругаться не могу. Улетели мы из Японии, на следующий день слышу по радио: в Японии сильное землетрясение!.. Это, понятно, занятное совпадение, но

в принципе я глубоко уверен — история хранит лекарства от многих наших сегодняшних бед.

— А как насчет социальных прогнозов? Для нас они сейчас чрезвычайно важны...

— Об этом и говорить не приходится. Ведь, в сущности, каждый этап развития человеческого общества в немалой степени повторяет уже пройденные и даже отдаленные от нас на сотни, а то и тысячи лет. Вспомните, как ветхозаветный Моисей 40 лет водил сынов Израиля по пустыне, чтобы народилось поколение, не знавшее египетского рабства. Перед нашим обществом сейчас стоит та же задача: нам нужен новый человек, с новой нравственностью, с новой системой ценностей. То есть, по сути, не новый, а нормальный человек, мыслящий нормальными категориями, живущий по общечеловеческим законам и уложениям, о которых мы сейчас только начинаем вспоминать. Нам, что называется, нужно с головы встать на ноги...

— Вот вы говорите «с головы на ноги». А нет ли в том, что мы находимся в таком, мягко говоря, неудобном положении, и вашей вины — ученых-историков, коль скоро ваша наука располагает рекомендациями для нормального существования общества?

— Ну, если мы начнем виноватить друг друга, разговор затянется — виноваты то мы все... Историки в том числе. Все

дело в том, что во время брежневщины — я беру отрезок, наиболее близкий к нам — с историей обращались как с непотребной девкой: исторической наукой в нашей стране помыкали как кому заблагорассудится. Но, конечно, не Брежнев и его окружение установили эту преступную традицию в отечественной истории, они шли проторенной дорожкой. Наиболее полно она выразилась в эпоху Сталина. Я не буду здесь приводить широко известные сегодня примеры его «научной» деятельности.

Хочу только сказать, что, будучи более сорока лет членом партии, я тем не менее считаю, что наша общественная система, по сути, не предусматривает демократии в науке. Она пока что не смогла выработать серьезных гарантий для нормального функционирования гуманитарных наук, необходимых для жизни общества, таких, как история, социология, политэкономия. На сегодняшний день единственным обеспечением полноценного и истинного осуществления научной деятельности может служить только личность лидера страны, его честность и порядочность. Но положив руку на сердце спросим: разве это гарантия? Еще и сегодня приходится сталкиваться с направляемой и управляемой сверху наукой.

В таком положении меня больше всего бесит главная посылка этих «радетелей»: «Есть мнение...» «Чье, — спрашиваю, — мнение?» На это следуют укоряющий взгляд и усталая улыбка.

Мол, существуют какие-то высшие интересы! А на самом деле никаких «высших» интересов нет. Есть подленькое, подхалимское желание угодить начальству, поскольку руководители хотели бы видеть только себя отраженными в истории. И те, кто сидит чуть пониже, кормятся за счет этого желания, насилюя историю. И это, между прочим, продолжается.

Сейчас только и слышно: «исторический XXVII съезд!», «историческая XIX партконференция!». Господи, сколько у нас уже было таких «исторических» событий, которых мы не осмысливали по-настоящему, увлекшись препустейшим звоном на весь мир! Историческими и съезд, и партконференция станут гораздо позже, когда придет новое поколение, которое будет способно честно и по достоинству оценить их значение для судеб народа. А для нас эти события не история, а наша с вами жизнь, и не греметь нам нужно об их историческом значении, а вкалывать до седьмого пота, чтобы решения, принятые на них, стали действительно нашей национальной исторической гордостью, а не очередным национальным позором!

— Ну, насколько я знаю, вас, Зия Мусаевич, трудно заподозрить в желании угодить начальству. С прежними руководителями республики у вас, кажется, понимания не складывалось?..

— А что же вы хотите? Ведь в некоторых республиках первые секретари ЦК, а то и обкомов творили что бог на душу положит. Алиев как-то сетовал, что я, мол, веду себя вызывающе, и тому подобное. А я ему прямо сказал: я с вами водку не пил, в разведку не ходил, и деньги не вы мне платите, а холем по призыванию никогда не был и не буду! Как рядовой член партии вашим указаниям подчиняюсь, но молчать не буду — не приучен. Мне тут потом такие «лекции» о патриотизме читали, о пренебрежении национальными интересами народа — заслушаешься!.. Только не на того они напали. Всякие инструкторишки, у которых молоко на губах не обсохло, поучать меня взялись. А я считаю, что человек, не служивший в армии, имею в виду, конечно, фронт, мне мораль читать не имеет права — я Золотую Звезду Героя Советского Союза не сам себе повесил, а на войне потом и кровью заслужил, мне ее мой народ дал.

Мало того, от меня еще требовали, чтобы я их махинаций не замечал, глаза закрыл на их подпольную деятельность. Извините! Вот, из более-менее свеженького. На съезде Компартии Азербайджана голосуют списком за делегатов на съезд, «Единогласно!» — говорят. Я тогда поднялся, извините, говорю, как это «единогласно», ежели я сам, лично, собственной рукой двенадцать фамилий из вашего списка вычеркнул, они же жулики?! На меня, конечно, руками замахали, все равно смухлевали, но молчать?!.. Благодарю покорно...

— Но, наверное, вам не так уж трудно было не молчать — Герой Советского Союза, академик...

— Отчасти, конечно, грудь защищена. Но я, знаете ли, как-то об этом не думал. Мне в общем-то всегда было безразлично, с кем в драку лезть, лишь бы за правое дело. Я и по поводу Брежнев-а протест посылая, когда он себе третью Звезду повесил. А иначе, что же это получается: если он наверху засел, так может себе весь живот Звездами увешать? Выходит, высшая государственная награда никакой цены не имеет? Так, вроде побрякушки? Я это воспринял как оскорбление, слава богу, собственными глазами видел, какой он «герой», — мы с ним однополчане по 18-й армии. Так где же справедливость?! Ну я и послал протест. Мне вместо ответа инструктора ЦК прислали, не помню, правда, фамилии. Он мне опять, понимаете ли, мозги вкручивать взялся. Что я, мол, недопонимаю всенародной признательности, не разбираюсь в политическом моменте, сло-

вом, развел тут демагогию на пустом месте. Ну я ему и сказал по-фронтовому все, что я думаю и о нем, и его хозяевах.

— Да... Теперь я понимаю, почему мне несколько лет назад в ЦК не посоветовали с вами встречаться. Характер у Буниятова, говорят, не сладкий...

— А я не ириска, чтоб сладким быть. У нас и без меня сладких хватало, аж приторно. Теперь вот всем миром страну от «диабета» лечим... И ведь, между прочим, давайте признаемся, что не наша это инициатива, не интеллигенции. Грустно, конечно, это признавать, но не наша. Не приди в этот критический момент к власти Горбачев, так бы и сидели в... сиропе. А то некоторые без зазрения совести заявляют, что они, мол, способствовали смене руководства. Да ничего похожего! Они, может быть, ручки и подняли в нужный момент, а только ясно было, что никто другой, кроме Горбачева, на этом посту не должен быть. Народ его ждал, знал, что именно он придет. Потому что он — личность. Лидер. А лидера не назначают, хоть и руками, и ногами голо-суй, его народ признает.

— Совершенно очевидно, что проблема лидера сегодня выдвинулась на первый план. Причем на всех уровнях нашего общества. В науке, видимо, положение такое же. Вы недавно вернулись в институт на свою прежнюю должность директора. Так вот, ощущаете ли вы себя лидером?

— Думаю, да. Меня ведь директором Института востоковедения не назначили, а выбрали, хотя я несколько лет назад с этого места с треском ушел, дверь хлопнул. Считаю, что раз люди меня призвали, значит, я нужен. А кроме всего прочего, сама ситуация в нашей исторической науке сейчас такова, что спокойно смотреть на творящиеся безобразия мне совесть не позволяет.

— А что вы имеете в виду?

— Да хотя бы тот факт, что в старших классах отменены экзамены по истории!

— А мне казалось, что это повод для оптимизма. Ведь, по сути, это означает возвращение к правде.

— Спору нет — в нравственном смысле так оно и есть. Но давайте смотреть на ситуацию шире, глубже. Ведь эта отмена означает, что мы попросту оказались без истории. Великая держава, всегда занимавшая ведущее место в мире!

Это означает еще и то, что многие поколения людей, получивших исторические знания в извращенном, искаженном виде, так и останутся с прежним багажом, с неверным восприятием прошлого собственной страны. Но без знания прошлого, без умения обобщить исторический опыт, сделать из него надлежащие выводы невозможно прогнозировать будущее, бессмысленно строить сколько-нибудь серьезные планы! Поймите меня правильно, я не занимаюсь кликушеством или бессмысленным воем по «покойнице» — исторической науке. Я просто предлагаю задуматься над ее будущей судьбой, чтобы, не дай бог, не повторить прошлых ошибок. Причем нужно учесть, что в национальных республиках положение с историческими исследованиями вообще находится в катастрофическом положении. Говорю так с полным на то основанием, поскольку имел и имею сомнительное «удовольствие» наблюдать ситуацию в Азербайджане.

В Азербайджане М. Багиров с первого же дня занялся уничтожением ученых, даже в самой малой степени связанных с исследованиями исторического и социально-политического плана. Как «враги народа» были расстреляны Р. Ахундов, Б. Чобанзаде, А. Губайдуллин, В. Хулуфлу, С. Мумтаз, да разве всех перечислишь?.. Наша наука была физически обезглавлена, тем самым на долгие годы была оборвана преемственная связь поколений, отчего мы страдаем и сейчас. На сегодняшний

день мы оказались лицом к лицу с огромным, трудновосполнимым дефицитом не только высоко-, но и просто квалифицированных обществоведов и историков. И, поверьте мне, дефицит этот будет ощущаться еще многие годы, вплоть до начала следующего тысячелетия. А причин тут множество. Скажем, арабский алфавит.

— ?!

— Вот видите, вы даже не знаете, о чем речь. А дело в следующем. Распоряжением Сталина и его «присных» в Азербайджане и в некоторых других республиках волевым решением был ликвидирован арабский алфавит, на котором у нас столетиями писались все труды по истории, праву, философии. В одном только Баку до 1917 года выходило более 160 газет и журналов на арабском алфавите и печатались книги по всем отраслям науки, культуры, искусства, техники!..

Все, кто возражал против насильственного изменения алфавита, были физически уничтожены как буржуазные националисты! Но если даже условно можно было бы считать переход от арабского алфавита к латинскому явлением прогрессивным, то ведь и латинский алфавит, к которому только-только стали привыкать люди, был через 10 (!) лет заменен на кириллицу, хотя буквенных знаков в кириллице явно не хватало для того, чтобы отразить всю гамму звуков азербайджанского языка.

Иными словами, дважды за короткий период времени был нанесен губительный удар по общественному и интеллектуальному сознанию азербайджанского народа. Самым грубым, насильственным образом мы были отрезаны от своей национальной культуры, от своего исторического прошлого. Сейчас, когда пришла пора пересмотра всех исторических концепций, историки и обществоведы республики оказались лицом к лицу с проблемой прочтения огромного количества документов и материалов, изданных и написанных на арабском алфавите. И проблема эта пока неразрешима, ведь 95 процентов современных научных сотрудников в академических институтах и в вузах ни на арабском, ни на латинском алфавитах читать не могут!

Оба эти алфавита, и особенно арабский, надобно изучать как новые языки, но ведь для этого необходимо время, которым мы, увы, не располагаем. И если сейчас в вузах, а может быть, и в старших классах школ не начнут изучать арабский алфавит, то все архивные материалы и общественно-политическая литература, опубликованные до 1930 года в Азербайджане, останутся для нашего народа китайской грамотой. Вот таким преступным образом, двойным принудительным изменением алфавита в течение всего 10 лет азербайджанцы вместе с туркменами, узбеками, каракалпаками, киргизами, казахами, татарами, башкирами, ногайцами, кумыками, балкарцами и другими народами были искусственно, в приказном порядке лишены возможности знать свою историю, культуру, литературу...

— Ситуация действительно трагическая, и, как видно, скорых путей ее разрешения пока не имеется... Что же в таком случае делать? Ведь, очевидно, дело подобным образом обстоит не только в Азербайджане, но и в других наших республиках?

— Естественно. Но если бы я не верил в возможность изменения ситуации, я бы не вернулся в директорское кресло. Процессы перестройки, идущие в стране, позволяют надеяться на лучшее. Нужно только по-умному, с холодной головой и трезвым расчетом браться за дело. Проблемы, стоящие перед нами, невозможно решить лихим наскоком, таким чапаевским натиском. Были уже и в наше время такие попытки, вроде борьбы с пьянством. А в результате в Азербайджане, да и не только у нас, погибли уникальные сорта винограда...

В науке, между прочим, то же самое, да и только ли в науке. И меня радует, что сегодня руководство страны трезво смотрит на вещи — ведь в какой-то момент было ощущение, что «наверху» некоторые считают перестройку делом нескольких «ударных» лет, вроде «большого скачка». Сейчас положение круто изменилось, что и вселяет надежды. Обидно только, что перестройка, набирающая силу в стране, малозаметна в области гуманитарных наук, и особенно в науке исторической. Покуда во главе общественных наук будут стоять представители застойного времени, трудно будет оживить эту важнейшую область социального сознания, перестроить их по-настоящему, на основе исторической правды.

У нас есть с чем сравнивать нынешнее положение — с ленинским периодом! Что такое семь лет для истории? Даже не мгновение! Но за семь лет при Владимире Ильиче историческая наука в нашей стране сделала огромный шаг вперед, как, впрочем, и все общественные науки. Происходил широчайший обмен мнениями, гремели острейшие дискуссии во всех отраслях гуманитарных наук, какие люди трудились! И как плодотворны, как ценны были эти годы при Ленине! Но ничего другого и не могло быть, потому что поиск истины строился на крепчайшем фундаменте исторической правды, на страстном желании принести пользу своей стране и своему народу, а вовсе не на стремлении к каким-то дутым почестям или к деньгам и наградам. Ведь, что греха таить, и по сей день многие обществоведы и историки видят свою главную задачу в угодливом обслуживании высших эшелонов власти. Разве это перестройка?

Вообще, на мой взгляд, положение в научной интеллигенции весьма и весьма тревожное.

— Вы, очевидно, имеете в виду последствия периода застоя?

— Именно. Разве нормально, что Россия не имеет своей Академии наук? А Академия наук СССР, по сути, превращена в московскую «епархию»? Можно было бы терпеть такую ситуацию, если бы существовала хоть какая-то серьезная отдача. А ведь научный результат деятельности академий в нашей области практически равен нулю.

Академия между тем живет по-прежнему. Та же закрытость, та же келейность в принятии важнейших решений. В застойное время появились и продолжают безбедно существовать целые научные кланы, группировки и группы, ревниво охраняющие свои зоны влияния от «внедрения» чужаков. Чего стоит, например, один только факт: всемирно известный ученый-востоковед, автор уникальнейших исследований, признанных повсюду, ленинградец И. М. Дьяконов до сих пор не состоит в звании академика! Тут уж в пору говорить не об интригах, а о национальном позоре наших академических кругов.

Ну и, сами понимаете, коль скоро таким образом дело обстоит в центре, чего можно ожидать от республиканских академий!.. Скажем, Академия наук Азербайджана не сумела стать координатором научных исследований в области гуманитарных наук. Неумение направлять их приводит к тому, что многие вопросы развития республики подменяются своей прямой противоположностью, вырастают до уровня гигантских проблем, как это произошло, скажем, с национальным вопросом.

— Национальный вопрос, судя по ситуации, вообще стал едва ли не центральной проблемой современного периода...

— Этого следовало ожидать. Ведь в нашей стране интернациональное воспитание людей в течение многих лет подменялось откровенной демагогией, чисто силовыми методами в решении этого краеугольного вопроса. А подспудно шел опаснейший процесс перерождения национального в националистическое, и-те, кто должен был бить во все колокола по этому поводу, ста-

рательню закрывали глаза на происхождение и зажимали рот тем, кто не хотел молчать. Да ведь это преступление!

Господи, боже мой, до каких же «перлов» дошли у нас некоторые горе-исследователи! Ум отказывается верить. Договорились чуть ли не до того, что Ной был азербайджанцем. Появились доморощенные «специалисты», с упорством, достойным лучшего применения, доказывающие происхождение азербайджанцев от шумеров, массагетов, саков и считающие кавказских албанцев тоже тюрками! Для таких манипуляций фальсифицируются эпиграфические надписи, игнорируется элементарная палеография и выворачивается наизнанку этимология.

Один «писатель» даже переплюнул всех этих изыскателей тем, что создал увиденную им во сне или в больном воображении новую концепцию появления на Земле человеческого общества, которое олицетворялось именно древнейшими предками азербайджанского народа! Оказывается, лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» существовал еще до Ноя (!), естественно, с азербайджанским авторством!.. И ведь подобная ересь трактуется серьезно, подается в печатном виде. Что тут скажешь... В пору руками развести.

Печально, что подобная ситуация распространена не только у нас. Но если мы многонациональное государство, если мы действительно — не на словах, а на деле — союз равных, то как же можно говорить о приоритете одной нации над другой, болтать о какой-то избранности того или иного народа?! Мать у меня была русской, отец — азербайджанец. Пойди пойми, кто я такой. Ведь с детства привык думать и говорить на двух языках, оба они для меня — родные. А недавно еще стал «Почетным гражданином Ургенча» — так, может, я теперь узбек? Господи, да разве в этом дело, разве может быть национальность достоинством или недостатком?

На фронте об этом и речи не могло быть: какая разница, кто ты, главное — можно ли с тобой в разведку идти. «Ты откуда?» — «Из Баку». — «Да мы же земляки! Я из Ростова!» И хоть от Ростова до Баку тысяча километров, а ведь действительно земляки! Но неужели для того, чтобы почувствовать себя одной семьей, нам нужны такие страшные потрясения, как война? Горько думать так...

— Однако, Зия Мусаевич, что-то мало в ваших словах здорового оптимизма...

— Видите ли, я считаю, что так называемый «здоровый оптимизм» на пустом месте весьма похож на идиотизм. Нас с вами долго кормили этим самым «оптимизмом», а результаты — ну, сами знаете... И все же, несмотря ни на что, питаю весьма серьезные надежды на изменение ситуации. Причем не только в науке, которой занимаюсь, но и в нашем обществе в целом. И, знаете, всякий раз радуюсь, когда замечаю какие-то животворные ростки нового, когда чувствую, как веет свежим воздухом.

Есть такая известная песня «Широка страна моя родная». Сама по себе она, может, и хороша, но, как вспомнишь, когда ее написал Лебедев-Кумач, как-то жутко становится: народ по тюрьмам и лагерям, расстрелянных считать не успевают, а у нас, оказывается, «человек проходит как хозяин»... Но я себе позволяю выхватить одну строку оттуда: «Над страной весенний ветер веет». И ведь действительно веет! И поскольку дожили мы до этого дня, дожили, пройдя и сталинщину, и войну, и безвременье, то ведь для чего-то мы сохранены на этой земле?! Вопрос этот отнюдь не риторический. Сохранены для страны, для будущих поколений, которым оставим ее в наследство.

Беседу вел
Константин СМЕРНОВ.

Баку — Москва.

Евгений ВИНУКUROV

ТЫ, МАЛЕНЬКАЯ ТЕПЛОТА

* * *

Эта тьма
вселенская густая
подступает к моему лицу...

Книгу жизни не спеша листая,
понимают смейсл
к ее концу.
Лишь к концу мы понимаем это...
Темнота над нашей головой!

Жизнь людская —
это капля света
посредине ночи мировой...

ЗВОНOK

В начале жизни,
там в начале,
я жил в неведение благом,
когда врагов разоблачали,
врага хватили за врагом...
Все ждали с замираньем сердца
и с жизнью распростились уже,
среди полночи: от лифта дверца
не стукнет ли на этаже?...
Но крепко, ничего не зная,
дремал я,
на ладонь щека,
когда ждала Москва ночная
в дверь
исступленного звонка...

КАРИАТИДЫ

Нет, вздохнул о минувшем я
не лицемерно,
мне действительно жаль
прожитые года!..

В доме с кариатидами,
в стиле модерна,
на седьмом этаже
проживал я
тогда...

Ах, какие в окне открывались мне
виды:

и река, и мосты, и далекий завод!..
И стояли, ссутулившись,
кариатиды,
подпирая плечами массивными
свод...
Как мне радостно было тогда,
молодому!
До сих пор моя память
в те годы летит
и к тому старомодному
серому
дому,
что давил на сутулящихся
кариатид.
Там была одна девочка...
В гулком портале,
при московской седой
несуровой зиме,
мы с ней,
за руки взявшись,

часами
стояли
под мерцающей лампочкой,
там,
в полутьме...
Сколько видел в окно я
мерцающей сини...
Сколько минуло горя,
тревог и обид:
сколько лет пронеслось!..

Но стоят и поныне
те фигуры могучих
кариатид.

ЛОЖЬ

Об истине и не мечтая,
я, робкий, жил тогда. И что ж?
Вокруг меня была густая,
все разъедающая ложь...

Сейчас я вспоминаю живо
тот мир полсотни лет назад:
была улыбка старца лжива
и у дитяти лживый взгляд.
Пред ложью головы склоняли,
Ложь важно слушали из лож
и ложью новой заменяли
уже наскучившую ложь...
Со смаком ввали, ввали сладко,
кто просто лгал, а кто втройне...

Но словно смутный сон, догадка
тоскливо брезжила во мне...
Я робок был, и слаб, и молод.
Я брел ночами. Сквозь туман.
Весь в башнях, шпилях,
трубах город
был как чудовищный обман.
Я брел в ботинках неуклюжих,
брел, сам с собою говоря...
И лживо отражалась в лужах,
насквозь фальшивая, заря.

* * *

С человеком
так не раз бывало,—
внемя потаенным голосам,
всем земным насытаться до отвала,
он глаза поднимет к небесам...
И познав несовершенство мира,
и уйдя от мелочных забот,
слышит он,
как неземная лира
что-то сокровенное поет!..
Но поймет он все же,
что едины
и, как видно, это неспроста,
и земные тайные глубины —
и небес бескрайних
высота...

БОЖОК

Такого
встретить можно редко...
Лак отскобился

как ожог:
коричневая статуэтка —
из Черной Африки божок...
Какой тропический народец
такого малыша создал?
Стоит приземистый уродец.
И пахнет хорошо сандал.
Стоит в Москве на книжной полке.

Его распахнут красный рот...
Все время вызывает толки
гостей
тот маленький урод!..
Его глаза черны, как угли.
И яростен зубов оскал...
А он назад хотел бы в джунгли,
чтоб вокруг него
народ скакал
и чтоб в том диком карнавале,
среди масок пламенных
его
не за игрушку принимали,
а за земное
божество...

* * *

Палеха
стремительные кони
на шкатулке лаковой —
лихи.
И в граненом маленьком флаконе
чуть зеленоватые духи...
Красоты загадочная сила!
В чем же этой женственности
суть?..

Ты чуть-чуть ресницы подчернила,
мягко рот подправила чуть-чуть.
Щеки тронула немного бледно,
не коснувшись вроде бы почти...

Все это затем, чтобы победно
по весенним улицам
пройти...

ТЕПЛОТА

Зимой дом двухэтажный рушат.
Огромной гирей
в стену бьют.
И вдруг неожиданно обнаружат
семейной комнатки
уют...
И в клубах известковой пыли
мы открываем
невзначай:
здесь люди жили,
жили-были,
судачили и пили чай.
Вот так случайно обнаружась,
предстал трагический интим!..
И мы, испытывая ужас,
внутри этой комнатки
глядим...
И гиря бьет по дому мерно!..
И к нам приходит неспроста:
как ты мила, как эфемерна,
ты,
маленькая
теплота...

И. И. МАШКОВ.
СНЕДЬ МОСКОВСКАЯ. ХЛЕБЫ. 1924.

Начало на стр. 8

столе, выявлены в своей округлости. На эти предметы художник смотрит как бы сверху, но неожиданно к сезанновскому приему Кончаловский прибавляет уже ставший традиционным для русской живописи декоративизм. Главным цветовым мотивом натюрморта оказывается яркий красный поднос; рядом с ним сильно звучат зеленое и синее пятна — коробки из-под шляпы и драпировка, которой отгорожено неглубокое пространство. От этих сильных красочных звуков весь холст получает заряд простодушной радости, сразу же отдаляющий произведение русского художника от изысканных французских образцов.

«Поправки», которые делает Кончаловский, с энтузиазмом осваивающий европейскую «классику» конца XIX — начала XX века, дают себя знать в разных жанрах. Когда он вновь во Франции в 1913 году пишет пейзажи, сезанновское равновесие нарушается в пользу экспрессии. В групповых семейных портретах, где сам жанр позволяет художнику свои «до

НАТЮРМОРТ С САМОВАРОМ. 1919.

НАТУРЩИЦА. 1918.

машинные дела» возвысить до уровня торжественной величавости, фигуры застывают как куклы. Примитиву открывается доступ к монументальности, к высокой ренессансной традиции.

Но, пожалуй, самым главным опытным полем живописного эксперимента в 10—20-е годы остается натюрморт. Художник последовательно «испытывает на прочность» излюбленные предметы — хлеба, цветы, самовар, хрустальную посуду. Он прибегает к приемам коллажа, заставляя написанные кистью части холста соревноваться с бумажными наклейками, не позволяя краскам заглохнуть, и, как только красочная гамма ослабляется, вновь возвращается к декоративной насыщенности. В «Агаве» (1916) Кончаловский напрягает цветовые контрасты, концентрируя их к середине холста, решительно сталкивая красный, зеленый, желтый, синий и успокаивая их по сторонам нейтральным серым и коричневым. В композиционном отношении этот натюрморт построен мастерски — на продуманном равновесии частей, движения и статики, объема и плоскости. В нем стихийная сила и темперамент художника обретают гармоническую ясность.

Октябрьская революция застала Кончаловского в точке его расцвета. Он длил и в 20-е годы, когда расширился сюжетный репертуар его холстов. Художник приобщился к античному мифу, обрел красоту в архитектуре древнего Новгорода и в простой жизни современных ему новгородцев, приблизился к классическим живописным традициям. Но чем дальше шло развитие художника в трудных условиях 20-х и особенно 30-х годов, тем все более талант его утрачивал прежнюю целеустремленность и дух эксперимента. Конечно, и 30—40-е годы были отмечены своеобразными шедеврами — например, картиной «Полотер» (1946) или портретом В. Э. Мейерхольда (1938). Но в психологизме образа великого режиссера, уже обреченного в том проклятом 1938 году, в «обстановочности» портрета заметен и новый язык, и новые задачи, отдаляющие художника от принципов 10—20-х годов.

Лишь изредка прикасаясь к трагическому или суровому пласту жизни, Кончаловский оставался просто душно-жизнелюбивым. Это его жизнелюбие «располагало» неподалеку, хотя и в стороне от того казенного оптимизма, который так пышно расцветал в живописи 30—50-х годов и в конце концов уживался с ним. Эпоха «приручила» Кончаловского. Он не был обделен признанием, часто устраивал свои персональные выставки, удостоился звания действительного члена Академии художеств СССР, сохраняя при этом не только имя, но и высокое мастерство. Но многочисленные «Сирени», выходявшие из-под его кисти, уже не содержали в себе силу и образную убедительность ранних работ, созданных в 10—20-е годы.

В этом отношении его судьбу повторяет И. И. Машков. Время расцвета совпадает. Но при этом каждый из них — при всей их близости и привязанности друг к другу — имеет собственные художественные и социальные корни, обладает своими неповторимыми свойствами. То, что сдерживало известность артистическим рационализмом у Кончаловского, получало безудержно-стихийное выражение у его постоянного спутника. Рядом с Кончаловским Машков кажется более плотским, громогласным. Он существует в мире гипербола. Размеры плодов, которые попадают в его своеобразные холсты-вывески, оказываются иногда в два раза больше натуральных. Краски, которыми окрашены сливы Машкова, яблоки или ягоды клубники, преувеличены в своей цветовой интенсивности; они горят и напрягаются. Натюрморты художника возвращают нас к идее плодородия. В его картинах торжествует земная плоть.

В отличие от Кончаловского, который рос и воспитывался в высококультурной среде, Машков происходил из семьи крестьянина Рязанской губернии. Пройдя первичное обучение в провинции, он попал затем в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, где, как и все талантливые студенты, был выучеником мастерской Серова — Коровина. Он дразнил Серова «зелеными подмышками» своих натурщиц, но при этом многому научился у своих учителей. Еще до окончания училища он сам открыл частную студию, где обучал рисунку и готовил к поступлению в высшее учебное заведение.

В конце 1900-х годов началось становление собственной манеры художника. Он преодолевал натурное понимание конкретных явлений жизни, свойственное реалистам второй половины XIX века; его картины все более тяготели к плоскостной живописной системе, к «вывесочному стилю». В натюрморте это новое движение сказалось раньше и острее, чем в других жанрах. Картина 1910 года «Фрукты на блюде (Синие сливы)», кстати, купленная Морозовым по совету Матисса и Серова, стала точкой отсчета машковской зрелости. Художник не просто имитирует наивный подход к натюрмортной задаче, но старается этой наивной простоте придать индивидуальную окраску. Он окружает каждый из предметов темным контуром, располагает их на столе

с преднамеренной симметрией, выкладывая элементарную композицию, образующую круг, увенчанный в центре большим оранжевым пятном. Машков заведомо снижает «художественный ранг» своего произведения, но из его примитива вырастает яркий, брызжущий силой и оптимизмом полноценный образ, не лишенный иронии по поводу выраженной в нем наивной радости.

Как и у Кончаловского, дальнейший путь Машкова связан со все большим «опредмечиванием» природы, нарастанием чувства объема, трехмерности. В «Натюрморте с тыквой» (1914) обыгрывается контраст объемов — огромной тыквы, маленьких перцев и яблок, средних по величине кабачков и кочанов капусты, а также контраст живописной плоскости фона, круглого белого кувшина и огромной шарообразной тыквы. В «Натюрморте с самоваром» (1919) металлические предметы (преобладают медные) выстроены в несколько рядов на деревянном столе; они образуют целый «город», составленный из самовара, таза, кастрюль, утюгов, как магнитом, притягивающихся друг к другу. Они словно издают звуки, как медные трубы, образуя хор мощных голосов. Столь же выразительной мелодией — на этот раз замедленной и немного неуклюжей — обладают знаменитые «Хлебы» из цикла натюрмортов «Снедь московская» (1924). Стоит себе предстать эти натюрморты висящими рядом (а выставки Машкова давно не было!). Даже от простого сложения сила каждого из них удвоится; жизнелюбие Машкова покажется недостижимым.

Подлинное вдохновение плотью демонстрируют нам многочисленные обнаженные натурщицы Машкова. Он писал их охотно, часто, в разное время; сидящими, лежащими, стоящими в полный рост; делал небольшие этюды и огромные картины, komponуя подчас по две или три фигуры на одном холсте, а позже ставляя из натурщиц-купальщиц целые жанровые сцены. Не заботясь о том, чтобы его модели казались изящными, он искал в этих телах признаки разумного устройства живого организма, естественность, здоровье, жизнестойкость. Глядя на «Натурщиц» Машкова, вспоминаешь, что в его мастерской висел плакат: «В моей мастерской место здоровым и сильным». Это были не пустые слова: слабые телом не переступали ее порог.

Наибольшему художническому преображению натура подвергалась в портретном жанре. В портретах бубновалетовского времени мы находим у Машкова нечто схожее с тем, что наблюдали в «Якулове» Кончаловского. Художник заостряет, выпячивает характеристику, доводит ее до гротеска. В портрете поэта С. Рубановича (1910) он вытягивает вверх фигуру, удлиняет шею, а на нее «сажает» маленькую голову, как на шарнирах, сгибает руки в локтях, а ноги — в коленях. Модель напоминает причудливое животное, одетое в человеческий костюм.

Машков нередко обращается к гротескному истолкованию традиционных форм портрета. Его автопортрет в виде пароходчика (1911) — яркий тому пример. Живописец русского авангарда нередко представлял себя на автопортретах в разных видах — матроса (Татлин), охотника (Кончаловский), солдата (Ларионов, Шевченко), какого-то ярмарочного зазывалы, хотя и великого художника («Le grand peintre» Лентулова) и почти никогда — живописца за своим обычным занятием. Но если Татлин действительно был матросом, Кончаловский — охотником, а Ларионов — солдатом, то Машков только в детских мечтах мог представлять себя владельцем парохода. Эта наигранная наивность как бы высвечена иронией. Портрет Машкова (как справедливо заметил Г. Г. Поспелов) напоминает провинциальную фотографию: деформированная разноглазая голова портретируемого как будто вставлена в специальное отверстие, проделанное в фантастическом декоративном заднике, где изображено море, плывущий по нему пароход и бегущий по волнам парусник. В самой фигуре — несущейся, застывшей, как манекен, подчеркнута статическое начало; она «не умеет» двигаться, ее можно привести в движение лишь внешне-механическими средствами. Из всех этих слагаемых создается причудливый образ человека, в котором психологическое бытие заменено физическим «представительством»: этот образ построен на обнаженном приеме, наглядно продемонстрированном зрителю.

В обнажении метода, вообще свойственного «бубновым валам», проявились не только чувство протеста против такого принципа художественного мастерства, который делает мастерство незаметным, но и идея преобразующей роли искусства. Этой идее проникнуто все творчество Машкова, Кончаловского и их товарищей.

Их искания не прошли даром. Не случайно в период недолгой оттепели конца 50 — начала 60-х годов опыт «Бубнового вала» так пригодился живописцам молодого поколения.

Дмитрий САРАБЬЯНОВ

В БОЯХ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ

Перед вами редкие архивные фотографии. На верхнем снимке, сделанном весной 1919 года в Одессе, — китайский отряд Красной Армии, а на нижнем — также отряд китайских добровольцев в Петрограде. Эти молодые ребята — рабочие, трудившиеся в разных районах России (к 1917 году насчитывалось свыше 200 тысяч китайцев, завербованных царским правительством как дешевая рабочая сила): на строительстве Мурманской железной дороги, на горных промыслах Урала, на шахтах Донбасса, на лесоразработках Белоруссии и Карелии, на заводах Петрограда, Екатеринбурга, Одессы, Луганска...

Революционизирующее влияние идей Октября охватило и трудящихся китайцев, которые плечом к плечу с рабочими и крестьянами России сражались за установление Советской власти и защиту завоеваний Октября. В Петрограде и Москве китайские рабочие входили в красногвардейские отряды, принимали участие в уличных боях. Большую активность проявляли китайские интернационалисты в борьбе за установление Советской власти на местах. В Одессе в январе 1918 года в рядах интернациональной Красной гвардии сражался наряду с чешским и югославским отрядами, которым руководил герой гражданской войны Олеко Дундич, китайский отряд во главе с доблестным командиром Пи Кайджаном.

Вскоре после революции на территории Советской России повсеместно стали формироваться интернациональные отряды, вливавшиеся затем в Красную Армию. Всего в них насчитывалось около 40 тысяч китайских добровольцев.

Большая заслуга в деле организации отрядов китайских добровольцев, появившихся почти одновременно в Петрограде и Москве, в Центральной России и на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, принадлежала китайцам — членам РКП(б) — Сан Фуяну, командиру одного из первых китайских отрядов, уже в 1917 году сражавшегося на юге Украины против немецких интервентов, Шен Ченхо, комиссару по формированию китайских отрядов на всей территории Советской России, создателю отрядов в Москве, Петрограде, Луганске, Харькове, Перми, Казани и других местах; Жень Фучену, прославившему себя командиром китайского полка 29-й стрелковой дивизии III Армии, погибшему смертью храбрых в конце 1918 года в боях против колчаковцев на Верхотурском направлении.

Руководство по организации китайского интернационального отряда в Петрограде в августе 1918 года осуществлялось непосредственно комиссаром по формированию китайских отрядов Шен Ченхо и начальником этого отряда Будько. Ядро этого отряда составляли китайцы — строители Мурманской железной дороги. В июне 1919 года был организован петроградский батальон китайских добровольцев.

Одесский интернациональный отряд, успешно подавивший восстание курсантов одесского юнкерского училища, сдерживал вплоть до середины марта 1918 года наступления немецких войск по линии Раздельная — Одесса. После прорыва немцев часть одесского интернационального отряда присоединилась к тираспольскому отряду, часть отступила к Одессе и вскоре была эвакуирована в Крым. История борьбы тираспольского отряда, в состав которого входил китайский батальон Сан Фуяна, — это история славных героических боев, в которых китайские добровольцы, по воспоминаниям председателя Всероссийской коллегии по организации и формированию Красной Армии Н. И. Подвойского, «дрались как львы». В апреле 1919 года китайские добровольцы принимали участие в освобождении Одессы частями Красной Армии.

Формирование добровольческих китайских отрядов и их самоотверженная героическая борьба с иностранной интервенцией и белогвардейцами — одна из страниц дружбы китайского и советского народов.

Светлана ГОРБУНОВА,
Наталья МАМАЕВА

К ИСТОРИИ ЭПИЛОГА ОДНОЙ КНИГИ

В 1966 году к восьмидесятилетию Бела Куна в Венгрии была опубликована книга моей матери Ирины Кун. В том же году в Москве в серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия» эта же книга вышла в моем переводе. А к пятидесятилетию создания Венгерской Советской Республики она была выпущена в той же серии расширенным изданием.

Правда, эпилога не напечатали ни в первом, ни во втором случае.

Книга в русском переводе заканчивалась 1928 годом, когда благодаря организованному протесту мирового пролетариата, передовой интеллигенции многих стран, трудящихся Советского Союза отца выпустили из венской тюрьмы. С 1925 года по 1928 год он много раз выезжал на подпольную работу за границу. Последние слова книги матери звучали так: «Он остался жив!»

В Москве книга разошлась мгновенно. Вскоре начались звонки в редакцию: «Будьте любезны, дайте мне адрес и телефон товарища Бела Куна». Узнав откуда-то и наш телефон, стали обращаться с подобными же вопросами ко мне и моему мужу Анталу Гидашу. Кое-кто говорил явно насмешливо: дескать, зачем опять и опять вечно врать? (А и верно — зря! Все равно все минется, одна правда останется.)

Отца реабилитировали в 1955 году. В дни XX съезда напечатали к его семидесятилетию целый подвал в «Правде». Потому и стало широко известным это событие, я бы сказала, одним из сенсационных событий незабвенного XX съезда.

Но попадались и другие люди. Они звонили совсем иначе — наивно и радостно. Стало быть, выжил все-таки? Какое счастье! Человек-то необыкновенный!

И это было немудрено. В те годы Бела Куна знали вся Советская Россия, весь Советский Союз. Почти весь мир. Без всяких преувеличений он стал символом интернационализма. Потому-то и был загублен потом, как и большинство руководителей Октябрьской революции и гражданской войны, которых называли ленинской гвардией. Слишком уж много «грехов» числилось за ним: среди них были подвиги в гражданскую войну, организация революционных частей из сотен тысяч интернационалистов для защиты завоеваний Октября. В число «грехов» входило и его активное участие в подавлении эсеровского мятежа, восстания анархистов на Поварской, разгроме остатков белогвардейцев. Бела Кун послал на Южный фронт сам Ленин, и там он воевал вместе со своим другом М. В. Фрунзе, который командовал этим фронтом. Бела Кун стал членом РВС фронта и вместе с Фрунзе подписал знаменитую телеграмму Ленину о том, что Южный фронт ликвидирован. А затем венгерский коммунист Бела Кун стал Председателем Первого Ревкома Крыма.

Он всегда был в гуще событий, знал многих людей, слишком много исторической правды было ему известно, той самой, которую с некоторого времени пуще всего требовали истреблять.

К тому же разве мог Сталин простить Бела Куну, что тот был основателем Компартии Венгрии, вождем венгерской пролетарской революции и за полтора года до ареста возглавил Коммунистическую партию Венгрии и стал одним из руководителей Коминтерна! Словом, принадлежал к тому содружеству революционеров, смелых, честных, высокообразованных людей, для которых существовало понятие чести, которые были учениками и соратниками Ленина.

«Венгерский Ленин» — так называли в двадцатые годы Бела Куна в народе.

Впервые день его рождения был достойно отмечен в Венгрии в 1986 году. (Надо не забывать, что уже в 1936 году Сталин запретил чествовать его пятидесятилетие, к немалому удивлению очень многих товарищей. Сталин и в этом случае действовал планомерно, последовательно и все доводил до конца. Этого у него не отнимешь!)

Два года назад в Будапеште поставили прекрасный памятник Бела Куну, прекрасный и по своему замыслу: вождем народа стоит на трибуне, провожает рабочих и крестьян на фронт. Бела Кун, как всегда, среди масс. Таков был основной замысел всемирно известного венгерского скульптора Имре Варги. В Будапеште и в Москве прошел совместно созданный документальный фильм. В телевизионных и радиопередачах снова зазвучало его имя. Впрочем, как ни странно, оно не забылось и в «глухие годы», оказалось, что «мы» — дети страшных лет России (да и не только России) — забыть не в силах ничего».

И вдруг уже к концу юбилейного года я читаю в газете «Непсабдаш» небольшую заметку: «Его у нас тоже знали». Написал ее, если не ошибаюсь, бывший учитель из далекой алтайской деревни. Рассказал о том, что, когда в 1920 году у них создавалась первая партия, они решили выбрать в почетный президиум прежде всего, конечно, Ленина, а еще Бела Куна: «Его у нас тоже знали!»

Очень растрогали меня эти слова. Своею правдой. Правдой тех дней, когда интернационализм вошел в душу народа, в душу сибиряков тоже. Немало повидали они на своем веку ссыльных революционеров, немало помогали им и интернационалисты в защите Советской власти от ее многочисленных врагов. А сколько «красных мажор» прославилось своей отвагой в этой истинно революционной борьбе!

А впоследствии ох как много этих же героев погибло вместе с их боевым товарищем и руководителем Бела Куном. Только теперь уже не на поле брани революции. Это им было не дано, как и многим российским собратьям. Вечная память всем им! Но для этого надо еще много-много сделать. Притом последовательно и до конца!

Агнесса КУН

ЭПИЛОГ

З

акончился VI Конгресс Коминтерна.

Бела Кун пригласил к себе друзей и товарищей, с которыми не мог еще встретиться, потому что был занят на конгрессе. А ведь после венского судилища, после того, как он спасся от смерти, каждому хотелось сказать ему доброе слово.

Гости собрались на даче в Покровском-Стрешнево — на городской квартире не хватило бы места.

Бела Кун все утро готовился к приему: собирал

хворост в лесу и сносил его в сад. Строгал вертела, нарезал кусками хлеб и сало, бодро чистил зеленый лук и все эти яства складывал в корзину.

Смеркалось. Шумное от экскурсантов Покровское-Стрешнево постепенно затихло, а наш праздник становился все веселее. Бела Кун разжег костер. Венгры-политэмигранты уселись вокруг него — в руке каждого, точно флажок, торчал кусок сала на вертеле.

Бела Кун шутил, весело поругивал «несчастливых горожан», которые даже сало не умеют толком поджарить.

— Смотрите, жир-то все на землю капает, а не на

хлеб и вертела того и гляди сгорят. Вижу, что нет у вас настоящей сноровки.

Наконец сало подрумянилось, можно было приступить за еду, но у многих не оказалось перочинных ножичков — пришлось им раздать обыкновенные столовые ножи.

— Ну, как можно жить без перочинного ножа? — возмущался Бела Кун и рассказывал о своем ножичке, который он ухитрился пронести даже в венскую тюрьму.

Появились стаканы, чашки, кружки и две бутылки вина. Вино распили мигом, и после этого ребята, довольные, что и они могут принять участие в торжественном ужине, усердно бегали к колодцу, притащивая полные кувшины воды, и разливали ее по стаканам.

Гидаш затянул песню. Сперва пел один, потом и другие стали подпевать. Зазвучали старые и новые революционные марши, венгерские народные песни. Жители соседних дач, изумленные, слушали незнакомые слова и мелодии.

Бела Кун запел один. Никто не знал эту песню. Признаться, и я слышала ее впервые.

*Под колождварскими горами
Совсем тайком течет ручей,
Кто отоплет его водицы,
Простится с родиной своей.
Я той водицы выпил тоже...¹*

Губы у Бела Куна дрогнули. Уж я-то знала, что это значит, и испугалась: не сможет допеть. Но он допел песню до конца.

Гости тогда еще понятия не имели о том, что знали я и кое-кто из ближайших друзей. Состоялось уже решение, гласившее, что Бела Куну «не рекомендуется» больше ездить за границу (иначе говоря, на подпольную работу), так как его появление в Австрии слишком напугало всех. Европейская буржуазия пришла в ярость со страху и обратила свой гнев не только против Бела Куна, но и против Советского Союза. А в данной ситуации это нежелательно. (Советский Союз готовился тогда к первой пятилетке.) Да и кроме того, Бела Куна удалось опять вырвать из когтей международной реакции, но кто знает, как оно будет в следующий раз...

*Мы остались в саду вдвоем.
Время шло уже к полуночи.*

Бела Кун ворошил угли в костре, которые все еще вспыхивали алыми огоньками, и молчал.

Заговорила я:

— Я скажу вам откровенно: я хоть и не радуюсь

¹ Перевод Л. Мартынова.

этому решению, а все-таки согласна с ним. Вы только что были на волосок от смерти. А что толку, если погибли бы?.. Да и я не могу больше быть в вечной тревоге за вас. Я знаю, что вы скажете: «Никогда не бойтесь за меня!» Но ведь...

— Вы не совсем поняли смысл этого решения, — тихо сказал Бела Кун. — Тут и кое-что другое сыграло роль...

Эти слова припомнились мне только гораздо позже, много лет спустя, а тогда я пропустила их мимо ушей.

— Да вы ж в сорочке родились... — сказала я и хотела уже продолжить, но почему-то замолкла и задумалась на миг: в Наднараде хотели его застрелить, да промазали: на фронте он не погиб; да и в лагере военнопленных не унес его голодный тиф; на нарвском и восточном фронтах тоже сберегла судьба; не убили анархисты; не тронула пуля и во время восстания эсеров; не удалось пристрелить и тому офицеру в будапештской казарме; да и в тюрьме не смогли забить до смерти; на тисенском мосту совсем рядом разорвалась граната, а он остался невредим; не удалось его похитить и венгерским офицерам ни из Караштейна, ни из Штокерау; и в Штайнхофе ничего не вышло с отравлением; не прикончил и Махно, когда в штаб к нему поехал; миновала смерть и на врангелевском фронте, да и сейчас опять всемирный протест вырвал его из лап Хорти... — Вы в сорочке родились, — повторила я. — А все-таки не надо искушать судьбу... Ведь можно и здесь работать, и отсюда можно руководить партией...

— Да, конечно... — ответил он. — Только, пожалуйста, не обижайтесь, если я вам еще раз скажу, что вы тут кое-что недопоняли...

— Тогда объясните, — ответила я, обидевшись.

Мне семьдесят пять лет. Если силы позволяют, я напишу еще и вторую часть книги, расскажу о том, как жили мы после 1928 года.

Пока я только так, для себя, набросала основные вехи.

Тысяча девятьсот тридцатый год. Прошел II съезд Компартии Венгрии и принес много волнений.

1931—1932 год. И, наконец, XVII съезд партии, внешне триумфальный, праздничный, однако для тех, кого называли ленинской гвардией, то есть для большинства делегатов, он уже тогда таил в себе, хотя и скрыто, грядущую трагедию.

Бела Кун выступал на съезде, и все же, помню, какой неприступно мрачный возвращался он домой темными зимними вечерами с заседаний съезда. По своему обыкновению я не донимала его вопросами, честно говоря, не придавая особого значения его мрачности.

Потом в декабре 1934 года грянул выстрел из револьвера и убил Кирова. Я уже давно чувствую, что в этот декабрьский день 1934 года началось новое летосчисление.

Летом 1935 года состоялся VII Конгресс Коминтерна. Бела Кун выступал на конгрессе, говорил о новых задачах, о народном фронте.

А через год, летом 1936 года, после того, как его сняли с работы в Коминтерне, он попросился на прием к Сталину, где сказал, что просит перевести его на советскую работу. «Ненавижу сидеть за письменным столом и корпеть над бумагами. Один шаг действительного движения ценю больше, чем сотни страниц резолюций».

Сталин в присутствии Молотова, Кагановича и Ворошилова попросил его остаться в Коминтерне. Бела Кун ответил, что не может работать с Мануильским, так как Мануильский лицемер: слезы его — крокодиловы слезы, а поцелуи — иудушкины поцелуи (Бела Кун наивно жаловался Сталину на его же ставленника в Коминтерне).

— Я не могу вмешиваться в дела Коминтерна, — ответил Сталин. — Но есть у меня такое предложение: возьмите годичный отпуск и напишите новую программу Коминтерна, теперешняя устарела.

— Нет, эта работа мне сейчас не по душе, — ответил Бела Кун.

— Так что же вы хотели бы делать? — спросил Сталин.

— Руководить Политуправлением Красной Армии. Рано или поздно Гитлер нападет на нас. Так вот, идеологическая подготовка Красной Армии к войне с фашизмом — это была бы работа по мне.

— Очень хорошо, — ответил Сталин.

Но тут вмешался Молотов:

— Человек с таким громким международным именем не может быть начальником Политуправления Красной Армии.

Сталин задумался, потом спросил:

— А если мы дадим подходящую для вас теоретическую и практическую работу в ЦК партии, вы согласитесь?

— Да, — ответил Бела Кун.

Тогда Сталин там же, на месте, позвонил в Орготдел ЦК Ежову:

— Бела Кун будет работать у нас в ЦК партии.

И, обратившись снова к Бела Куну, сказал: — Завтра позвоните Ежову.

Все это рассказал мне Бела Кун сразу же по возвращении от Сталина.

А на другой день позвонил Ежову. Ежов сказал, что Сталин уехал в отпуск на шесть недель, а «без него мы не можем принять решения по вашему вопросу».

Бела Кун угрюмо положил трубку.

Прошло шесть недель. Он снова позвонил Ежову.

— Ежова нет, — ответили ему.

И такой ответ слышал он несколько дней подряд, пока в ярости не швырнул об пол телефонный аппарат, крикнув:

— Больше звонить не буду! Пускай сам звонит!

Телефон разбился. Пришлось вызвать монтера.

Участь Бела Куна в ту пору была уже предрешена. Но мы верили и были дисциплинированы, а поэтому не хотели думать о дурном, хотя признаки дурного множились с каждым днем. На VII Конгрессе Коминтерна вывели из президиума двух отличных, всеми уважаемых товарищей — любимца Ленина Осипа Пятницкого и Вилема Кнорина. Их тоже передали в распоряжение ЦК. Затем поставили на важную работу, но, как выяснилось впоследствии, лишь для видимости. В 1937 году они тоже разделили участь многих превосходных коммунистов ленинской гвардии.

С черными грозowymi тучами надвинулась осень 1936 года. Начинался первый открытый процесс.

В один прекрасный день Ежов позвонил Бела Куну и попросил его к себе в Наркомат на восемь часов вечера. Тогда он уже был наркомом внутренних дел.

Бела Кун пошел и вернулся в полночь.

— Вы небось подумали уже, что меня там оставят, — спросил он скорее угрюмо, чем насмешливо. Потом рассказал, что после длинной беседы Ежов предложил ему написать брошюру против врагов народа.

— А вы что ответили? — с тревогой спросила я.

— Что не напишу такой брошюры.

— И что же?

— Попросился работать на периферию: секретарем обкома или горкома... В Воронеж, в Тулу, куда угодно... Наведу порядок на предприятиях, в колхозах... Продуктов будет завались... Покажу, как надо работать.

— А что ответил Ежов?

— Попросил несколько дней на размышление.

И действительно Ежов предложил ему вскоре две должности: народного комиссара коммунального хозяйства и директора Соцэкгиза.

Бела Кун выбрал последнюю и с воодушевлением взялся за работу.

Наступил тысяча девятьсот тридцать седьмой год. Второй открытый процесс.

Возвращаясь с работы, Бела Кун ни с кем не разговаривал, больше того, даже не читал. Часами молча сидел на диване в своей излюбленной позе — скрестив ноги калачиком. Сидел, уставившись в одну точку. Когда обращались к нему — не отвечал.

За несколько недель до ареста он как-то, придя домой, сказал вдруг ни с того ни с сего:

— Подумайте только, что говорят люди... Я встретил на улице Энэ Варгу и спросил его: «Как живете?» «Пока на свободе», — ответил он. Даже такой умный человек, как Варга, и то чушь несет...

Еще осенью 1936 года в западных буржуазных газетах было напечатано крупным шрифтом сенсационное сообщение, что Бела Кун в Испании, руководит там революционными боями.

Позвонил Сталин:

— Так вы в Москве? Я так и думал. Примите, пожалуйста, иностранного журналиста, и пусть он сам убедится, что вы не в Испании.

Иностранный корреспондент пришел к нам, со всех сторон оглядел Бела Куна и убедился, что он не в Барселоне, а в своей московской квартире, и об этом открытии сообщил своей газете.

(Слух о том, что он в Испании, мог возникнуть еще и потому, что советский теплоход «Бела Кун» плыл в это время по Ла-Маншу, направляясь к берегам Испании.)

В конце июня 1937 года Сталин позвонил опять и весело сказал:

— А теперь иностранные газеты пишут, будто вас арестовали в Москве. Примите, пожалуйста, французского журналиста, пускай он сам убедится в обратном.

Бела Кун согласился на просьбу, а французская газета напечатала опровержение.

И несколько дней спустя, 29 июня 1937 года, Бела Кун арестовали.

— Не волнуйтесь, — сказал он мне перед уходом. — Здесь какое-то недоразумение. Через полчаса я буду дома.

Больше я не видела его.

9 января 1938 года увели Антала Гидаша. Вернулся он 20 апреля 1944 года. Помогли советские писатели.

В феврале 1938 года исполнялась 20-я годовщина Нарвской битвы Красной гвардии. В этой битве участвовал и Бела Кун. В честь боев тех дней 23 февраля стало называться днем рождения Красной Армии.

И 23 февраля 1938 года арестовали меня. Вернулась я только девять лет спустя — осенью 1946 года.

В 1941 году арестовали мою дочь Агнессу, но, к счастью, вскоре она вышла на свободу.

В 1955 году реабилитировали Бела Куна и вместе с ним несколько тысяч коминтерновских товарищей, ибо, согласно обвинению, он был главой антикоминтерновского заговора. Вскоре после этого реабилитировали меня и других членов нашей семьи.

Реабilitировали постепенно и венгерских политэмигрантов, которые, согласно обвинению, принадлежали тоже к так называемой контрреволюционной организации Бела Куна.

Жизненный путь Бела Куна и его значение до сих пор не освещены нами по достоинству. Да и память его еще не увековечена, как должна была бы быть. Это еще дело будущего.

Причин на это много. Одна из них та, что он слишком близко стоит к нам, и поэтому кое-кто из его современников не способен еще с должной исторической объективностью понять и оценить его роль.

И все-таки не сомневаюсь, что придет пора, когда для всех станет понятным и очевидным подлинный, исторически достоверный облик Бела Куна.

Согласно официальной бумаге, 29 ноября 1949 года Бела Кун был еще жив.

Думаю, но, может быть, ошибаюсь, что кое-кто еще и тогда надеялся, что над руководителем венгерской пролетарской революции, героем российской гражданской войны, борцом международного пролетариата, интернационального рабочего движения не приведут в исполнение тот приговор, который останется вечным позором и непростительной виной того и тех, кто вынес его и заставил привести в исполнение.

Заканчиваю книгу. Листаю ее и думаю: если бы пятьдесят лет назад, когда я решила выйти замуж за Бела Куна, кто-нибудь положил бы передо мной эту книгу и спросил: «Ирина Гал, учительница музыки, прочтите и дайте ответ: готовы ли вы связать свою судьбу с Бела Куном?» — я ответила бы: «Готова!»

Скоро мы подойдем к последней трети нашего столетия. Всему миру, в том числе и подлинным революционерам, выпало немало тяжелого на нашем веку. «Последний решительный бой» еще впереди.

Но я непоколебимо верую и исповедую, что в третьей трети века человечество ожидает не «прекрасная смерть», а лучшие времена.

И чтобы труженики мира окончательно достигли этих лучших времен — ради этого боролся, не жалея себя, в первой шеренге бойцов до самой смерти верный трудовому народу БЕЛА КУН.

Перевод с венгерского Агнессы КУН.

Будапешт.

ОГРОМНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ НАШЕГО ОБЩЕСТВА ИМЕЕТ ПРОЦЕСС ВОЗВРАЩЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ИСТОРИЮ ИМЕН ВИДНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ. И ЗНАМЕНАТЕЛЬНО ТО, ЧТО ОН СВЯЗАН НЕ С КОНЬЮНКТУРНЫМИ СООБРАЖЕНИЯМИ, А ЯВЛЯЕТСЯ НЕОТЪЕМЛЕМОЙ ЧАСТЬЮ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ, НАБИРАЮЩИХ СИЛУ.

МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ АМЕРИКАНСКОГО УЧЕНОГО СТИВЕНА КОЭНА «БУХАРИН. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ. 1888—1938», КОТОРАЯ ПОЛНОСТЬЮ ВЫЙДЕТ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ПРОГРЕСС» В ЭТОМ ГОДУ.

ПРЕДИСЛОВИЕ К СОВЕТСКОМУ ИЗДАНИЮ

Моя книга о Николае Ивановиче Бухарине вышла в свет в Нью-Йорке в 1973 году, и, хотя с тех пор она была переведена на девять иностранных языков, советское издание является для меня наиболее важным. Мне приятно, что мою первую и по-прежнему любимую работу будут открыто читать, обсуждать и — я искренне приветствую это — критиковать в стране, которую я в течение многих лет изучал и неоднократно посещал.

Кроме того, книгу «Бухарин. Политическая биография. 1888—1938» можно считать одним из первых — если не самым первым — подобного рода трудов американского историка, публикуемых в Советском Союзе для широкого читателя. Я рассматриваю это как большую честь и надеюсь, что моя книга внесет определенный вклад в развитие нового, более цивилизованного диалога между двумя нашими странами. Хотелось бы также верить в то, что даже те советские читатели, которые, возможно, категорически не согласятся с моей аргументацией и выводами, будут иметь возможность убедиться: не все западные исследователи всего лишь ярые антисоветчики. Большинство из нас преданы интересам науки в самом благородном смысле слова, мы стремимся в силу наших интеллектуальных способностей и в условиях ограниченного доступа к советским материалам понять исключительно сложный исторический период вашей страны, как писал поэт Б. Слуцкий, во всем его «величье и беде». Конечно, иногда, а может быть, даже слишком часто, нам это не очень-то удается.

Существует и другая причина, по которой издание этой книги в Москве представляется мне особенно важным: его, безусловно, можно считать одним из побочных — пусть и небольшим — результатов перестройки и гласности — исключительно смелого политического курса исторического значения, принятого советским руководством после того, как М. С. Горбачев стал Генеральным секретарем ЦК КПСС в 1985 г. Благодаря этому курсу политические и интеллектуальные дискуссии в Советском Союзе, как видно из радио- и телепередач, газет, журналов и различного рода выступлений общественности, стали — не побоюсь этого утверждения — несравненно богаче, интереснее и значительнее, чем в любой из ведущих стран современного мира.

Центральное место в дискуссиях, посвященных характеру и будущему перестройки, а также выбору пути, который необходимо сделать уже сегодня, занимает многогранный, нередко полный внутреннего драматизма и эмоциональных всплесков спор о прошлом Советского Союза и в особенности вопрос: являла ли собой новая экономическая политика, которую Ленин ввел в 1921 году, а Бухарин позднее развил и защищал, жизнеспособную альтернативу «великому перелому», осуществленному Сталиным в 1929 году? Поскольку и в моей книге этому вопросу отводится центральная роль, не исключено, что советское издание или комментарии к нему также внесут определенную лепту в дискуссии по истории вашей страны, проходящие в настоящее время, и таким образом книга обретет «вторую жизнь», что доставит мне глубокое человеческое и интеллектуальное удовлетворение.

В Советском Союзе уже ведут открытые дебаты об исторической роли Бухарина и о, как я называл ее, «бухаринской альтернативе» сталинизму. Они со всей прямотой и откровенностью зазвучали в 1987 году и особенно в 1988 году после политической и партийной реабилитации Бухарина, совпавшей с его столетием и пятидесятилетием со времени его расстрела. Но даже за столь короткий промежуток времени личность Бухарина привлекла к себе пристальное внимание. Нестихающие дискуссии включают в себя некоторые темы, затрагиваемые и в данной книге, не говоря уже о том, что свою более позднюю работу «Переосмысливая советский опыт (политика и история с 1917 года)» я в основном посвятил именно таким противоречивым историческим и политическим вопросам. Поэтому вряд ли имеет смысл развивать здесь эту аргументацию, лучше я возьму на себя смелость сделать два предсказания о набирающем силу споре относительно исторической роли Бухарина.

С советской стороны скорее всего следует ожидать появления трех принципиально различных точек зрения или течений исторической мысли. Представители одной из них будут по-прежнему настаивать — хотя, несомненно, и менее прямолинейно, чем в сталинском «Кратком курсе», — что поражение Бухарина было объективно необходимо, ибо только сталинская политика коллективизации и индустриализации могла модернизировать Советский Союз, заложить основы социализма и подготовить страну к отпору гитлеровскому вторжению в 1941 году. Сторонники второй точки зрения делают прямо противоположные выводы: поражение Бухарина стало национальной трагедией, так как его политика изпа, основанная на сочетании плановой и рыночной экономики, сбалансированном промышленном развитии, добровольной коллективизации, гражданском мире и в меньшей степени государственного бюрократизма, привела бы к созданию более мощной экономики и более совершенной социалистической системе, помогла бы избежать террора 30-х годов и, таким образом, подготовиться к войне. Ну, а поскольку любой серьезный спор неизбежно ведет к образованию и «центристской» позиции, третье направление исторической мысли будет доказывать предпочтительность некоего сочетания бухаринского и сталинского подходов. Каждая из этих точек зрения находит отражение в работах западных исследователей, и, конечно, все они присутствуют в советских дискуссиях начиная с 1987 года.

Вместе с тем — и в этом состоит мое второе предсказание — при

нормальном развитии гласности и плюрализма мнений в этом важнейшем споре о характере современной советской системы не будет окончательного или безусловного победителя. Да и как ему быть? Великие и трагические события всегда вызывают противоречивые суждения, вспыхивающие с новой силой по мере того, как каждое последующее поколение привносит в аргументацию свое особое видение и внутренние конфликты. По словам историка Питера Гейла, словам, которые по-своему подтвердили и Маркс, и Ленин, история — это «спор без конца». Террор и цензура могут «положить конец» такому спору, но, как нам известно, только на время и не затрагивая сути.

Советский читатель может спросить: что привело американца, родившегося в 1938 году, выросшего в провинциальном штате Кентукки и получившего образование в крупном государственном университете соседней Индианы, к написанию книги о Бухарине? Не будучи коммунистами, социалистами или интеллектуалами и даже не проявляя особого интереса к политике, мои родители, однако, всемерно развивали стремление двух своих детей к получению широкого образования и самостоятельному мышлению, учили их не забывать народную мудрость, что «у каждой медали — две стороны». Возможно, именно благодаря этому я, как мне кажется, не оказался во власти отвратительных предрассудков «холодной войны», даже несмотря на то, что не испытывал в то время интереса к Советскому Союзу.

Этот интерес появился у меня почти случайно. В 1959 году я проходил в Англии курс политики, истории и экономики и по предложению одного из своих друзей принял участие в поездке английской группы летом того же года по пяти советским городам. И хотя я тогда не знал русского языка, мне удалось увидеть поразившее меня общество, подобного которому я еще не встречал, страну, выходящую из изоляции, ставшую на путь перемен, и народ, проявляющий теплый интерес к моей стране. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы пробудить во мне желание побольше узнать о Советском Союзе по возвращении в университет Индианы.

Я оказался очень везучим: моим первым наставником в изучении советской истории стал, на мой взгляд, самый выдающийся ученый — советолог того времени профессор Роберт С. Такер, преподававший в университете Индианы до своего перехода в Принстон. Глубокий знаток русской истории, культуры и политики, он весьма критически относился ко многим академическим догмам, пользовавшимся официальным признанием. Такер приучил меня к такому же «ревизионистскому» мышлению, подвел к решению сделать советологию и преподавание советской истории своей будущей профессией и даже подсказал тему научного исследования — роль Бухарина в конце 20-х годов. К 1962 году, будучи аспирантом Колумбийского университета, я уже твердо знал: темой моей диссертации будет Николай Иванович Бухарин. Мне хотелось не только написать его политическую биографию, но и по-новому взглянуть на процесс формирования советской политической истории того периода. Диссертация была готова в 1968 году, и ее выводы и аргументация легли в основу, правда, в несколько ином виде, первых восьми глав моей книги, которую я завершил в 1972 году.

По моему убеждению, историки не должны пытаться предсказывать будущее: перед ними достаточно сложная задача — понять прошлое и настоящее страны. Вместе с тем верно и то, что для западных исследователей давно уже характерны два исторических подхода. По мнению подавляющего большинства из них (во всяком случае, до 1985 года), советская система в том виде, в каком она сформировалась при Сталине, никогда не сможет быть радикально изменена. Другое же направление, представленное явным меньшинством, к которому я принадлежу с самого начала своей исследовательской деятельности, считает, что Советский Союз, подобно всем социально-экономическим системам, не только претерпел значительные изменения в прошлом, но и с большой степенью вероятности будет изменяться в будущем. Лично я убежден в правоте такого подхода в силу своего понимания взаимосвязи между прошлым и настоящим, между историческим развитием и современной политикой.

Несмотря на явную взаимосвязь между альтернативами, стоящими перед Советским Союзом сегодня, и теми, которые существовали в 1928—1929 годах, мою книгу о Бухарине следует читать и оценивать как историческое исследование. Более того, я не рассматриваю ее как некое «последнее слово» на эту тему. Во введении к первому американскому изданию написано: «Когда советские историки получат возможность свободно изучать и описать историю создания Советского государства и деятельность его основоположников, материал этой книги, вероятно, дополнится, а некоторые ее положения потребуют пересмотра». Судя по всему, советские исследователи сейчас получают такую возможность. По мере того, как они будут глубже и полнее отражать события 20-х и 30-х годов, по мере того, как появится возможность доступа к необходимым архивным материалам, они, возможно, напишут о Бухарине и о его времени более глубоко и осмысленно, чем это удалось сделать мне. Когда такое произойдет, я не буду чувствовать себя разочарованным.

СТИВЕН КОЭН
Нью-Йорк,
сентябрь, 1988 год

ДУУМВИРАТ: БУХАРИН И СТАЛИН

В первой половине 1925 года в возрасте тридцати шести лет Бухарин постепенно возглавил вместе со Сталиным новое руководство большинства в Центральном Комитете; для Бухарина настал период наибольшего влияния на советскую политику. Их коалиция возникла в результате расторжения внутритроцкистского триумvirата, который стал распадаться в конце 1924 года и окончательно развалился в 1925 году, когда Зиновьев и Каменев сначала тайно, а потом открыто бросили вызов Сталину как руководителю партийного аппарата и Бухарину как выразителю партийной идеологии и политики.

Создание дуумвирата объяснялось следующими арифметическими соображениями. В 1925 году Политбюро состояло из семи полноправных членов — Троцкого, Зиновьева, Каменева, Сталина, Рыкова, Томского и Бухарина, ставшего полноправным членом после смерти Ленина. Первые трое стояли теперь в оппозиции к официальной политике, хотя до весны 1926 года они не выступали совместно. Рыков и Томский, в общем, соглашались с этой политикой, главным выразителем которой был Бухарин. Объединившись с Бухариным, Сталин восстановил четверку большинства в Политбюро (Троцкий вначале упрямо воздерживался от голосования) против своих прежних союзников — Зиновьева и Каменева. В свою очередь, Бухарин обеспечивал официальное большинство при утверждении той политики, в которую он страстно верил. Кроме того, осуждая всякую личную вражду, он косвенно объяснил истоки и характер дуумвирата: «Люди должны бороться за большинство, если хотят обеспечить проведение своей политики, которую считают правильной».

Это обозначает, что коалиция, или по терминологии 20-х годов «блок», является наилучшей характеристикой большинства в Политбюро, возглавлявшегося Сталиным и Бухариным. Это был временный взаимовыгодный союз, а не единая группировка полностью единомыслящих лидеров. Подобно прежнему триумvirату и более поздней объединенной левой оппозиции Троцкого, Зиновьева и Каменева, сплочение сталинско-бухаринского большинства объяснялось опасностью, исходившей от общих противников, а не только общими убеждениями. На этой основе, несмотря на признаки внутренних напряжений, коалиция выстояла как в начальной стадии борьбы при своем зарождении в 1925 году, так и в жестоких фракционных разгромах 1926—1927 годов, которые в конце концов распространи-

лись почти на все вопросы внутренней и внешней политики. Затем, после организационного разгрома левых на XV съезде партии в декабре 1927 года, коалиция распалась.

Сталин дал создавшейся коалиции организационную власть. С тех пор, как он возглавил секретариат партии, то есть стал генсеком (в 1922 году), он старательно и умело насаждал в партии далеко простирающиеся полномочия центрального партийного аппарата. Он еще не имеет контроля над всей партией, которая в середине 20-х годов своей структурой напоминала «княжество», управляемое князьями. Но благодаря своим полномочиям назначать и смещать сотрудников аппарата Сталин уже заложил основы той системы, которую разбитые оппозиционеры будут клеймить как «диктатуру секретариата». Центральная партийная бюрократия служила ему прочной базой для борьбы с любым соперником из правящего руководства: с ее помощью он манипулировал на выборах в низовых партийных организациях, на съезде партии и в конце концов в самом Политбюро.

Сталинская машина власти была продемонстрирована на XIV съезде партии в декабре 1925 года. Зиновьев и Каменев (их сила основывалась на поддержке неприступной, как считал Зиновьев, «ленинградской крепости») выступили на съезде, протестуя против политики и руководства триумvirата. Они были разгромлены 559 голосами против 65.

Роль Бухарина в коалиции была сложнее, но в равной степени важна, по крайней мере вначале. Прежде всего он разрабатывал и формулировал экономическую политику и идеологию руководства в период между 1925 и 1927 годами. Не составляло секрета, что он сыграл ведущую роль в решении расширять нэп; он открыто высказывался об этом и о своих идеологических новшествах. Он не только являлся вдохновителем взглядов партийного большинства на вопросы промышленного и сельскохозяйственного развития, но и лично написал «основные части» резолюции 1925 года по аграрной политике, которые вызвали широкие дискуссии. Его теоретические предложения по спорным вопросам дня — о расхождении крестьянства и социальном развитии деревни, о характере государственной промышленности и ее взаимосвязи с сельским хозяйством, о закупочно-сбыточных кооперативах, о нэпе как переходной системе и других проблемах строительства социализма — составляли провозглашенную дуумвиратом и, следовательно, партией идеологию. Официальный большевизм

1925—1926 годов был в основном бухаринским; партия следовала по бухаринскому пути к социализму. Его влияние распространялось не только на собственную партию и на вопросы внутренней политики. Его теории находили систематическое отражение и в резолюциях Коминтерна; например, на заседании Исполкома Коминтерна в апреле 1925 года он представил 63 новых «тезиса по крестьянскому вопросу». С 1926 года он почти в одиночку формировал официальные взгляды большевиков на внешний мир, международный капитализм и рабочее движение.

Вообще между Бухариным и Сталиным существовало приблизительное разделение труда: один занимался формулированием вопросов политики и теории, другой руководил организационным механизмом. Сталин, конечно, не был невежествен в политике или в теории и не был к ним безразличен. Будучи всегда осторожным политиком, он отмежевывался от периодических промахов своего союзника, таких, например, как лозунг «обогащайтесь». Сознывая политическую уязвимость некоторых теорий Бухарина, он позаботился о том, чтобы не отождествляться с ним, особенно при толковании таких вопросов, в которых позиция Ленина была особенно неопределенной. Но хотя Сталин иногда восхвалял индустриализацию (особенно развитие тяжелой промышленности) и достоинства советской экономической автократии больше, чем Бухарин, у него, кажется, не было своей собственной индустриальной или аграрной программы. Со времени первоначальной разработки бухаринской программы в 1924—1925 годах и до ее пересмотра в 1926—1927 годах Сталин в экономической политике был бухаринцем. Когда эта политика подверглась яростным нападкам на XIV съезде партии в 1925 году, Сталин провозгласил: «Мы стоим и будем стоять за Бухарина». В этом оппозиция не сомневалась. На том же съезде Каменев сказал: «Теперь я вижу, товарищи, что тов. Сталин целиком попал в плен этой неправильной политической линии, творцом и подлинным представителем которой является тов. Бухарин».

Бухарин пришел в дуумвират и с более практическим политическим багажом. Наиболее важным было его руководство центральными изданиями партии. Помимо того, что он был редактором ежедневной газеты «Правда», в апреле 1924 года он стал также редактором нового, выходящего раз в две недели журнала ЦК партии «Большевик», созданного для «защиты и укрепления исторического большевизма против любой попытки искажения и извращения его основ». Руковод-

ство двумя основными органами, выражавшими мнение ЦК, было важным оружием Бухарина во фракционной борьбе; свидетельством этого является бесплодная попытка Зиновьева организовать в Ленинграде в 1925 году соперничающие издания. Благодаря своему положению в «Правде» и «Большевике» Бухарин был фактическим правителем обширной империи партийной печати и пропаганды. Под их эгидой выходило множество других широко распространенных периодических изданий, газет и брошюр; а Бухарин, кроме того, был членом редакционных коллегий некоторых журналов, энциклопедий и издательств. С политической точки зрения наиболее важным было то, что местная партийная пресса получала руководящие установки (а зачастую и статьи) непосредственно от «Правды». В 20-х годах центральные органы печати были не только авторитетными средствами осуществления внутривластной связи. Будучи ответственными за истолкование партийных резолюций, они неизбежно играли значительную роль в окончательном формировании и проведении в жизнь политики партии. Каменев только слегка преувеличивал, когда сетовал, что Бухарин и его сторонники (занимавшие все должности в органах печати) получили «фактически монополию на политическо-литературное представительство партии» и на «всю политико-просветительную работу».

Другой организационный пост Бухарина представлял иной по своему характеру политический козырь. Бухарин вместе с Зиновьевым с 1923 года был ответственным за выработку политического курса и текущую деятельность Коминтерна. Хотя до октября 1926 года Зиновьев формально оставался председателем Коминтерна, его поражение в декабре 1925 года привело к тому, что Бухарин вскоре стал фактически возглавлять эту международную организацию. После официального снятия Зиновьева Бухарин стал генеральным секретарем исполкома Коминтерна и, таким образом, юридически его главой (должность председателя была упразднена). Руководство Коминтерном, ничего не прибавляя к организационной власти дуумвирата внутри партии, тем не менее имело свои преимущества, так как и большинство, и оппозиция все еще ценили расположение зарубежных компартий. Руководящая роль в Коминтерне увеличивала личный престиж Бухарина, а также престиж и влияние дуумвирата. Она, кроме того, расширяла сферу его влияния, позволяя ему двигать своих советских сторонников и зарубежных последователей на работу в Политический секретариат испол-

кома Коминтерна. Во время партийных споров, особенно когда дискуссия в 1926—1927 годах перекинулась на вопросы внешней политики, Коминтерн стал дополнительной официальной трибуной Бухарина.

Эти сферы деятельности Бухарина (центральные органы печати и Коминтерн) были его «княжествами». Они соответствовали его общей роли в борьбе большинства против оппозиции; тогда как Сталин вел организационную борьбу, Бухарин вел войну идеологическую, его идеи и контраргументы составляли сущность как наступательной, так и оборонительной тактики руководства. На первых стадиях дуумвирата он был совершенно независим как идеологический боец.

Ни Сталин, ни его сторонники не могли противостоять светилам в рядах оппозиции, которая в лице Троцкого, Каменева, Преображенского, Пятакова, Смирнова, Смилги и Радека имела искусных теоретиков, талантливых экономистов и острых публицистов. Все они были интеллектуалами, высокообразованными, остроумными людьми, которые умело вели публичные споры и идеологические сражения.

Когда дискуссия затрагивала достаточно высокие интеллектуальные сферы, из главных лидеров большинства только Бухарин сражался с ними на равных (хотя Рыков был специалистом в области практической экономики). Его признанная проницательность и эрудиция теоретика, его ораторское искусство, умение быть «безжалостным полемистом» (которым он иногда злоупотреблял) дали большинству выдающегося оратора, способного тягаться с оппозицией. Не кто иной, как Бухарин, дал ответ Преображенскому; не кто иной, как он, на XIV съезде партии сорвал запоздалую попытку Зиновьева обрести статус большевистского теоретика и фактически разрушил без остатка идеологический авторитет этого уядавшего политического деятеля; не кто иной, как он, поехал в пролетарский Ленинград в феврале 1926 года, чтобы отстаивать политику руководства по крестьянскому вопросу. В этом отношении программные дебаты 20-х годов были затяннейшей политической кампанией: на избирательных собраниях выигрывались и проигрывались значительные, хотя, возможно, и не решающие битвы. Не всегда Бухарин выигрывал эти сражения, но когда большинство одерживало значительную интеллектуальную победу, заслуга в этом почти всегда принадлежала ему.

Однако в идеологической войне, как и в любой другой, необходимы как маршалы, так и легионы. И как раз в этих легионах, среди молодых партийных интеллектуалов, которые стали известны как «школа Бухарина», Бухарин обрел самый уникальный, хотя и подвергавшийся нападкам, политический инструмент. Эта школа оказалась в центре политических событий 1925 года, находясь под огнем критики. Заклейменная как растущее воплощение «мелкобуржуазного разложения», «кулацкого уклона» и «народнического духа», эта школа вместе с Бухариным стала на XIV съезде основным объектом нападок оппозиции. Жалуясь, что ее представители заправляют «всей печатью» и стремятся терроризировать всякого, кто указывает на искажение и извращение ими ленинизма, Зиновьев и Каменев говорили, что вокруг Бухарина теперь создается целая «школа», пытающаяся затушевать действительность и отступить от классовой точки зрения. В действительности, делал вывод Каменев, эта школа зиждется на отступлении от Ленина. Крупская, временная сторонница Зиновьева и Каменева, видела далеко идущую опасность: «Красная профессура, группирующаяся около товарища Бухарина, это ведь — готовящаяся смена, подготовка теоретиков, которые будут определять нашу линию». С этого времени аналогичные обвинения против «теоретической школы под покровительством Бухарина» будут почти постоянно фигурировать в высказываниях левых относительно офици-

ального вероломства. В 1928—1929 годах Сталин повторит и приумножит эти обвинения.

Причиной тревоги была небольшая группа молодых партийных идеологов, в своем большинстве выпускников Института красной профессуры, которые считали Бухарина своим интеллектуальным и политическим наставником, а себя — его учениками. Хотя они оказались в центре политических дискуссий только в 1925 году, существование бухаринских «неофитов» было замечено еще в 1922 году. Сплочение молодых большевиков вокруг члена Политбюро само по себе не было чем-то необычным. Большинство главных лидеров, например, Троцкий, Зиновьев и Сталин, использовали молодых членов партии в своих личных секретариатах и в качестве помощников (аналогичные примеры можно найти во всех политических системах). Эти секретари, как их обычно называли, часто приглашались из тех организаций, за которые нес ответственность данный руководитель. Так, личный секретариат Бухарина возглавлял Ефим Цетлин, основатель и одно время руководитель комсомола. Но лица, представлявшие школу Бухарина, отличались от обычных помощников других руководителей не только своим количеством, но и образованием, полученным в высших партийных учебных заведениях, а также интеллектуальными и литературными способностями, общей идеологической направленностью и той политической ролью, которую они стали играть. Хотя иногда эти люди и были личными помощниками Бухарина, они начинали занимать все больше и больше официальных должностей.

Существовали, по-видимому, три причины, по которым столь многие способные молодые большевики группировались вокруг Бухарина. Первая состояла в том, что Бухарин пользовался непревзойденной славой марксистского мыслителя. Он был их кумиром и считался «теоретическим Геркулесом». Вторая причина была тесно связана с первой: у Бухарина был «огромный авторитет» среди партийной молодежи, особенно среди тех, кто был избран для ускоренной подготовки будущей большевистской интеллигенции. На протяжении нескольких лет он был членом Политбюро, самым тесным образом связанным с комсомолом; в 1923 году он шутиливо говорил: «Прошу не думать, что это стало моей специальностью или профессией». Кроме того, «сотни тысяч людей» получали образование, изучая такие его работы, как «Теория исторического материализма». Поэтому он был особенно почитаем в учебных заведениях партии, где пользовался влиянием и как партийный мыслитель, и как политический руководитель.

Нигде это не проявилось в такой степени, как в Институте красной профессуры, одном из крупнейших центров марксистской мысли Советской России 20-х годов. Этот институт, имевший трехгодичную программу по экономике, истории, философии, был основан в 1921 году с целью подготовки «красных профессоров» взамен беспартийных, которые все еще преобладали в университетах. В атмосфере, соединявшей некоторые черты университета, политического салона и монастыря, старейшие и наиболее выдающиеся ученые партии занимались, то есть проводили семинары и читали лекции, с небольшими избранными группами студентов. Фактически значительное число выпускников института в конце концов стало заниматься не академической деятельностью, а партийной политико-литературной работой. Многие из них объединились вокруг Бухарина. Большинство наиболее выдающихся представителей бухаринской школы были первыми выпускниками института, обучавшимися в 1921—1924 годах.

И, наконец, школу Бухарина нельзя понять и представить без личности ее вдохновителя. Те, кто встречался с ним не один год, свидетельствуют, что мягкий, открытый, добродушный Бухарин в своей традиционной русской рубахе, кожаной куртке и сапогах был самым

привлекательным из большевистских руководителей. (Троцкий как-то заметил, что «Бухарин в глубине души оставался старым студентом».) В нем совсем не было пугающего высокомерия Троцкого, нарочитой помпезности Зиновьева или подозрительности и склонности к интригам, столь характерным для Сталина. Он был «по-любовному мягок» в своих отношениях с товарищами и друзьями. Источая «всепроникающее радушие», он вносил в неофициальные собрания «заразительное» веселье и в свои лучшие минуты благотворное очарование в политику. Бухарин, замечал Ленин, относился к тем счастливым натурам, которые даже при наибольшем ожесточении борьбы меньше всего способны заражать ядом свои нападки. Большевистские оппоненты ритуально, как бы в подтверждение предсмертных ленинских слов о том, что Бухарин был «любимцем всей партии», предпосылали своим нападкам на него заверения в личной любви к «Бухаричу». Даже Сталин, его злейший враг в 1929 году, считал за необходимость перекликнуться с Брутом: «Бухарина мы любим, но истину, но партию, но Коминтерн любим мы еще больше».

Свидетельства о способности Бухарина вызывать симпатию таковы, что, перефразируя Форда Мэдкса Форда, можно сказать: он был добрым большевиком. Один из старых членов партии (который никогда не был ни его приверженцем, ни «биографом святых») писал о нем как об «одной из любимейших фигур русской революции», рисуя его человеком со многими и разнообразными увлечениями: «Он жив и подвиген как ртуть, жаден ко всем проявлениям жизни, начиная с новой глубоко отвлеченной мысли и кончая игрой в городки». У него были «все данные, чтобы захватить и пленить воображение молодежи», сказал один из его зарубежных поклонников-коммунистов. Естественно, что все молодые большевики тянулись к нему. Обаяние Бухарина частично заключалось в том, что он с теплом и щедростью принимал молодых товарищей и подчиненных, которые считали, что с ним легко говорить и к нему легко найти доступ. Когда Бухарин председательствовал на собраниях многообещающих «неофитов», например в «Правде», преобладала «атмосфера гармоничного дружеского сотрудничества, доверия и уважения друг к другу». Будучи лишь немногим старше их, Бухарин встречался со «своими молодыми товарищами» как с равными, не кичась своим положением и поддерживая их. В ответ они платили ему личной и политической привязанностью, считая его «своим дорогим учителем».

В пору своей известности школа Бухарина насчитывала около пятнадцати человек. Наиболее известными среди них были А. Слепков, Д. Марецкий, В. Астров, Стецкий, П. Петровский, А. Айхенвальд, Д. П. Розит, Е. Гольденберг, Ефим Цетлин и А. Зайцев. За исключением Стецкого и Петровского, которые были известны еще во время гражданской войны, имеется мало данных о жизни этих людей: их деятельность была прервана после поражения Бухарина, а сталинский террор пережил только Астров. Им было от двадцати до тридцати лет; большинство из них вступили в партию в 1917 году или позднее. До поступления в Институт красной профессуры в 1921 году они не занимали каких-либо важных должностей. Почти как и все студенты института, они представляли средние слои общества. Их политическое прошлое было различным. Петровский был сыном старого большевика и партийного руководителя Григория Петровского; Слепков, по распространявшимся оппозицией слухам, был монархистом-кадетом еще в 1918 году; Айхенвальд был сыном известного литературного критика и конституционного демократа Юрия Айхенвальда, которого он посещал в Берлине в надежде примирить своего «неисправимого отца» с большевистским режимом. Кажется, только Гольденберг и Айхенвальд в прошлом были

оппозиционерами и в 1923 году какое-то время симпатизировали Троцкому. Некоторые из них до того, как они стали политическими деятелями в середине 20-х годов, уже имели репутацию ученых: Слепков и Астров были историками, Марецкий — историком-экономистом, Айхенвальд и Гольденберг — экономистами.

Но они заставили заговорить о себе потому, что стали неутомимыми и вездесущими пропагандистами бухаринизма. В сотнях книг, брошюр, газетных статей и публичных выступлений — в учебных заведениях, на партийных собраниях и других общественных форумах — они пропагандировали и защищали (а иногда рецензировали и дополняли) политику и идеи Бухарина. Они рецензировали его книги, написали его биографию и шумно его прославляли. Повсюду, презрительно замечал один критик, они «пели... с голоса Бухарина». В своих многообразных деяниях, недовольно писал другой, они действовали как личный «агитпроп» Бухарина. Сверх всего они вели идеологическую борьбу сталинско-бухаринского руководства против оппозиции, не во имя бухаринизма, конечно, а во имя ортодоксального большевизма». Естественно, Бухарин противился «шуму вокруг новой школы», так же, как и его сталинские союзники, которые извлекали пользу из ее деятельности. Один из людей Сталина, выступая в ее защиту, говорил:

«У Бухарина нет никакой особой школы; школа Бухарина есть ленинская школа. Заслуга тов. Бухарина заключается в том, что он действительно воспитал теоретически в духе ленинизма большое число молодых товарищей, которые ведут в нашей партии пропагандистскую, агитационную, литературную работу».

Оппозиция горячо опровергала первое утверждение и удрученно признавала справедливость последнего.

Как уже отмечалось, особое значение приобрело то обстоятельство, что молодые бухаринцы, объединившиеся в интеллектуальную группу вокруг одного из руководителей партии, стали выдвигаться на ответственную партийную и государственную работу. Прежде всего их «монополией» стали партийные и государственные издания. Астров и Слепков в сентябре 1924 года стали редакторами «Большевика» и вместе с Бухариным руководили этим авторитетным журналом ЦК до середины 1928 года. Представители школы довольно часто публиковались в «Большевике» и «Правде», в которой тоже наряду с Бухариным играли руководящую роль сначала неофициально, а потом официально; к началу 1928 года Астров, Слепков, Марецкий, Цетлин и Зайцев стали редакторами «Правды». Таковы были цитадели бухаринской школы.

Их деятельность не ограничивалась печатью. Помимо Коминтерна и рабоче-крестьянского движения — двух заповедных сфер деятельности Бухарина, они оказывали заметное влияние на растущую сеть коммунистических университетов и учебных учреждений. Один молодой бухаринец стал ректором университета; другие составляли учебные программы, преподавали и писали учебники для учащихся; некоторые возглавляли партийные ячейки таких важных учреждений, как Московская промакадемия, Институт красной профессуры, Коммунистическая академия и Академия коммунистического воспитания. Они активно работали также в государственных экономических учреждениях, ответственных за планирование и промышленное развитие. Айхенвальд и Гольденберг, например, занимали важные посты в Госплане, причем последний был выдвинут на должность заместителя председателя Госплана РСФСР. Только в центральном сталинском партаппарате их роль была менее существенной. Двое, Стецкий и Розит, заседали в дисциплинарном органе партии — Центральной контрольной комиссии (ЦКК). Помимо этого, Стецкий возглавлял отдел агитации

и пропаганды Ленинградской партийной организации и в 1927 году стал полноправным членом ЦК. Слепков был «ответственным инструктором» ЦК — так именовались могущественные идеологические Несторы, разъезжавшие по стране и контролировавшие деятельность низовых партийных организаций и местной прессы.

К 1925 году бухаринская школа во многих отношениях приобрела важное значение в советской политике. Однако деятельность этой школы приносила ее вдохновителю как политические выгоды, так и издержки. Например, праведная агрессивность его учеников часто раздражала партийных интеллектуалов более старшего возраста, и в некоторых кругах, по рассказам, выражение «красный профессор» звучало как бранное. Гораздо большее политическое значение имело то обстоятельство, что они иногда развивали идеи Бухарина за пределы политического благоразумия (хотя он сам подал такой пример) и, таким образом, становились легкой мишенью для оппозиционеров, которые в подобных эксцессах усматривали доказательство ереси правящего большинства. Примером может служить полемика, разгоревшаяся после того, как Стецкий и Слепков стали теоретически развивать в официальной прессе бухаринский лозунг 1925 года «Обогащайтесь!». Существовала еще одна проблема. Оппозиция спешила отнести каждого из раздражавших ее молодых публицистов к бухаринской школе; примером может служить известное дело Богушевского в 1925 году. Богушевский, до тех пор неизвестный журналист, опубликовал в «Большевике» статью, в которой утверждал, что кулак — это «жупел». В течение следующих двух лет «левые» ссылались на него, считая это доказательством «кулацкого уклона» дуумвирата. На самом деле Богушевский, очевидно, совершенно не был связан с Бухариным.

Тем не менее эта школа, явившаяся для Бухарина политической опорой, сослужила ему в течение некоторого времени хорошую службу. Никто из других лидеров партии не имел своего собственного «агитпропа», который можно было сравнить с бухаринским по количеству и качеству. Эта когорта талантливых людей позволила Бухарину посадить своих людей как раз в тех учреждениях, где формировалась политика и идеология и готовились будущие кадры; они с большой эффективностью популяризировали и отстаивали его политику. Бухарин и его ученики, которые встречали любые атаки со стороны оппозиции по-бухарински меткими ответами, в основном обеспечивали идеологическую победу большинства. Эта школа помогла Бухарину подняться до положения главы ортодоксального большевизма и утвердить «бухаринизм» в качестве официальной партийной идеологии.

Имея все эти реальные политические преимущества, Бухарин вступил в коалицию со Сталиным в 1925-м. Кроме того, он внес в нее кое-что менее осязаемое, но столь же важное: свой личный авторитет, вклад, понятный только в контексте «борьбы за наследие», которая последовала за смертью Ленина. В одном отношении этот термин неправилен. Ибо, хотя внутрипартийные битвы 1923—1929 годов представляли продолжительные попытки реконструкции власти и авторитета, ранее принадлежавших Ленину, сама мысль, что может существовать преемник — «Ленин сегодня», — была недопустима. Ленинский авторитет в руководстве и вообще в партии был уникален. Прежде всего он объяснялся тем, что Ленин был создателем партии и ее душой; политические оценки Лениным многочисленных оппозиционеров часто оказывались правильными, а сильная сторона его личности состояла в том, что он убеждал и спланировал своих конфликтовавших коллег. Его авторитет ни в коем случае не был связан с каким-либо официальным постом. По словам Сокольникова, «Ленин не был ни предсе-

дателем Политбюро, ни генеральным секретарем, и товарищ Ленин тем не менее имел у нас в партии решающее политическое слово». Этот авторитет был, как писал недавно один из авторов, чем-то вроде харизматического авторитета, неотделимого от Ленина как личности и не зависящего от конституционных и установленных процедур.

Некоторые из его наследников интуитивно понимали это, выражая свои чувства по-разному. Ленин «был диктатором в лучшем смысле этого слова», сказал Бухарин в 1924-м. Пятью годами позже, характеризуя Ленина как единственного «вождя, организатора, полководца, суровый, железный авторитет» и противопоставляя его жестокой сталинской машине власти, Бухарин пояснил:

«Но он был для всех нас Ильич, свой, близкий, любимый человек, замечательный товарищ и друг, связь с которым неразрывна. Он был не только «товарищ Ленин», а нечто неизмеримо большее. Такова была наша связь... Это вовсе не простое «командование», «администрирование» и т. д.»

И личные чувства, и реальное понимание уникальной роли Ленина вызвали естественное нежелание как внутри руководства, так и вообще в партии мыслить категориями «преемственности». Один из делегатов на XIV съезде партии в 1925 году утверждал, что «его кафтан начинают примеривать отдельные представители... Но этот кафтан никому не подходит...»

Каковы бы ни были тайные стремления и независимо от невыполнимости такой идеи, публично было принято считать, что руководство после Ленина должно быть олигархическим, или, как настаивал Бухарин в 1925 году, коллективным:

...потому что у нас нет Ленина и нет единого авторитета. У нас сейчас может быть только коллективный авторитет. У нас нет человека, который бы сказал: я безгрешен и могу абсолютно на все 100% истолковать ленинское учение. Каждый пытается, но тот, кто выскажет претензию на все 100%, тот слишком большую роль придает своей собственной персоне.

Таким образом, заменить умершего вождя должна была группа наследников. Вначале под коллективным руководством подразумевалась узкая группа, необязательно включавшая в себя всех руководящих большевиков или даже всех членов Политбюро. В нее входило лишь «основное ядро ленинцев». Пятеро из шести человек, о которых Ленин писал в своем «Завещании»: Троцкий, Сталин, Каменев, Зиновьев и Бухарин. Хотя это редко признавалось публично, тем не менее это были люди, пользовавшиеся большим авторитетом, каждый из которых воплощал часть ленинского наследия, а все вместе воплощали законный авторитет партии и потому должны были руководить коллективно. Можно привести два показательных примера: Рыков и Калинин были выдающимися деятелями партии, но ни тот, ни другой лично не символизировали большевистский партийный авторитет. Было принято считать, хотя это и не афишировалось, что несколько членов Политбюро были первыми среди равных. Как иногда выражались наблюдатели, они были «большевистским Олимпом». Сталин, умевший грубо, но точно проводить различия между людьми, использовал подобную метафору в 1928 году, характеризуя в беседе с Бухариным состоявшееся из девяти человек Политбюро, которое уже больше не включало Троцкого, Зиновьева и Каменева. Он заявил: «...мы с тобой Гималаи; остальные — ничтожества».

Однако в 1925 году было пять «Гималаев», или, иначе говоря, авторитетных ленинских наследников. Своеобразный «мандат» каждого состоял из следующих четырех пунктов: 1. Вхождение в узкий ленинский круг до и после 1917 года; 2. Революционно-героическая биография, причем 1917 год рассматривался как пробный камень; 3. Репутация революционера-интернациона-

ста; 4. Репутация «выдающегося марксиста», а следовательно, теоретика. Ни у одного из членов коллективного руководства этот мандат не был в полном порядке. Зиновьев и Каменев (чей фамилии воспринимались как бы написанными через черточку) были сильнейшими в первом пункте, но слабейшими во втором, так как они выступали против восстания в 1917 году; с другой стороны, Троцкий не имел себе равных во 2-м и 3-м пунктах, был вторым после Бухарина в 4-м, но сильно уязвим в 1-м пункте, так как поздно вступил в партию. Мандат Бухарина также не был совершенным: он превзошел всех как теоретик, имел высокий авторитет, связанный с 1917 года, а также как интернационалист, но не был так близок Ленину, как Зиновьев, до 1917 года и так же лоялен к нему после. Мандат Сталина был наименее впечатляющим: у него совершенно не было почвы под ногами в 3-м и 4-м пунктах, а во 2-м он стоял далеко за Троцким и Бухариным.

Хотя эти преимущества приобретали все более призрачный характер (ибо тот, чей мандат производил наименьшее впечатление, обладал наибольшей властью), отношение к ним было очень серьезным; это видно из того, какое значение имели в 20-х годах политические и партийные биографии ведущих руководителей и какие попытки предпринимали некоторые из них, чтобы приукрасить свои мандаты. Зиновьев и Каменев отчаянно пытались затушить свой позор 1917 года; их оппоненты этого не позволили. Зиновьев старался в 1925 году выйти на первый план как теоретик, но получил отпор со стороны Бухарина. Троцкий старался как-то искупить свое меньшевистское прошлое; этот факт его биографии всегда использовали противники, которые, кроме того, оспаривали ортодоксальность его идей до 1917 года. Сталин, вытесняя своих соперников, шаг за шагом добился некоторого авторитета в Коминтерне, он был совершенно неизвестен как теоретик и болезненно воспринимал это, что видно из слов Бухарина, сказанных в 1928 году: «Сталина съедает жажда стать признанным теоретиком. Он считает, что ему только этого не хватает».

В этом контексте ясна важная роль Бухарина в дуумвирате. Ранее первые триумфы объединились в надежде, что их коллективное положение поколеблет огромный авторитет Троцкого в партии. Им удалось убедить многих, что он был неискренним и высокомерным самозванцем. Однако теперь Зиновьев и Каменев порвали со Сталиным и вскоре объединились с Троцким. Иллюзия их коллективного авторитета побудила Каменева обратиться к Троцкому: «Достаточно Вам и Зиновьеву вырабатывать единую платформу, и партия берет свой настоящий Центральный Комитет». Троцкий вспоминал, как он высмеивал «такой бюрократический оптимизм», но несомненно, что Сталина приводила в ужас сама мысль о возможности осуществления надежд Каменева. Наименее выдающийся из пяти ленинских наследников, трое из которых выступили теперь против него, понял, что он может выглядеть узурпатором; причем сложность его положения еще более усугублялась все еще неопубликованным, но уже хорошо известным «Завещанием» Ленина.

Приход Бухарина к совместному руководству со Сталиным помог последнему предотвратить эту опасность. Бухарин поделился по меньшей мере частью своего законного авторитета и тем самым сделал возможной устойчивость «коллективной власти» большинства. Несмотря на относительную молодость Бухарина и на то обстоятельство, что его сильной стороной была теория, а не практическая политика (что, наверное, отражалось на его статусе политического руководителя), все же нельзя приуменьшать его действительную роль в придании веса дуумвирату. В отличие от Сталина именно его голос был авторитетным во внешне- и внутриполитических вопросах: от реальности создания Советов в революционном Китае

до политики капитальных вложений и литературной политики в стране. В то же самое время Бухарин фактически выступил поручителем генсека, распространив свою популяризм на человека, которого недолюбливали как по личным причинам, так и из-за политических разногласий, и он, если привести более конкретный пример, «создавал атмосферу доверия к нему в Коминтерне».

Факт близости к Ленину в прошлом приобрел особое значение в 1925 году. Крупская, по отношению к которой Сталин тремя годами раньше допустил «грубейшую выходку», открыто поддерживала Зиновьева и Каменева. То, что она была на их стороне, символизировало их длительную тесную связь с ее покойным мужем и напоминало хорошо осведомленным большевикам об убийственном постскрипту ленинского «Завещания», в котором Сталин осуждался как «слишком грубый» и где рекомендовалось отстранить его от должности генерального секретаря. Бухарин, в свою очередь, также имел поддержку от младшей сестры Ленина — М. И. Ульяновой. Между ними существовали теплые личные и деловые отношения. М. И. Ульянова была старым и близким другом Бухарина и с 1917 года работала ответственным секретарем «Правды». Поражение Бухарина в 1929 году положило конец ее политической деятельности, и она, находясь почти в опале, умерла в 1937 году, спустя несколько месяцев после его ареста. Но в 1925 году М. И. Ульянова поддерживала Бухарина и, следовательно, Сталина. В то время была широко известна фотография, где она сидит рядом с Бухариным в редакции «Правды». А на XIV съезде после того, как Крупская публично выступила против интерпретации Бухариным последних статей Ленина, М. И. Ульянова возражала ей в своем коротком выступлении: «Товарищи, я взяла слово не потому, что я сестра Ленина и претендую поэтому на лучшее понимание и толкование ленинизма, чем все другие члены нашей партии. Я думаю, что такой монополии на лучшее понимание ленинизма родственниками не существует и не должно существовать».

Однако в конечном счете авторитет Бухарина основывался на его репутации крупнейшего в то время большевистского марксиста или (как это было официально провозглашено в 1926 году) человека, «признанного теперь самым выдающимся теоретиком Коммунистического Интернационала». Он попал в весьма сомнительное положение «живого классика». Его труды издавались в официальных сборниках по марксистской экономике, философии, социологии, литературной критике и искусствоведению. Когда советский автор желал привести свидетельство «международного авторитета», интеллектуальных достижений большевиков, он говорил: «Достаточно указать только на выдающиеся социологические и экономические работы Н. И. Бухарина...» Почетный член Коммунистической академии и ее Президиума, Бухарин стал единственным партийным руководителем, выдвинутым в кандидаты и избранным в члены Академии наук СССР в 1928—1929 годах, что явилось последним, почетным признанием его исключительности.

На таком превозношении (даже если оно и было в некоторой степени лезвием) в сочетании с положением наследника и основывался политический авторитет Бухарина, который при создавшихся обстоятельствах с 1925 по 1928 год косвенным образом распространялся на Сталина. Наибольший политический вес в 20-х годах имел именно интеллектуальный авторитет, поэтому, когда в 1928 году генсек начал против Бухарина тайную кампанию, он атаковал прежде всего его репутацию теоретика.

«Ленфильму» исполнилось семьдесят лет. Киностудия — увядающая в старых стенах дореволюционного летнего театра «Аквариум» (может, хоть вопиющий глас кинокритика отзовется эхом в сводах «планирующих организаций»: там невозможно работать, недавно обвалилась крыша третьего павильона!) — отметила славную годовщину.

В последние годы «Ленфильм», если можно так выразиться, занял положение неформального лидера среди всех наших киностудий. В город на Неве, «северную столицу» советского кино, стекаются многочисленные фестивальные награды и премии. О фильмах студии, первой приступившей к практическому осуществлению творческо-производственной перестройки, ведутся оживленные споры в зрительских кругах, не утихают критические дискуссии о молодом поколении режиссуры, уверенно заявившей о себе в недавних и самых новых питерских лентах. Большая программа «неизвестного» ленинградского кино разных лет с огромным интересом была встречена недавно участниками и гостями XXIV «Выставки нового кино» в итальянском городе Пераро, где побывала внушительная делегация мастеров экрана с Петроградской стороны.

Невольно ловишь себя на мысли: а нет ли в этом ажиотаже вокруг «Ленфильма» элемента газетной шумихи, киноведческого мифотворчества? Конечно, заслужен ли успех?

Заслужен, вне всякого сомнения.

Вспомним, даже в самые тяжкие годы застоя, когда силы для сопротивления диктатуре окаменевших догматов покидали многих художников, на «Ленфильме» снимались такие социально острые ленты, как «Премия» С. Микаэляна, «Старые стены», «Обратная связь» и «Прохиндиада» В. Трегубовича, «Беда», «Пацаны», «Милый, дорогой, любимый, единственный» Д. Асановой. Эти ленты били тревогу, приковывали общественное внимание к болезненным проблемам дня. С небывалой остротой и проникновенностью были показаны быт и бытие человека на войне и до войны в фильмах А. Германа «Мой друг Иван Лапшин» и «Двадцать дней без войны», в «Торпедоносцах» С. Арановича. Вызывала пронзительное, «чеховское» чувство горечи и печали фактически не увидевшая тогда экрана картина В. Сорокина «Жил был доктор», герой которой, настоящий русский интеллигент, даже во время безвременья находил в себе силы жить благородно, самоотверженно служить людям...

С выходом «полочных» фильмов «Проверка на дорогах» А. Германа, «Вторая попытка Виктора Крохина» И. Шешукова и таких лент, как «Порох» В. Аристовой, «Письма мертвого человека» К. Лопушанского, «Ради нескольких строчек» А. Рогожкина, все дружно заговорили о «новой ленинградской школе»...

Думаю, что понятие «новая школа» носит не географический, а исторический характер.

Лучшие фильмы последнего десятилетия, снятые на разных киностудиях страны, пытались доказать ныне, кажется, уже бесспорную истину: нравственное есть социальное. Их авторы знали и понимали: важна не самая идея — именем этой идеи совершаются не только ошибки, но и преступления. Правы древние: человек есть мера всех вещей. И не важно, служит он идеалам добра и справедливости по долгу устава или без каких-либо целевых установок, по сердцу и уму, а говоря по-русски — по совести.

Такой, с позиций общечеловеческого гуманизма, подход к жизни шел вразрез с классовой доктриной официальной идеологии. Большое мужество требова-

лось художникам, решившимся до конца отстаивать свои убеждения. Ленинградцы оказались в ряду самых стойких бойцов — сторонников будущей перестройки.

Вот она и наступила, принесла с собой победное признание ожидавших «своего часа», опередивших время фильмов. Но жизнь продолжается, обнаруживая все новые сложности и противоречия, которые встанут на повестку завтрашнего дня. Думается, и сейчас художники студии останутся в рядах подвижников, чтобы средствами «для нас важнейшего» передать мысли и чувства, надежды и чаяния своих сограждан, выразить сокровенную правду времени.

...Примечательность многих ленфильмовских лент последнего времени вижу в том, что, показывая теневые стороны современной действительности, они не ограничиваются «смачным», но, по сути, безразличным их воспроизведением, они по-прежнему ищут человеческое в человеке, они полны сострадания даже к самым заблудшим душам

О «ЛЕНФИЛЬМЕ» — С НАД

Идет работа
над новым фильмом
режиссера
К. Лопушанского
«Изгнание из ада».

и вызывают ощущение кровной ответственности каждого за все, творящееся вокруг...

Да, в таких фильмах, как «Плата за проезд» и «Соблазн» В. Сорокина (фильм по сценарию Ю. Клепикова еще в годы застоя начинала снимать Динара Асанова), «Взломщик» В. Огородникова и «Единожды солгав» В. Бортко, «Прости» Э. Ясана и «Башня» В. Трегубовича, немало неприглядного, наводящего на самые серьезные размышления о современности и «погоде на завтра».

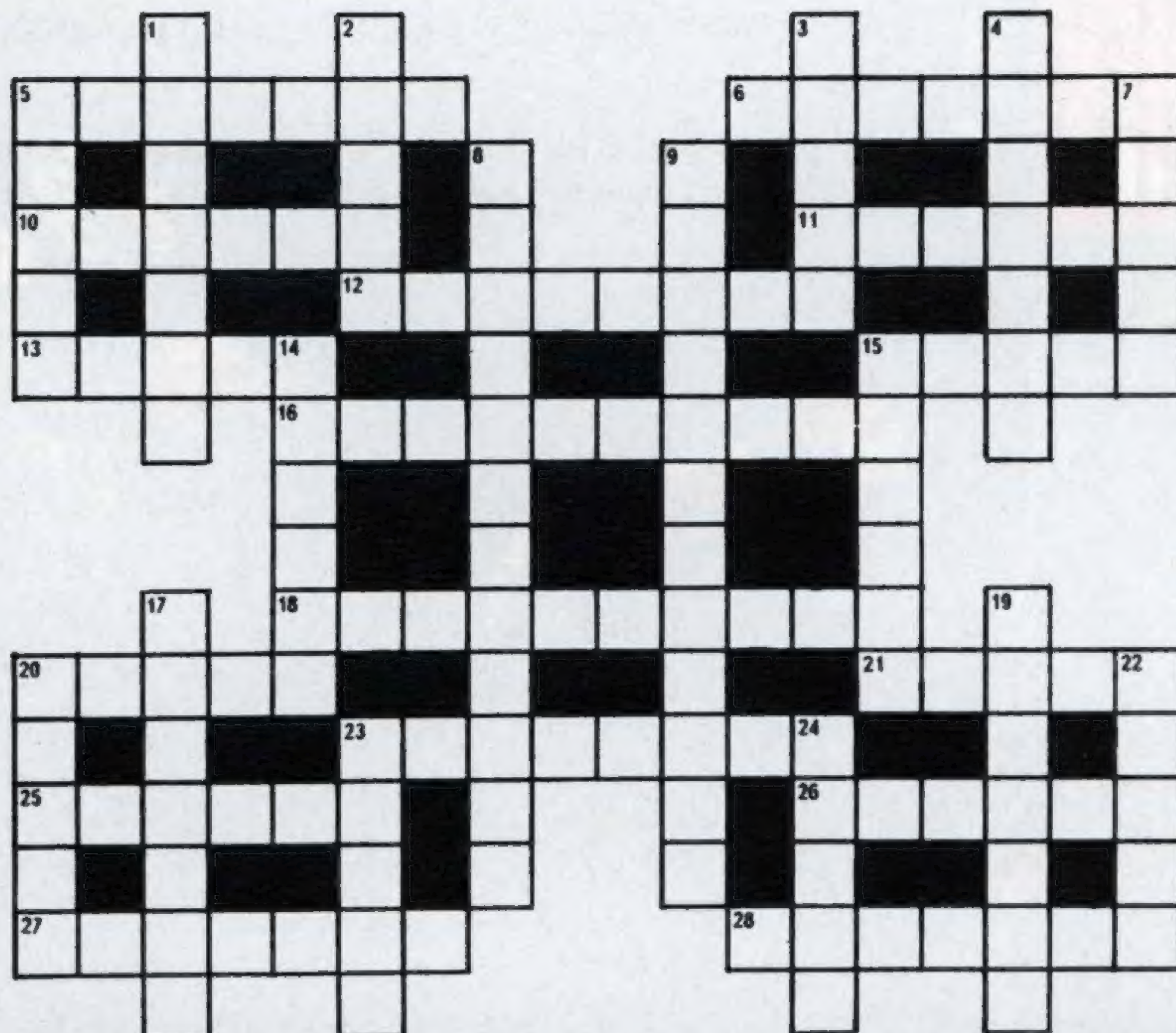
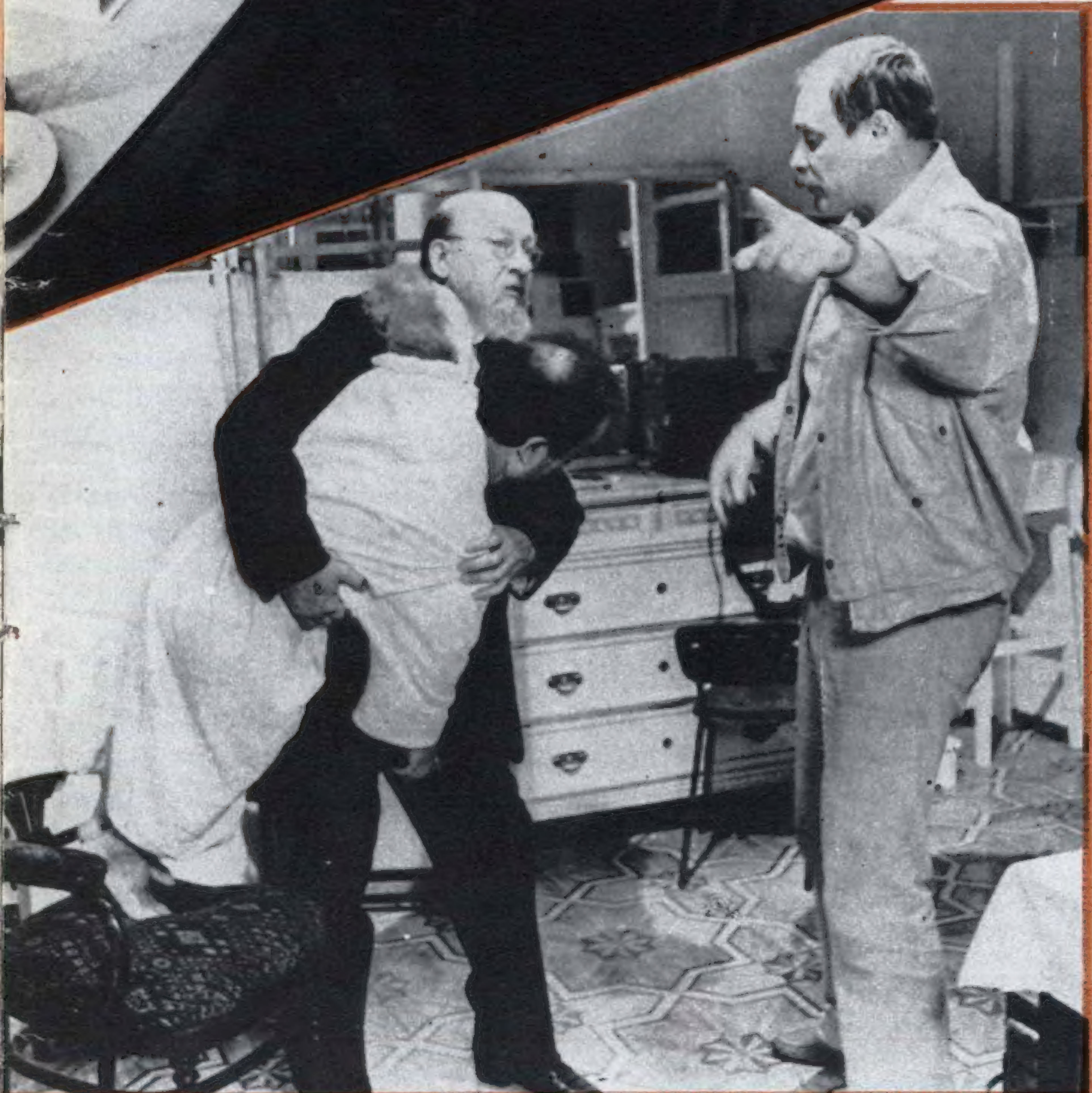
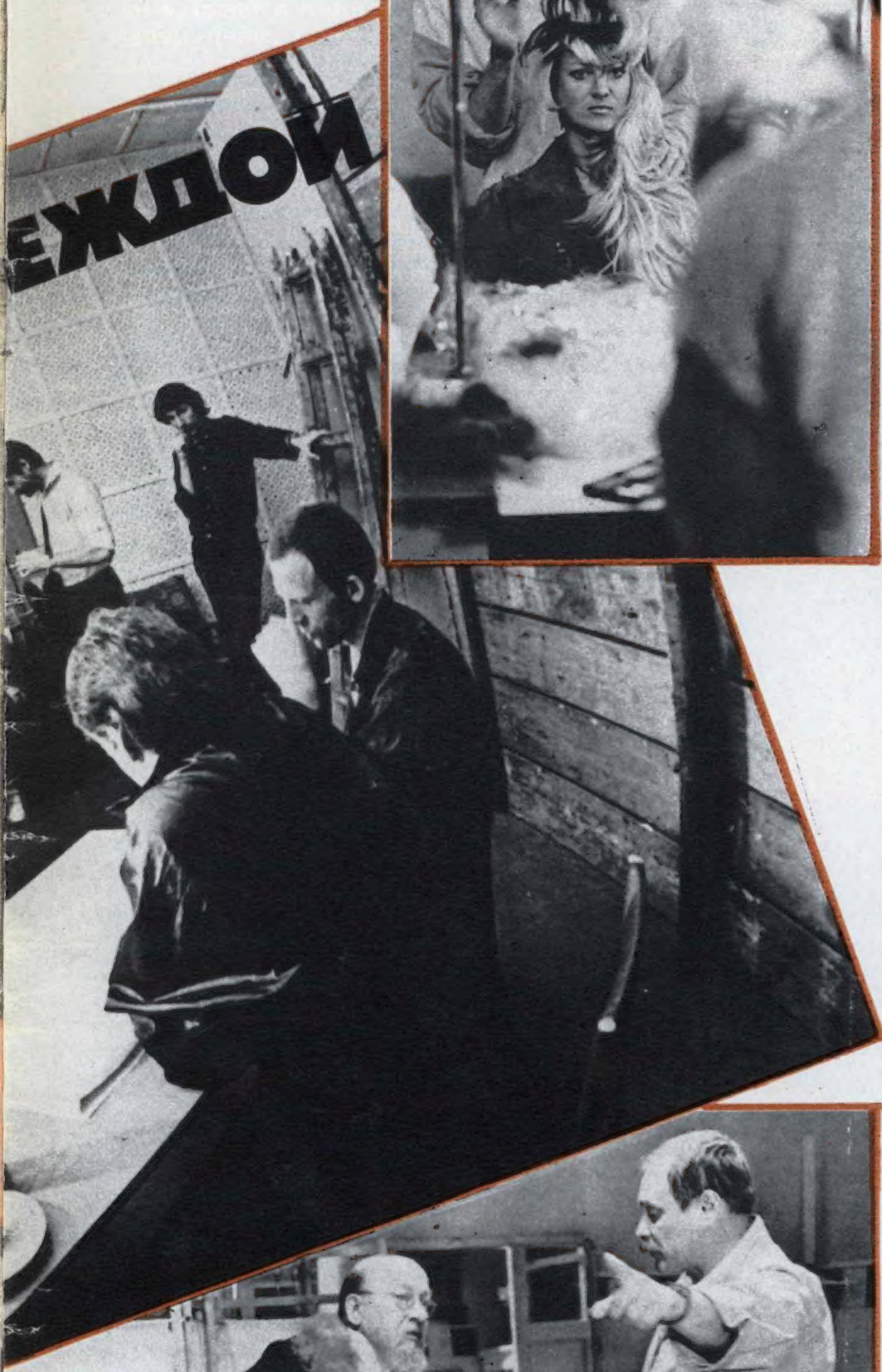
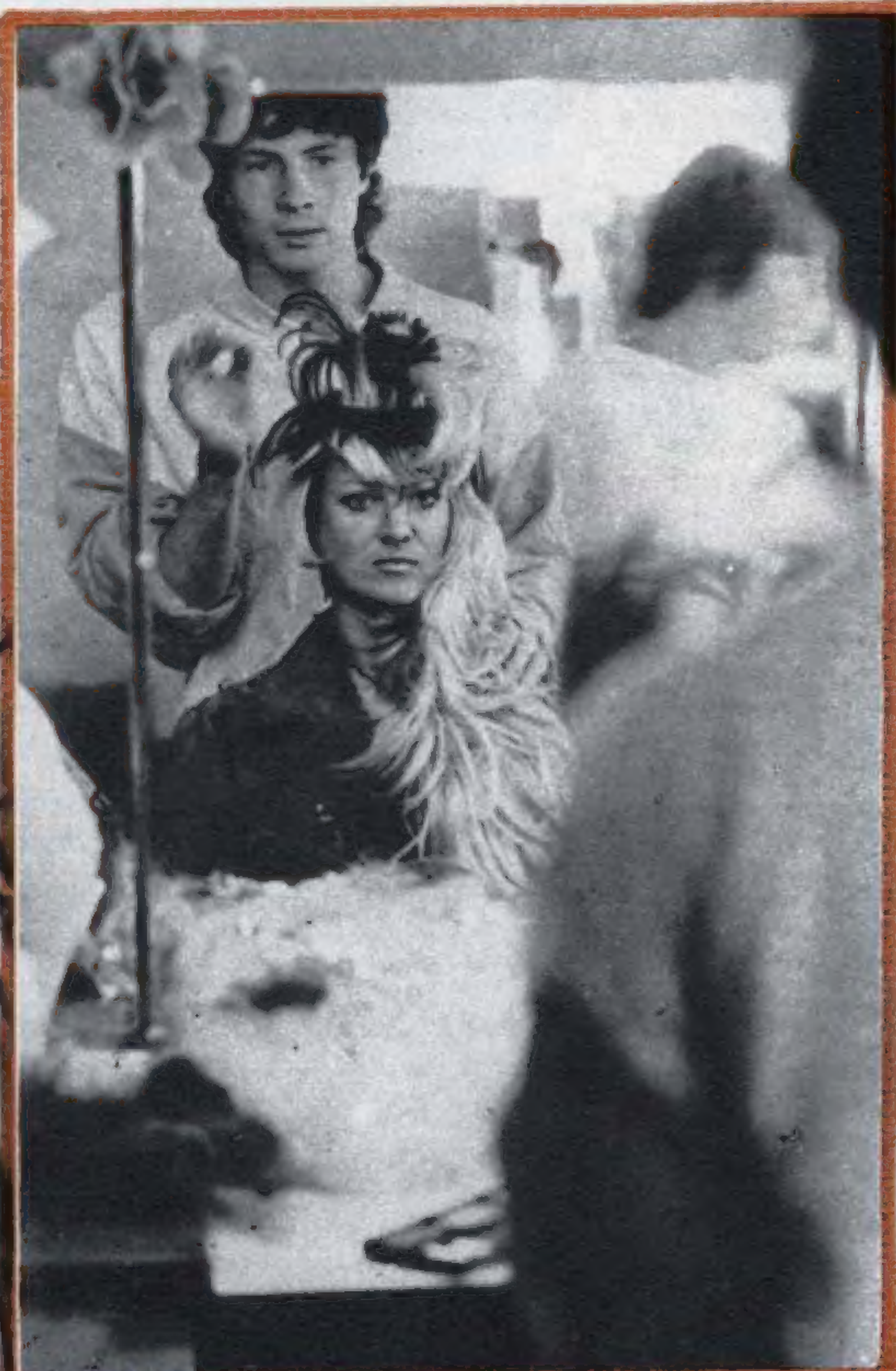
Народный артист СССР
Е. Евстигнеев
и режиссер В. Бортко
на съемках
«Собачьего сердца»
(по М. Булгакову).

Но гораздо более важны сегодня, думается, герои, способные противостоять агрессивному напору потерявших нравственные ориентиры, озлобленных духовных «мутантов», для которых святыне понятия вера, надежда, любовь к ближнему, Родина давно уже пустой звук.

Есть такие герои-подвижники и в новых работах ленинградских мастеров. Не выкроенные по ходячим схемам «положительного персонажа» — живые, страдающие, все понимающие люди, несущие в себе народные идеалы добра, справедливости и бескорыстия...

Людмила ЗАКРЖЕВСКАЯ,
фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА.

В гримерном цехе,
Артистка Н. Кондрашева
и балетмейстер
О. Тимуршин.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Один из героев романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». 6. Матрос, комиссар на крейсере «Аврора» в дни Октябрьской революции. 10. Птица, обитающая в лесах и саваннах Африки. 11. Партизан в пьесе В. В. Иванова «Бронепоезд 14-69». 12. Единица измерения длины. 13. Спортивные соревнования на автомобилях по определенному маршруту. 15. Город в Индии. 16. Поэт, автор поэмы «Владимир Ильич Ленин». 18. График движения поездов. 20. Круглая площадка в цирке для выступлений артистов. 21. Рассказ М. Горького. 23. Философ, академик, Герой Социалистического Труда. 25. Якутский героический эпос. 26. Полуостров в Югославии и Италии. 27. Писатель, автор книги «Брестская крепость». 28. Пушистый жгут из волокон, полуфабрикат прядильного производства.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Русская парная продольная флейта. 2. Организованное путешествие, дальняя прогулка. 3. Высокий мужской голос. 4. Советский кинооператор, режиссер, снявший документальный фильм «Киров». 5. Щипковый музыкальный инструмент, распространенный в странах Востока. 7. Математик и механик, академик, лауреат Ленинской премии. 8. Научное или научно-популярное справочное издание, содержащее систематизированный свод знаний. 9. Фильм, снятый по сценарию Ю. М. Нагибина. 14. Город в Финляндии. 15. Народный художник СССР. 17. Реактивное топливо. 19. Отборная часть войск. 20. Предварительное объявление о спектакле, лекции. 22. Приток реки Тигра. 23. Квант электромагнитного поля, нейтральная элементарная частица. 24. Один оборот по орбите космического корабля.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. «Комсомольская». 9. Громова. 10. Транзит. 11. Рондо. 12. Конница. 14. «Нафтуса». 18. Жаркий. 19. Алатау. 20. Скирда. 22. Штопор. 26. Бассейн. 29. Чайкина. 30. Антре. 31. Ашхабад. 32. Родыгин. 33. Самообладание.
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Форменка. 2. Кошара. 3. Бобина. 4. Ньютон. 5. «Магнитка». 7. Орлов. 8. Липси. 13. Цикорий. 15. Анафора. 16. Аймак. 17. Замша. 21. Кустанай. 23. Открытие. 24. Ракша. 25. Индия. 27. Надзор. 28. Стрела. 29. Череда.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Александра МИТНИКА. (Одесса.)

Ему было 10 лет, когда он по крупцам воссоздал скелет синицы и показал матери. Римма Александровна, профессор биологии, была поражена скрупулезно проделанной работой Алексея. Все свободное время мальчик проводил в лесах и на болотах. Дома завел целый зоопарк, где мирно сосуществовали ежи и ящерицы, галки и тритоны. Мать не препятствовала этим увлечениям — в глубине души уверенная, что Алексей пойдет по ее стопам. Но судьба распорядилась иначе. С третьего курса МГУ Алексей Олегович Зеля уходит на завод работать стеклодувом. И находит себя.

Сегодня ему предлагают выполнить заказы фирмы ФРГ и Индии, творчеством Зеля заинтересовались и у нас. Но Алексей Олегович бесребреник. Цель жизни — создать музей малых форм.

На обивание порогов Министерства культуры, Союза художников и многочисленных исполкомов уходит масса времени и энергии. В инстанциях с подозрением смотрят на художника-самоучку. Сам же Алексей Олегович считает главным для себя мнение простых людей. Он гордится похвалой одной буфетчицы, которая, увидя на выставке созданное им за 17 лет работы, воскликнула: «Ну, теперь я умру спокойно, потому что увидела, как там, в раю! Алексей Олегович, приходите ко мне в «Дюймовочку» с семьей — я вас буду кормить бесплатно!»

Олег ТУРКОВ

Фото Анатолия БОЧИНИНА